

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА

2025 Том 30 № 1

DOI 10.22363/2312-9220-2025-30-1
<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Научный журнал
Издается с 1996 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61204 от 30.03.2015

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Коваленко А.Г., доктор филологических наук, профессор,
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Волкова И.И., доктор филологических наук, профессор,
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: volkova-ii@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Базанова А.Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Борхес-Рей Э., доктор в сфере медиакоммуникаций, адъюнкт-профессор по программе журналистики, Северо-Западный университет в Катаре, Доха, Катар

Голубков М.М., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Дрок Н., PhD, профессор, президент Европейской ассоциации преподавателей журналистики (EJTA), заместитель председателя Всемирного совета по журналистскому образованию (WJEC), профессор школы медиа, Университет прикладных наук Виндсхайма, Зволле, Нидерланды

Жаккар Ж.-Ф., профессор кафедры средиземноморских, славянских и восточных языков и литератур, Женевский университет, Женева, Швейцария

Желтухина М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

Киссель В.С., ведущий научный сотрудник международной лаборатории изучения российского и европейского интеллектуального диалога, профессор восточноевропейской литературы и культуры, Бременский университет, Бремен, Германия

Кихней Л.Г., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории журналистики и литературы, Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия

Лободенко Л.К., доктор филологических наук, профессор, директор Института медиа и социально-гуманитарных наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Меррилл Дж., PhD, профессор русского языка, Университет штата Мичиган, Ист Лэнсинг, США

Нигматуллина К.Р., доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой цифровых медиакоммуникаций, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Панасенко Н., доктор филологических наук, профессор кафедры языковой коммуникации, факультет массмедиальной коммуникации, Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Трнава, Словакия

Саймонс Г.Дж., PhD, профессор, адъюнкт-профессор департамента государственного управления, научный сотрудник Института исследований России и Евразии, Университет Упсалы, Упсала, Швеция

Сколари К., доктор лингвистики и коммуникаций, профессор, адъюнкт-профессор факультета медиакоммуникаций, Университет Помпеу Фабра, Барселона, Испания

Тилак Г., PhD, доктор литературы, доктор менеджмента, профессор, декан факультета современных наук и профессиональных навыков, профессор департамента массовых коммуникаций, Университет Тилак Махараштра Видьяпит, Пуна, Махараштра, Индия

Флейшман Л., профессор кафедры славянских языков и литературы, Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Шилина М.Г., доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА**

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), Scopus, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика» – периодическое научное издание в области филологических исследований. Международный состав редакционной коллегии и экспертного совета обеспечивает отбор, рецензирование и публикацию авторских материалов на русском и английском языках представителей различных научных школ и регионов мира.

Цели журнала – осуществление научного обмена и сотрудничества между российскими и зарубежными литературоведами и журналистами, а также специалистами смежных областей, публикация результатов оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем междисциплинарного характера, касающихся литературоведения и журналистики, освещение научной деятельности профессионального научного сообщества. Приоритетными направлениями журнала являются история русской и зарубежной литературы, теория литературы, история и теория журналистики, средства массовой коммуникации и средства массовой информации, реклама, связи с общественностью России и зарубежных стран. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования.

Одна из задач журнала – знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области литературоведческих и медиаведческих исследований, рекламы и связей с общественностью, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением.

Основные рубрики журнала: «Литературоведение», «Журналистика».

Принимаются материалы, соответствующие следующим специальностям номенклатуры ВАК: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации, 5.9.2. Литературы народов мира, 5.9.3. Теория литературы, 5.9.4. Фольклористика, 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика.

Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, обзоры, информацию о конференциях, научных проектах и т. д.

Редакционная коллегия журнала приглашает литературоведов и специалистов в области средств массовой информации и массовой коммуникации, рекламы и связей с общественностью, работающих в русле вышеуказанных направлений, к участию в подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Электронный адрес редакции журнала: litj@rudn.ru

Редактор *О.В. Салова*

Редакторы англоязычных текстов *К.Ю. Кашилявик, Н.В. Рабкина, О.В. Спачиль*
Компьютерная верстка *Т.Н. Селивановой*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litj@rudn.ru

Подписано в печать 24.03.2025. Выход в свет 31.03.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 19,6. Тираж 500 экз. Заказ № 80. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 2025

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM

2025 VOLUME 30 NUMBER 1

DOI 10.22363/2312-9220-2025-30-1

<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Founded in 1996

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA NAMED AFTER PATRICE LUMUMBA

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander G. Kovalenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

Irina I. Volkova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Mass Communications, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: volkova-ii@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Anna E. Bazanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of Journalism, RUDN University, Moscow, Russia

Eddy Borges-Rey, PhD in Media and Communication, Associate Professor in Residence Journalism Program, Northwestern University in Qatar, Doha, Qatar

Niko Drok, PhD, President of European Journalism Training Association (EJTA), Vice Chair of the World Journalism Education Council (WJEC), Professor of Media & Civil Society, Windesheim University of Applied Sciences, Zwolle, Netherlands

Lazar Fleishman, Professor of the Department of Slavonic Languages and Literature, Stanford University, Stanford, USA

Michail M. Golubkov, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Literature History and Contemporary Literary Process, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Jean-Philippe Jaccard, Professor of the Department of Mediterranean, Slavic and Oriental Languages and Literatures, University of Geneva, Geneva, Switzerland

Liubov G. Kikhney, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History of Journalism and Literature, Institute of International Law and Economy named after A.S. Griboyedov, Moscow, Russia

Wolfgang Stephan Kissel, leading research fellow of the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Professor of East European Literatures and Cultures, University of Bremen, Bremen, Germany

Lidiya K. Lobodenko, Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Institute of Media, Social Sciences and Humanities, Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Jason Merrill, PhD in Russian Literature, Professor of Russian, Michigan State University, East Lansing, USA

Kamilla R. Nigmatullina, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Digital Media Communications, Institute "Higher School of Journalism and Mass Communications", St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nataliya Panasenکو, Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Language Communication, Faculty of Mass Media Communication, University of SV Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovakia

Carlos Alberto Scolari, PhD in Applied Linguistics and Communication Languages, Professor, Associate Professor of the Faculty of Communication, Pompeu Fabra University, Barcelona, Spain

Marina G. Shilina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Advertising, Design and Public Relations, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Gregory John Simons, PhD, Professor, Associate Professor at the Department of Government, researcher at Institute for Russian and Eurasian Studies, Uppsala University, Uppsala, Sweden

Geetali Tilak, PhD, DLit, DM, Professor, Dean of the Faculty of Modern Sciences and Professional Skills, Professor of the Department of Mass Communication, Tilak Maharashtra Vidyapeeth, Pune, Maharashtra, India

Marina R. Zheltukhina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the English Philology Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed by Russian Index of Science Citation, Scopus, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism is a peer-reviewed international academic journal publishing research in literature and journalism. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The goal of the journal is to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists, disseminate theoretically grounded research, and advance knowledge in a broad range of interdisciplinary issues pertaining to the field of literature studies, journalism, public relations and advertising.

The editors aim to publish original research devoted to literature and journalism: literary process, prose, poetry, drama, literary criticism, mass communication, press, radio, television, genres of journalism, public relations.

Contributions to the journal should show awareness of current research trends in these areas, and explore their implications. Methodologies for data collection and analysis can be quantitative or qualitative, and must be grounded in practices in this area. General journal sections are "Literary Studies" and "Journalism".

Materials that correspond to the following specialties: Russian Literature and Literature of the Peoples of the Russian Federation, Literature of the Peoples of the World, Literary Theory, Folkloristics, Media Communications and Journalism are accepted.

As a Russian periodical with an international character, the journal also welcomes articles that advance research in relevant intercultural themes, and/or explore the implications of intercultural issues in communication generally.

In addition to research articles the journal also welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics).

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Copy Editor *O.V. Salova*

English Texts' Editors *K.Yu. Kashlyavik, N.V. Rabkina, O.V. Spachil*

Layout Designer *T.N. Selivanova*

Address of the editorial office:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of the journal:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Лазареску О.Г., Вартазарова Ж.А. Способы мифологизации времени в лирике К.Д. Бальмонта	7
Мастепак Т.Г., Полева Е.А. Социокультурная и историко-политическая тематика в романе В. Набокова «Камера обскура»	20

КОМПАРАТИВИСТИКА

У Сяотин, Коренькова Т.В. Антинигилизм в романе И.С. Тургенева «Новь» и ранних повестях Ба Цзиня «Гибель» и «Новая жизнь»	31
Пороль П.В., Пороль О.А. Китай в стихотворении Б. Поплавского «Поэзия»	41
Воронченко Т.В., Фёдорова Е.В. Воплощение социально-утопических идей в литературе 1970-х годов: функции и роль идиллического хронотопа в романах Сергея Залыгина «Комиссия» и Рудольфо Анайя «Сердце Аптлана»	52

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Баранова К.М., Шалимова Н.С. Система персонажей прозы Д. Тартт: в поисках героя.....	66
Зарытовская В.Н., Аль-Рахби А.М. Жанр «рихля» — от Средневековья к постмодернизму	80
Индвианто К., Бар Барус Д. Постколониальная экокритика в романе Ратны Индрасвари Ибрахим «Лема Танджун»	95

ЖУРНАЛИСТИКА

ТЕОРИЯ МЕДИА

Дмитриев О.А., Евстафьев Д.Г. Информационное общество для неоглобального мира: между конкуренцией постреальностей и новой архитектурой медиа.....	105
Радина Н.К. Мультимодальные тексты медиакоммуникации: исследовательский инструмент для анализа видеопостов социальных цифровых медиа	118
Зарифиан М. Визуальная метафора: сходство непохожего в карикатурах	130

НЕЙРОСЕТИ И МЕДИА

Зорина В.А. Искусственный интеллект в журналистике: библиометрический анализ публикационной активности	143
---	-----

МЕДИАПОЛИТИКА

Мулина А.А., Якова Т.С. Президентские выборы в Турецкой Республике в информационном пространстве стран Балканского полуострова: медиагеографический анализ	161
Иванова Н.А., Новиков Д.П., Фань С. Сравнительный анализ концепта многополярности в политическом и научном дискурсах России и КНР	172
Прамешти А., Альмубарок Х.З., Херавати А.В., Булгарова Б.А. Обеспечение кибербезопасности и правосудия переходного периода после отключения интернета в Западном Папуа — Новой Гвинее в 2019 году.....	186

МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ

Алгави Л.О., Волкова И.И., Харченко А.В., Джорджикиа М. Тест Бекдел в русскоязычном фанфикшене: изображение женщин	199
---	-----

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

Шилина М.Г. Медиатизированная популярная культура современной Индии: многополярность и многослойность рефлексии в ежедневной жизни: интервью с профессором Ушей Раман.....	213
---	-----

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

Коршунова Е.А., Щепалина Е.А. Крымская шмелевиана как часть литературной географии полуострова	219
---	-----

CONTENTS

LITERARY STUDIES

HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

Lazaresku O.G., Vartazarova Zh.A. Ways of Time Mythologizing in K.D. Balmont's Lyrics.....	7
Mastepak T.G., Poleva E.A. Socio-Cultural and Historical-Political Themes in V. Nabokov's Novel <i>Camera Obscura</i>	20

COMPARATIVE LITERARY STUDIES

Wu Xiaoting, Korenkova T.V. Antinihilism in I.S. Turgenev's Novel <i>Virgin Soil</i> and Ba Jin's Early Novellas <i>Extinction</i> and <i>New Life</i>	31
Porol P.V., Porol O.A. China in B. Poplavsky's Poem <i>Poetry</i>	41
Voronchenko T.V., Fyodorova E.V. Implementation of Socio-Utopian Ideas in Literature of 1970s: the Functions and Role of Idyllic Chronotope in the Novels of S. Zalygin <i>The Commission</i> and R. Anaya <i>The Heart of Aztlan</i>	52

FOREIGN LITERATURES

Baranova K.M., Shalimova N.S. Main Characters in D. Tartt's Prose: Exploring the Hero	66
Zarytovskaya V.N., Al-Rahbi A.M. The Genre of Rihla from the Middle Ages to Postmodernism	80
Indriyanto K., Br Barus D. Postcolonial Ecocriticism in Ratna Indraswari Ibrahim's <i>Lema Tanjun</i>	95

JOURNALISM

THEORY OF MEDIA

Dmitriev O.A., Evstafiev D.G. Information Society for the World of Neo-Global: Transition to the Competition of Post-Realities and a New Architecture of Media	105
Radina N.K. Multimodal Media Communication Texts: A Research Tool for Analyzing Social Digital Media Video Posts	118
Zarifian M. Visual Metaphor: Likeness of Unlike Things in Cartoons	130

NEURAL NETWORK AND MEDIA

Zorina V.A. Artificial Intelligence in Journalism: Bibliometric Analysis of Publication Activity.....	143
--	-----

MEDIA POLICY

Mulina A.A., Yakova T.S. Presidential Elections in the Republic of Turkey in the Information Space of the Balkan Countries: Media Geographical Analysis	161
Ivanova N.A., Novikov D.P., Fan X. Comparative Analysis of the Concept of Multipolarity in the Political and Scientific Discourses of Russia and China	172
Pramesti A., Almubaroq H.Z., Herawati A.V., Bulgarova B.A. Enduring Cybersecurity and Transitional Justice: Aftermath of West Papua and Papua's Internet Shutdown in 2019.....	185

MEDIA EDUCATION

Algavi L.O., Volkova I.I., Kharchenko A.V., Jorjikia M. The Bechdel Test in Russian Fanfiction: The Portrayal of Women	199
---	-----

INTERVIEW

Shilina M.G. Mediatized Popular Culture in Contemporary India: Multipolar and Multilayered Reflections in Everyday Life: Interview with Prof. Usha Raman	213
---	-----

REVIEW

Korshunova E.A., Shchepalina E.A. Crimean Shmeleviana as Part of the Literary Geography of the Peninsula.....	219
--	-----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
LITERARY STUDIES
HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-1-7-19

EDN: TJMBOZ

УДК 83.3

Научная статья / Research article

**Способы мифологизации времени
в лирике К.Д. Бальмонта**

О.Г. Лазареску^{ID}, Ж.А. Вартазарова^{ID}✉

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

✉vartoliver@yandex.ru

Аннотация. Время для К.Д. Бальмонта — не только момент переживания лирической эмоции во всей совокупности неповторимых обстоятельств и приемов ее передачи, но и предмет поэтической рефлексии, принявший вид темпоральных единиц. Проведено исследование архетипичности новой литературы, ее способности воплощать мифологическое «содержание». Главная цель — рассмотреть приемы мифологизации времени в стихотворных произведениях Бальмонта, показать, как в них отражается народное сознание, как народное творчество влияет на уникальность авторской поэтической манеры. Изучается, как у Бальмонта функционируют временные обозначения: реализация сакрального смысла событий или явлений; указание на сверхъестественную природу объекта; взаимообратимость временного и вечного; круговорот всего происходящего в мире («хороводность времен»); метафора быстротечности жизни или, наоборот, возможность «растянуть» время, чтобы в одно мгновение вместить долгие годы. Полученные результаты показали, что Бальмонт рассматривал время, временные обозначения, темпоральные единицы как способ воспроизведения законов бытия в поэтических образах, несущих приметы народного сознания.

Ключевые слова: темпоральные единицы, миф, фольклор, архетип, народное сознание, метафора, амплификация

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Лазареску О.Г., Вартазарова Ж.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов. Разработка идеи, сбор и анализ данных, написание и редактирование рукописи — О.Г. Лазареску и Ж.А. Вартазарова.

История статьи: поступила в редакцию 14 мая 2024 г.; отрецензирована 20 июля 2024 г.; принята к публикации 20 сентября 2024 г.

Для цитирования: Лазареску О.Г., Вартазарова Ж.А. Способы мифологизации времени в лирике К.Д. Бальмонта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 1. С. 7–19. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-7-19>

Ways of Time Mythologizing in K.D. Balmont's Lyrics

Olga G. Lazaresku^{}, Zhaklin A. Vartazarova^{}✉

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

✉vartoliver@yandex.ru

Abstract. Time for K. Balmont is not only a moment of experiencing a lyrical emotion in all the entirety of its unique circumstances and the means to express such an emotion, but also the subject of poetic reflection, which attains the form of temporal designations, or temporal units, in his poems and which gives insight into general approaches the poet applied to time as a source of poetic creativity. We conducted a study of archetypicity of the novel literature and its ability to embody the mythologic “content” in itself, and is aimed at elucidating the tools for mythologization of time in Balmont’s poems as a reflection of the folk conscience which has impacted on the uniqueness of the author’s poetic manner. Scientific novelty of this study is defined by focusing attention on temporal designations, or temporal units, as resource for artistic world-modelling based on the principles of mythologic and folkloric conscience. The main body of the article represents an analysis of how these temporal designations function in Balmont’s poetic works: as realization of the sacral meaning of events or phenomena; as indication of the supernatural essence of an object; as mutual reversibility of the temporary and the eternal; as a cycle of all that happens in the world (*a round-dancing of time*); as metaphor of transience of life or, conversely, as an opportunity to “stretch out” time in order to fit long years into a single moment. The results suggested that Balmont considered time and temporal designations, or temporal units, as a way to reproduce the laws of being in the form of poetic images bearing the signs of folk conscience in themselves.

Keywords: temporal units, myth, folklore, archetype, folk conscience, metaphor, amplification

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Author’s contribution. Development of the idea, data collection & analysis, manuscript writing and editing — Olga G. Lazaresku, Zhaklin A. Vartazarova.

Article history: submitted May 14, 2024; revised June 20, 2024; accepted September 20, 2024.

For citation: Lazaresku, O.G., & Vartazarova, Zh.A. (2025). Ways of Time Mythologizing in K.D. Balmont’s Lyrics. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(1), 7–19. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-7-19>

Введение

Время как способ организации художественного произведения — фундаментальная и обширная область литературоведческих изысканий, востребованность которых определяется бесчисленными воплощениями этой сущности в словесном творчестве. Особенность реализации художественного времени связывается с той или иной родо-видовой традицией (Бахтин, 1979, с. 204–236; Лихачёв, 1979, с. 209–334), с идейно-тематическими приоритетами автора, его пристрастием к тем или иным изобразительным ресурсам (Виноградов, 1980, с. 210–214; Сильман, 1977, с. 14–27, 122–136), с историко-литературным и культурным контекстом (Малинская, 2022, с. 9–21).

Как верно замечено, к XX веку в искусстве время приобретает особое значение и как тема, и как принцип конструкции произведения, и как категория, вне которой невозможно воплощение художественного замысла (Иванов, 1974, с. 39). Особенность реализации времени в стихах К.Д. Бальмонта определяется тем, что в них эта категория бытия становится предметом поэтической рефлексии, обретает статус то закона жизни, то «лика» природы, то духовной «меры».

Художественное осмысление окружающей действительности с помощью временных отрезков для русской поэзии не было новым в эпоху, когда жил и творил Бальмонт. Измерять ход истории веком — давняя традиция русских поэтов (Пушкин, 1949, с. 378–379; Радищев, 1938, с. 127–129; Тредиаковский, 1963, с. 180). Свое место в мировой духовной культуре заняла и «Легенда веков» В. Гюго. Это попытка описать историю человечества от сотворения («от Евы к Иисусу») до «запредельного времени», делающая «минорные» выводы об этой истории (Говенько, 2009, с. 529). В глубинах народного сознания «вековая» мера тоже была востребована (Песни, собранные П.Н. Рыбниковым, 1861, с. 344). В этом ряду и миф о «золотом веке» человечества (Мифологический словарь, 1985, с. 63). «Золотой век» воплощен как эсхатологический идеал, сакральный порядок (Гаспаров, 1999, с. 163–164), царство добра.

Век, столетие, тысячелетие — тот хронометраж, к которому Бальмонт проявлял устойчивый интерес на протяжении всего творчества. Да и к самому поэту вполне органично применялись подобные крупные темпоральные единицы. Так, М. Цветаева, говоря о творческой неутомимости Бальмонта и называя его пожизненным тружеником, «измеряла» это качество поэта той же мерой: «Тут не пятьдесят лет ... тут сто лет литературного труда» (Цветаева, 2000, с. 327–328).

А. Блок в своей характеристике Бальмонта также подчеркивает: «Бальмонт начал петь под скудным „северным небом“, где была „безбрежность“ — только волны, только воздух. И он погрузился в такую полную „тишину“, в которой ясно дошел до его слуха слитный гул из веков и народов...» (Блок, 1980, с. 73). Смеем предположить, что темпоральная

единица «век» и иные крупные временные отрезки не только характеризовали широкую натуру поэта, но и отражали его интерес и чуткость к глубинам народного представления о мироустройстве, о законах бытия, о преходящем и вечном.

Д.В. Абашева, говоря о фольклорно-мифологических источниках поэзии М. Цветаевой, замечает: «... пристальное внимание к народу и проявлению его творчества, духовной культуры пронизывало все области искусства, культуры этого времени» (Абашева, 2016, с. 163). Думается, что это в полной мере может быть отнесено и к Бальмонту, поэзия которого представляет авторское осмысление народной культуры — на уровне образов, мотивов, жанровых ассоциаций, изобразительно-выразительных средств фольклора и мифологии.

Наука о литературе задается вопросом, насколько мифологический и ритуальный смысл, присущий фольклорному прототипу, сохраняет свою актуальность для использующего его художественного текста, чем можно доказать или опровергнуть наличие такого смыслового слоя — бесспорного для фольклора — в литературном произведении (Левинтон, 1985, с. 38). Отмечается, что мифологизм может создаваться, помимо прямой ориентации на мифы, за счет полигенетичности текста, т.е. соединения гетерогенных сюжетов, мотивов, тропов и прочих элементов, почерпнутых из разных фольклорных источников — своего рода гипермифологизм (Левинтон, 1985 с. 39). И тогда литературная обработка рождает новую интерпретацию этих элементов и становится фокусом, рожающим новый смысл — мифологический.

Мифологический характер художественного мышления Бальмонта во многом определяется его концентрированностью на разных видах временных обозначений, которые перерастают свое утилитарное значение и становятся способом создания поэтического образа, несущего приметы народного сознания. Подобно тому, как увлечение поэта числовыми отношениями (Иванов, 1974, с. 46) и числовой символикой (Молчанова, 2001, с. 52, 53) создает почву для «числовой магии», увлечение темпоральными единицами оборачивается мифологизацией времени. Цель данной статьи — понять, каковы приемы мифологизации времени в стихотворных произведениях Бальмонта, как это определяет уникальность авторской поэтической манеры в работе с устно-поэтическими источниками.

Результаты и обсуждение

Бальмонта-поэта вполне можно характеризовать так же, как и его лирического героя в стихотворении «Колдун» («Птицы в воздухе»): «...много он оставил мифов... / И он теперь от нас далек, / Но, если возникает тайна, / Мы знаем, был он не случайно... Он здесь, мы знаем, нас он слышит...» (Бальмонт, 1994, т. 2, с. 565). «Мифы», оставленные Колдуном, не

собрание рассказов, а живой источник. Они возрождаются тогда, когда, «дышит сердце», когда слово о мире реализуется в судьбе. Миф не может быть измышлен или сочинен: он рождается через претерпевание (Виролайнен, 1995, с. 332). Бальмонт провел своего лирического героя через «претерпевание» того, что сказано о мире и что заключает в себе знание о вечных законах бытия. Да и его судьба показывает пример претерпевания как попытки понять таинство жизни — через любовь ко всему родному и разрыв с ним после эмиграции. И неизбывную тоску по тому, что оставил навсегда.

А.Н. Афанасьев, исследуя происхождение слова «колдун», отмечает, что оно наводит нас на понятия высшей, сверхъестественной мудрости, предвидения, поэтического творчества, знания священных закланий, жертвенных и очистительных обрядов, умения совершать гадания, предвещать будущее и врачевать недуги (Афанасьев, 1983, с. 377–378). «Колдун» и «поэт» сближаются по признаку своей сверхъестественной природы, способности влиять на других людей, нести тайное знание. В стихотворении «Колдунья» («Только любовь») лирический герой обретает «таинство Блага и Зла» благодаря любовным узам с Колдуньей. Он становится «бесмертным», как и Колдунья, мифическая природа которой показывается через временное обозначение — она жила «не годы, — всегда», она «навсегда — молода», у нее «стоletье в зрачках» (Бальмонт, 1994, т. 1, с. 570–571). По языческим представлениям, человеческое тело, как и душа, «заключали в себе силу сверхъестественную, особенно лицо, в котором стихийная сила проторгалась через глаза <...> Как солнечный луч не только освещает и благотворно действует на природу, но и производит заразу, так и взор человека, подобно лучу света ... мог оказывать как благотворную, так и вредную силу» (Буслаев, 2003, с. 28–29). «Стоletье» в зрачках Колдуньи — авторский прием для обозначения сверхъестественной природы тех сил, которые влияют на героя, обретшего «таинство Блага и Зла». Темпоральная единица «стоletье» в данном случае функционирует по законам традиционного сознания, которое чуралось подробного анализа или описания нравственного содержания объекта.

Сверхъестественное начало у Бальмонта ассоциируется со сказкой, сказочным миром и передается через временные единицы: «Мы брошены в сказочный мир, / Какой-то могучей рукой. / На тризну? На битву? На пир? / Не знаю. Я вечно — другой / Я каждой минутой — сожжен» («Мы брошены в сказочный мир...», «Будем как солнце») (Бальмонт, 1994, т. 1, с. 407). А любовная «сказка» актуализирует волшебное-сказочное время, которое по сути является «вечным», «совмещающим в себе все времена»: «Я время сказкой зачарую, / Я в страсти звезды создаю, / Я весь — весна, когда пою, / Я — светлый бог, когда целую!» («Мой милый...», «Будем как солнце») (Бальмонт, 1994, т. 1, с. 443). Именно благодаря неопределенности, благодаря тому, что сказка не прикреплена ни к одной из историче-

ских эпох, она и оказывается современной во все времена¹. Для Бальмонта «зачаровать время сказкой» значит «минуту» сделать «вечностью», и наоборот.

«Сказочный мир» как модель бытия маркируется темпоральной единицей и в стихотворении «На разных языках» («Будем как солнце»): «А я живу. Как в сказочных веках, / Воздушный сад исполнен аромата. / Поет пчела. Моя душа богата. / Мы говорим на разных языках» (Бальмонт, 1994, т. 1, с. 415). Здесь «сказочные века» одновременно и иносказание давно прошедших времен, и ощущение жизни лирического героя — жизни как победы исполненного ароматом «воздушного сада» над «мертвым берегом». «Века» здесь несут не столько временное значение, сколько значение закона жизни как победы света над тьмой, жизни над смертью. Не будет большим искажением считать, что «сказочные века» в этом стихотворении представляют авторский вариант сказочного закона жизни — победы Добра над Злом. А богатство души лирического героя («моя душа богата») — свернутая до лирической эмоции формула жизни и испытаний.

Во многих случаях образ времени у Бальмонта строится на круговороте всего происходящего в мире, в чем можно усмотреть признаки архаической концепции мироустройства, согласно которой любой предмет и любое действие становятся реальными только тогда, когда они *имитируют* или *повторяют* некий архетип, что рассматривается мифологами как явление отмены времени посредством подражания образцам и повторением парадигматических действий (Элиаде, 1998, с. 56, 58). Внутри этой концепции «мирское» время отменяется, и человек становится как бы «самим собой». Стихотворение «Круговорот» («Злые чары») через временные отрезки представляет закон мироустройства как повторение единжды данного — для природы и для человека. Природа у Бальмонта олицетворяет миропорядок, это «частица священного мироустройства»: она противостоит времени, становится реальной вдвойне по причине своего бесконечно долгого существования. Природный продукт, предмет, изготовленный человеком, обретает свою *реальность*, *самобытность* только в той степени, в какой он причастен к трансцендентной реальности (Элиаде, 1998, с. 13–16). В стихотворении «Из леса в сад» («Зеленый вертоград») «Лес» и «Сад» воссоздают круговое движение как закон мироустройства, который маркируется темпоральной единицей «век».

В этом же ряду образ времени в стихотворении «Тринадцатый» («Хоровод времен»), где «Год» — олицетворение отца, родителя всех месяцев, давшего им в «кружении ведать бытие» со всеми его сакральными признаками: цветами, снегами, звездами, радугой-дугой. В «круговозвратности» Года — мудрость мироустройства, а «хороводность» месяцев — настоящая реальность, так как она стоит в основании мира (Бальмонт, 1994,

¹ *Неёлов Е.М.* Натурфилософия русской волшебной сказки : учебное пособие. Петрозаводск, 1989. 88 с.

т. 2, с. 609—610). Радуга подчеркивает сакральный ряд предметов, ее полукруглая форма заставляет видеть в ней кольцо, обнимающее землю, а роскошные, блестящие краски, которыми она сияет, уподобляет ее драгоценному убору, в который наряжается божество неба (Афанасьев, 1983, с. 101). То же и в стихотворении «Семицветный мост» («Птицы в воздухе»). Здесь радуга маркируется темпоральным обозначением «неделя». Она предстает в образе невесты месяца, а месяцы, «женившись на неделях», создают «хоровод» Года: «Полночь Года! С Новым Счастьем! Новый Год идет!». Образ радуги — невесты месяца — можно рассматривать как авторскую интерпретацию традиционных представлений о временах года, «живом воплощении стихийных богов и богинь, которые поочередно нисходят с небесных высот на землю и устраивают на ней свое владычество», уподобляясь жене или мужу, что в свою очередь восходит к идее весеннего пробуждения природы как бракосочетания богини Земли с просветлевшим Небом (Афанасьев, 1983, с. 430). Венчание, связанное с временами года, отражено в древних обрядах, которые прикреплены к смерти и возрождению «года». Убивают (топят, вешают, бросают со скалы) зиму, старый год и увенчивают (женят, делают царями) новый — весну, лето (Фрейденберг, 1998, с. 127).

О.М. Фрейденберг возводит восприятие мира первобытным человеком как «круга» к типу мышления, не знавшему формальной логики — с выведением из причины следствия: «Причина одного явления лежала для него в явлении смежном. Так получалась цепь причин и следствий в виде круга, замкнутой линии, где каждый член ряда был и причиной, и следствием. Такая причинность вызывала представление об окружающем как о сменяющейся неизменности» (Фрейденберг, 1998, с. 24). Это касается и времени, которое, по утверждению мифолога, представлялось первобытному сознанию в виде пространства, имеющего свои отрезки; пространство же воспринималось им в виде вещи, а следовательно, можно говорить о первобытном восприятии времени в виде вещи (Фрейденберг, 1998, с. 25, 34).

Подобный тип мышления реализуется в стихотворении «Атомы времени» («Хоровод времен»), где круговозвратность выводится на новый уровень — не Года, а Времен как вечного возвращения от «безликости» к «лику», от «немоты» к «звукам», от «крика» — «в песнь». Структура мироустройства также принимает форму круга — «всеоключающее жерло», в которое падает человек, как все «снежинки, паутинки», в судьбах которых воплощается «хороводность времен» (Бальмонт, 1994, т. 2, с. 636—637). Восприятие времени «в виде вещи» — «зеленого Древа», которое цветет «круглый год», — представлено в стихотворении «Славянское древо» («Жар-птица»): «От ивы к березе, от вишенки к ели, / Зеленое Древо цветет» (Бальмонт, 1994, т. 2, с. 240).

Круговозвратность как принцип мироустройства закрепляется регулярным использованием понятия «время» во множественном числе —

«времена», что подчеркивает гомогенность, неразличимость в главном, в своей изначальной сути, заданной «началом времен»: «В начале времен / Везде было только лишь Небо да Море. / Лишь дали морские, лишь дали морские, да светлый / бездонный вокруг них небосклон» («В начале времен», «Жар-птица») (Бальмонт, 1994, т. 2, с. 153). Событие, которое определило суть всех времен, различаемых в частностях, но единых в главном, — встреча Бога, плававшего среди «бесприютного», «безбрежного» простора, с Дьяволом, которого он взял в свою ладю. Это единственная сущностная «Перемена» мира с момента его сотворения, все остальное — «времена», и в них действует единый закон, пока стоит мир: бесконечная борьба этих двоих. Бог уснул, а Дьявол задумал столкнуть Бога с ляди: «Чтоб в Море упал он, чтоб в Бездне Господь / потонул. / <...> И враг ему Дьявол с тех пор» (Бальмонт, 1994, т. 2, с. 155).

В этом ряду — «по ту сторону времен» («Стих про Онику воина», «Жар-птица»), «отдалившиеся времена» («Волх», «Жар-птица»), «во все времена» («Свете тихий», «Зеленый вертоград»), «сон времен» («Не забывай», «Зеленый вертоград»), «тризна всех времен» («Муха», «Птицы в воздухе»), «тренье времен» («Змеинная свеча», «Птицы в воздухе»). «Временность» у Бальмонта даже в своих мимолетных проявлениях манит в «Вечность»: «Одевается в золото, светится ало» («Свадьба Воды и Огня», «Птицы в воздухе») (Бальмонт, 1994, т. 2, с. 527).

Темпоральные отрезки нередко становятся метафорой неизбытности, вечного возвращения, невозможности вырваться из замкнутого круга. Их можно рассмотреть и как признак архаизирующего сознания, которое исключало развитие мира во времени и соотносило жизнь человека с неизменностью законов природы. Так, в стихотворении «Океан. Сонет» («В безбрежности») лирический герой приходит к осознанию напрасности надежд на обретение Страны Обетованной через повторяющиеся и возрастающие в своем качестве временные отрезки: «Скитайся дни, года, десятки, сотни лет, — / Ты не найдешь нигде Страны Обетованной» (Бальмонт, 1994, т. 1, с. 60). Желание вырваться из этого круга скитаний равносильно желанию преодолеть время, но неизбытность его состояния обеспечена самим законом жизни, за который здесь представляет природный объект, Океан, который, как бы он ни роптал, ни «рокотал», ни «волновался», останется неизменен — ропот будет «заглушен». Понятие будущего неотделимо от представления о необратимости. Абсолютная повторяемость и обратимость событий лишают прошлое, настоящее и будущее реальных различий. То, что будет, уже было, и то, что есть, уже было и еще будет; все потенции реализованы, вещи и события не возникают в собственном смысле этого слова, а лишь воспроизводятся. К такому миру неприменимо понятие развития (Аскин, 1974, с. 68). Нерв стихотворения Бальмонта — в жажде будущего, страстном желании преодолеть наличное бытие, обрести то, чего никогда не было. Но временной ряд «дни, года, десятки, сотни лет» выстроен как движение без движения, как

возврат к прошлому, где нет изменения, нет Земли обетованной. Временные обозначения в данном случае можно рассматривать как вариант «бесконечного» и «безмерного», общего принципа поэтики Бальмонта: выдвижение в качестве исходного начала бесконечного и безмерного, которое осуществляется за счет парадигматических уподоблений-параллелей, когда сама целостность художественного образа определяется установкой на бесконечность, поскольку парадигматический ряд может продолжаться вечно (Бройтман, 1997, с. 29, 215, 241, 243).

Нередки случаи использования Бальмонтом крупных темпоральных единиц как способа изобразить быстротечность жизни: «...как миг один, прошли тысячелетья» («Огонь», «Литургия красоты») (Бальмонт, 1994, т. 1, с. 759); «Промчатся столетья и будут мгновеньем казаться» («Непоправимое», «В безбрежности») (Бальмонт, 1994, т. 1, с. 104). Или, наоборот, как способа «растянуть» время, чтобы воспроизвести путь поиска смысла жизни: «...я наверно жил не годы, а столетья» («Война, не вражда», «Литургия красоты») (Бальмонт, 1994, т. 1, с. 738); «Дни, мгновенья, — точно годы — годы медленно идут» («Грусть», «Под северным небом») (Бальмонт, 1994, т. 1, с. 43), — как творческий акт, способный вместить в одно мгновение многие годы духовного опыта.

Свою роль в мифологизации времени у Бальмонта играют различные случаи использования избыточных конструкций (амплификация) с применением темпоральных единиц в виде «нагромождения» равнозначных выражений, «укрепления» их гиперболами, градацией, аналогиями и контрастами (Литературный энциклопедический словарь, 1987, с. 22): «Века веков продлится этот плен» («Осужденные», «Будем как солнце») (Бальмонт, 1994, т. 1, с. 534); «От века и до века — красота» («Наваждение», «Будем как солнце») (Бальмонт, 1994, т. 1, с. 519); «День за днем, за годом год. / И за годом год, всегда. / Светит вечером Звезда. / И для нас века веков, / Нет разгадки лепестков» («Цветок», «Фейные сказки») (Бальмонт, 1994, т. 2, с. 34); «От века и до века, / И раньше веков всех» («К Сладим-реке», «Зеленый вертоград») (Бальмонт, 1994, т. 2, с. 363); «Через столетия столетий» («Птицы в воздухе») (Бальмонт, 1994, т. 2, с. 532); «Сколько лет, веков, тысячелетий, / Сказать бы я не мог — и для чего считать?» («Изумрудная птица», «Птицы в воздухе») (Бальмонт, 1994, т. 2, с. 560); «Господь ... / Зачем Ты даровал мне душу неземную — / И приковал меня к земле? / Я говорю с Тобой сквозь тьму тысячелетий / <...> И тысячи веков напрасен, безответен / Мой скорбный крик: «Зачем? Зачем?..» («Зачем», «Под северным небом») (Бальмонт, 1994, т. 1, с. 17). Использование подобных конструкций неизменно сопровождает метафизические поиски поэта в его стремлении найти ответ на ключевые вопросы мироустройства. И глубине поисков соответствует темпоральная мера «миллионы, мириады нескончаемых веков», которым поэт находит неисчисляемый временной эквивалент «Навсегда» и «Никогда»: «Мы не знаем, где родится новой истины звезда. / Нами правит два проклятья: *Навсегда* и *Никогда*» («Да, я вижу...», «В безбрежности») (Бальмонт, 1994, т. 1, с. 129).

А космическому, вселенскому масштабу бытия соответствует образ «испуганных столетий», несущихся к своему «горькому концу» («Пройдут века веков», «Тишина») (Бальмонт, 1994, т. 1, с. 185).

Заключение

Мифологизация времени у Бальмонта во многом определяется тем, как в его стихотворениях функционируют временные отрезки, темпоральные единицы: реализация сакрального смысла событий и явлений; указание на сверхъестественную природу объекта; взаимообратимость временного и вечного; круговорот всего происходящего в мире («хороводность времен»); метафора быстротечности жизни или, наоборот, возможность «растянуть» время, чтобы в одно мгновение вместить долгие годы. Мифологизация времени связана и с высокой востребованностью приема амплификации, который позволяет поэту, как мифическому великану, широко «шагать» — через годы, столетия, тысячелетия, заставляя видеть в этом признаки архаического сознания, апеллирующего к силам, проверенным этими годами, столетиями и тысячелетиями, то есть к силам природы и традиции.

Список литературы

- Абашева Д.В.* Фольклорно-мифологический мотив «Горы» в творчестве М.И. Цветаевой // *Образ народной культуры в литературе : монография / под ред. Д.В. Абашевой.* Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2016. С. 163–167.
- Аскин Я.Ф.* Категория будущего и принципы ее воплощения в искусстве // *Ритм, пространство и время в литературе и искусстве / под ред. Б.Ф. Егорова.* Л. : Наука. Ленинградское отд-ние, 1974. С. 67–73.
- Афанасьев А.Н.* Древо жизни: избранные статьи. М. : Современник, 1983. 464 с.
- Бальмонт К.* Собрание сочинений : в 2 томах. М. : Можайск-Терра, 1994. Т. 1. 832 с.; Т. 2. 704 с.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 424 с.
- Блок А.* Об искусстве. М. : Искусство, 1980. 503 с.
- Бройтман С.Н.* Русская лирика XIX — начала XX века в свете исторической поэтики. Субъектно-образная структура. М. : Изд-во Российского государственного гуманитарного ун-та, 1997. 307 с.
- Буслаев Ф.И.* Народный эпос и мифология. М. : Высшая школа, 2003. 400 с.
- Виноградов В.В.* О языке художественной прозы. М. : Наука, 1980. 358 с.
- Виролайнен М.Н.* Культурный герой Нового времени // *Легенды и мифы о Пушкине : сборник статей / под ред. М.Н. Виролайнен (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН).* СПб. : Гуманитарное агентство «Академический проект», 1995. С. 329–349.
- Гаспаров Б.М.* Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб. : Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. 400 с.
- Говенько Т.В.* Словарь-комментарий // *А.Н. Веселовский. Избранное : традиционная духовная культура.* М. : РОССПЭН, 2009. 622 с.

- Иванов В.В. Категория времени в искусстве и культуре XX века // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве / под ред. Б.Ф. Егорова. Л. : Наука. Ленинградское отд-ние, 1974. С. 39–67.
- Левинтон Г.А. Фольклоризм и «мифологизм» в литературе // Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII–XX вв. : тезисы научной конференции / отв. ред. В. Невердинова. Таллин : Таллинский педагогический институт им. Э. Вильде, 1985. С. 38–41.
- Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. М. : Советская энциклопедия, 1987. 751 с.
- Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М. : Наука, 1979. 357 с.
- Малинская Т.В. Время и его реализация в темпоральной синтаксеме со значением утренних и вечерних частей суток в произведениях И.А. Бунина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2022. 24 с.
- Мифологический словарь / М.Н. Ботвинник [и др.]. М. : Просвещение, 1985. 176 с.
- Молчанова Н.А. Аполлоническое и дионисийское начало в книге К.Д. Бальмонта «Будем как солнце» // Русская литература. 2001. № 4. С. 51–67.
- Пёсны, собранные П.Н. Рыбниковымъ. Ч. II. Народныя былины, старины и побывальщины. М. : В Типографіи А. Семена, 1862. 354 с.
- Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10-ти томах. М., Л. : АН СССР, 1949. Том IV. 551 с.
- Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. М.—Л. : АН СССР, 1938–1952. Т. 1 (1938). С. 127–129.
- Сильман Т.И. Заметки о лирике. Л. : Советский писатель. Ленинградское отд-ние, 1977. 223 с.
- Тредиаковский В.К. Избранные произведения. М.—Л. : Советский писатель, 1963. 577 с.
- Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М. : Восточная литература РАН, 1998. 800 с.
- Цветаева М. Пленный дух: воспоминания о современниках. Эссе. СПб. : Азбука, 2000. 448 с.
- Элиаде Мирча. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость / пер. с франц. Е. Морозовой, Е. Мурашкинцевой. СПб. : Алетейя, 1998. 249 с.

References

- Abasheva, D.V. (2016). Folklore-mythologic motive of *A Mountain* in works by M.I. Tsve-taeva. In D.V. Abasheva (Ed.), *The image of folk culture in literature: Monograph* (pp. 163–167). Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University. (In Russ.)
- Askin, Ya.F. (1974). Category of the future and the principles of its implementation in the art. In B.F. Egorov (Ed.), *Rhythm, space, and time in literature and art* (pp. 67–73). Leningrad: Nauka Publ. Leningradskoe otделение. (In Russ.)
- Afanas'ev, A.N. (1983). *Tree of life: Selected articles*. Moscow: Sovremennik Publ. (In Russ.)
- Bakhtin, M.M. (1979). *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russ.)
- Bal'mont, K. (1994). *Collection of works*: Moscow: Mozhaisk-Terra Publ. (In Russ.)
- Blok, A. (1980). *On art*. Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russ.)
- Botvinnik, M.N. (1985). *The Dictionary of Mythology*. Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russ.)
- Broitman, S.N. (1997). *Russian lyrics of the XIX – beginning of XX centuries in light of historical poetics. Subject-image structure*. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ. (In Russ.)

- Buslaev, F.I. (2003). *Folk epos and mythology*. Moscow: Vysshaya shkola Publ. (In Russ.)
- Eliade, M. (1998). *The myth of eternal return. Archetypes and repeatability* (E. Morozova, & E. Murashkinceva, Trans.). Saint Petersburg: Aleteiya Publ. (In Russ.)
- Freidenberg, O.M. (1998). *Myth and the literature of ancients*. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
- Gasparov, B.M. (1999). *Poetic language of Pushkin as a fact of the history of Russian literary language*. Saint Petersburg: Humanitarian agency "Akademicheskii proekt". (In Russ.)
- Goven'ko, T.V. (2009). Dictionary and commentary. In A.N. Veselovskii, *The selected: Traditional spiritual culture* (pp. 490–575). Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Ivanov, V.V. (1974). Category of time in art and culture of the XX century. In B.F. Egorov (Ed.), *Rhythm, space, and time in literature and art* (pp. 39–67). Leningrad: Nauka Publ. Leningradskoe otделение. (In Russ.)
- Kozhevnikov, V.M., & Nikolaev, P.A. (Eds.). (1987). *Literary encyclopedic dictionary*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.)
- Levinton, G.A. (1985). Folklorism and "mythologism" in literature. In V. Neverdinova (Ed.), *Literary process and the development of Russian culture in the XVIII – XX centuries: Conference proceedings* (pp. 38–41). Tallinn: Vil'de Tallinn Pedagogical Institute. (In Russ.)
- Likhachev, D.S. (1979). *Poetics of Old Russian literature*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Malinskaya, T.V. (2022). *Time and its realization in temporal syntaxeme signifying morning and evening periods of day in I. Bunin's works* [Unpublished doctoral dissertation]. Mytishchi. (In Russ.)
- Molchanova, N.A. (2001). Apollonic and Dionysian beginnings in the book by K. Balmont "Let Us Be Like the Sun". *Russian Studies in Literature*, (4), 51–67. (In Russ.)
- Pushkin, A.S. (1949). *The complete collection of works: In 10 volumes*. Vol. IV. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of USSR. (In Russ.)
- Radishchev, A.N. (1938–1952). *The complete collection of works*. Vol. 1. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of USSR. (In Russ.)
- Sil'man, T.I. (1977). *Notes on lyrics*. Leningrad: Sovetskii pisatel' Publ. Leningradskoe otделение. (In Russ.)
- Songs collected by P.N. Rybnikov. Part II. Folk bylina, starina, and pobyval'shchina*. (1862). Moscow: In A. Semen's Publishing House. (In Russ.)
- Trediakovskii, V.K. (1963). *Selected works*. Moscow, Leningrad: Sovetskii pisatel' Publ. (In Russ.)
- Tsvetaeva, M. (2000). *Captive spirit: Memories on contemporaries. Essay*. Saint Petersburg: Azbuka Publ. (In Russ.)
- Vinogradov, V.V. (1980). *On the language of artistic prose*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Virolainen, M.N. (1995). Cultural hero of the New time. In M.N. Virolainen (Ed.), *Legends and myths on Pushkin: Collection of articles* (pp. 329–349). Saint Petersburg: Institute of Russian literature (Pushkinskii Dom), Russian Academy of Sciences, Humanitarian agency "Akademicheskii proekt". (In Russ.)

Сведения об авторах:

Лазареску Ольга Георгиевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской классической литературы, Московский педагогический государственный университет, Российская Федерация, 119992, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1. ORCID: 0000-0001-5178-4456; SPIN-код: 4089-8133. E-mail: lazarescu@inbox.ru

Вартазарова Жаклин Артуровна, аспирант кафедры русской классической литературы, Московский педагогический государственный университет, Российская Федерация, 119992, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1. ORCID: 0000-0001-5254-7719; SPIN-код: 9038-2320. E-mail: vartoliver@yandex.ru

Bio notes:

Olga G. Lazaresku, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Classical Literature, Moscow State Pedagogical University (MPGU), 1 Malaya Pirogovskaya St, bldg 1, Moscow, 119992, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-5178-4456; SPIN-code: 4089-8133. E-mail: lazarescu@inbox.ru

Zhaklin A. Vartazarova, Postgraduate Student of the Department of Russian Classical Literature, Moscow State Pedagogical University (MPGU), 1 Malaya Pirogovskaya St, bldg 1, Moscow, 119992, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-5254-7719; SPIN-code: 9038-2320. E-mail: vartoliver@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-1-20-30

EDN: TJOWNE

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

Социокультурная и историко-политическая тематика в романе В. Набокова «Камера обскура»

Т.Г. Мастепак^{id}✉, Е.А. Полева^{id}

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

✉tanjamastepak@gmail.com

Аннотация. Несмотря на то что В. Набоков уделял внимание социальным и социокультурным характеристикам пространства и персонажей, существенная часть информации о периоде их становления дается ретроспективно, выходит за границы сюжетных действий. Это свидетельствует, с одной стороны, о смещении социокультурной и политической проблематики на периферию образной и мотивно-тематической структуры романа, а с другой – что Набоков имплицитно проявляет интерес к этой области, создавая неакцентированный в повествовании, но емкий образ немецкого общества 1920-х годов. В процессе анализа раскрыты приемы описания социокультурных локаций города и эпизодических внесюжетных персонажей (обезличивание, неупоминание, противопоставление и др.); собирательный образ разных социальных слоев немецкого общества, а также взгляды В. Набокова на современные ему исторические и социокультурные процессы, протекающие в Европе. Писатель выражает негативное и ироничное отношение к пролетариату: его представители демонстрируют захватническую стратегию поведения для удовлетворения физиологических и социально-бытовых, а не духовных потребностей, характеризуются отсутствием нравственности и эрудиции. Набоков также констатирует агрессивное замещение элитарного искусства массовым, что приводит к интеллектуальной деградации общества. Заигрывание со вкусами масс и ценностный релятивизм приводят представителей бюргерской интеллигенции, воплощенной в образе Бруно Кречмара, к неспособности противостоять экспансии социальных низов как в культурной, так и в социальной сферах жизни.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, образ, мотив, социокультурное пространство, образ пролетария, внесюжетные персонажи, массовое искусство, Набоков

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Разработка идеи, сбор и анализ данных, написание и редактирование рукописи – Т.Г. Мастепак и Е.А. Полева.

© Мастепак Т.Г., Полева Е.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 14 мая 2024 г.; отрецензирована 20 июля 2024 г.; принята к публикации 20 сентября 2024 г.

Для цитирования: Мастепак Т.Г., Полева Е.А. Социокультурная и историко-политическая тематика в романе В. Набокова «Камера обскура» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 1. С. 20–30. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-3-20-30>

Socio-Cultural and Historical-Political Themes in V. Nabokov's Novel *Camera Obscura*

Tat'yana G. Mastepak✉, Elena A. Poleva

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

✉tanjamastepak@gmail.com

Abstract. Despite the fact that V. Nabokov paid attention to the social and socio-cultural characteristics of the characters and space, a significant part of the information about the period of their formation is given retrospectively, goes beyond the boundaries of the plot actions. This indicates, on the one hand, the shift of socio-cultural and political issues to the periphery of the figurative and motivic-thematic structure of the novel, on the other hand, that Nabokov implicitly shows interest in this area, creating an unaccented in the narrative, but capacious image of German society of the 1920s. The analysis revealed the following: methods of describing the city's socio-cultural locations and episodic non-plot characters (depersonalization, non-mention, opposition, etc.); a collective image of different social strata of German society, as well as V. Nabokov's views on contemporary historical and socio-cultural processes taking place in Europe. The writer expresses a negative and ironic attitude towards the proletariat, because its representatives demonstrate an aggressive strategy of behavior to satisfy physiological and social-everyday, but not spiritual needs, and are characterized by a lack of morality and erudition. Nabokov also notes the aggressive replacement of elite art by mass art, which leads to the intellectual degradation of society. Flirting with the tastes of the masses and value relativism leads representatives of the bourgeois intelligentsia, embodied in the image of Bruno Kretschmar, to the inability to resist the expansion of the social lower classes, both in the cultural and social spheres of life.

Keywords: literature of the Russian diaspora, image, motif, socio-cultural space, image of the proletarian, non-plot characters, mass art, Nabokov

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Author's contribution. Development of the idea, data collection & analysis, manuscript writing and editing — Tat'yana G. Mastepak, Elena A. Poleva.

Article history: submitted May 14, 2024; revised June 20, 2024; accepted September 20, 2024.

For citation: Mastepak, T.G., & Poleva, E.A. (2025). Socio-Cultural and Historical-Political Themes in V. Nabokov's Novel *Camera Obscura*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(1), 20–30. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-30-1-20-30>

Введение

Творческое становление В. Набокова пришлось на 10–20-е гг. XX столетия — время крупнейших событий и масштабных исторических процессов, среди которых Первая мировая война, Октябрьская революция и Гражданская война в России, обусловившие массовую эмиграцию. Эти события не могли не повлиять на личность и творчество писателя, обращенное в 1920–1930-е годы к немецкой аутентичной и русской эмигрантской действительности.

Однако многократные и прямые заявления В. Набокова об аполитичности, непринятии активных форм социально-общественной деятельности привели к формированию биографического мифа, сказавшегося на слабом интересе исследователей к этому аспекту в его творчестве. По нашему мнению, приоритет иной тематики вовсе не означает, что проза писателя не дает материала для реконструкции его представлений о социокультурных и историко-политических процессах начала XX века. Это убедительно показала А.А. Накарякова (Накарякова, 2015, с. 194–195), проанализировав образы персонажей романов Набокова, причастных к политике и общественной деятельности и приведя библиографический обзор работ других исследователей¹ (Елисеев, 2007; Питцер, 2016; Чекалов, 2004), доказывающих внимание писателя к историко-социальным процессам.

Представленные в статье результаты — часть исследования образа социокультурного пространства в романах В. Набокова «берлинского» периода. Предполагается выявить образы, обладающие социокультурной семантикой, рассмотреть элементы поэтики художественного произведения, выводящие к представлениям писателя о социокультурном, историко-социальном устройстве общества.

В «Камере обскура» (1931, опубл. 1933) Набоков в центр сюжета помещает трех персонажей из разных социальных слоев: Магда — из «пролетариев», ее родители служат швейцарами, брат работает на «велосипедной фабрике» (Набоков, 1991, с. 330); Кречмар по уровню достатка — бюргер, по профессии — интеллигент, занимающийся искусствоведением; брат его жены содержит театральную контору, то есть они не создают произведения искусства, но сопричастны к этой сфере; Горн — вышедший из социальных низов талантливый художник-карикатурист, работающий на интересы массовой публики, не обремененный имуществом и ведущий, когда позволяют финансы, богемный образ жизни. Сюжет романа можно прочитывать буквально: как экспансию массового искусства в ущерб культуре элитарной и как попытку (правда, неудавшуюся) захвата социальными низами (Магдой) и «разночинной» творческой богемой (Горн) средств и возможностей бюргеров (Кречмар) (Полева, 2005).

¹ Васильев А.Д. Интертекстуальность: прецедентные феномены : учебное пособие. М. : Флинта, 2013. 342 с.

Сюжетные линии персонажей значимы для реконструкции набоковского понимания процессов, происходящих в немецком обществе 1920-х годов, но существенная для понимания социокультурной тематики романа информация выведена автором за границы сюжета. Она и является предметом исследования. Если даже анализируемые сведения касаются центральных персонажей, они не обуславливают развитие их сюжетных линий. На наш взгляд, при создании романа Набоков следовал стратегии, которую высоко ценил в творчестве А.П. Чехова. В лекции о нем Набоков отметил, что Антон Павлович, «не заботясь о социальных или этических построениях», не делая их самоцелью, точнее и полнее раскрывает картины «голодной, сбитой с толку, рабской, злосчастной, крестьянской России, чем множество других писателей типа Горького...» (Набоков, 1999, с. 330). В статье мы анализируем характеристики немецкого общества 1920-х годов, выраженные посредством поэтики пространства и репрезентации образов эпизодических и центральных персонажей.

Данное исследование дополняет представления о «городском», «берлинском тексте», выраженные в работах набоковедов (Криворуцкая, 2008; Морев, 2008; Томас, 2004; Уиллис, 2008; Уиллис, 2008(2)).

Результаты и обсуждение

Сюжетные события в «Камере обскура» происходят в Германии в 1928 году, на что прямо указано в первой главе. Ретроспективно восстанавливаются отдельные сведения о биографии героев в период 1910–1920-х годов. Центральные персонажи – коренные немцы, завязка сюжета разворачивается в Берлине. Это позволяет писателю добиться аутентичности, т.е. полного погружения в немецкую «среду».

Социокультурное пространство воплощается через образы городского топоса. Берлин представлен описанием улиц и общественных мест, а культурно-исторические локусы, памятники и т.д. не упоминаются, что является значимым минус-приемом: высокая, элитарная архитектура города не входит в зону внимания центральных и второстепенных персонажей, хотя один из них – искусствовед.

Для описания берлинцев Набоков использует прием обезличивания: образы персонажей даны не через внешний или психологический портрет, а посредством обозначения вида занятий («мотоциклист»), профессий («угольщик», «приказчица», «швейцариха»), имеющих явную социальную окраску, либо совсем обобщенно через собирательные существительные («жилыцы», «мальчишки») (Набоков, 1991, с. 330, 331). Обезличивание прослеживается даже в портретных деталях: «двое лысых играют в карты на балконе», «молодой человек, кудрявый, в пестрой фуфайке» (Набоков, 1991, с. 331). Так создается образ социальной массы людей, где личностные качества или не проявлены, или не имеют значения для воспринимающего их субъекта.

Сквозная тема, хотя и неявно проступающая в повествовании, — Первая мировая война. Отец и оба любовника Магды (Кречмар и Горн) принадлежат одному поколению — фронтовиков Первой мировой войны (сообщается и о том, что на войне погиб старший брат Аннелизы, жены Кречмара) (Набоков, 1991, с. 367). Внимательно относящийся к деталям Набоков, вероятно, неслучайно упоминает об уклонизме Горна и военном опыте отца Магды и Кречмара. Получается, война за интересы Германии объединяет представителей разных «сословий», однако социальное послевоенное положение подчеркивает неравенство между ними. Отец Магды, контуженный на полях сражений, влачит жалкое существование швейцара, и, хотя эмоционально включен в обсуждение политических вопросов и отстаивает «бюргерское республиканство», бессилен изменить даже свою жизнь. Кречмар же, вернувшись с войны невредимым, сохранил равнодушие к политике и высокий социальный статус искусствоведа. Ни отсутствие интереса к политике у Кречмара, ни бесплодное увлечение ею отца Магды ни на что не влияют: у каждого своя судьба, обусловленная и изначальным социальным уровнем жизни, и личностными особенностями.

Крайне лаконично, но емко Набоков в системе основных и эпизодических персонажей обозначает палитру взглядов и настроений представителей различных социальных слоев Германии и разное отношение к участию в историческом событии, продиктованное личным выбором и ценностями: отец Магды идейно вовлечен; Кречмар не избегает участия, хотя равнодушен к социально-политической стороне жизни и мог бы откупиться; Горн, второй любовник Магды, уклоняется от призыва, бросив больную мать и эмигрировав в Америку. Для Кречмара соучастие в войне продиктовано персональными ценностями, которые совершенно не понятны Магде: «Когда же он говорил о войне, о том, как он мучился в окопах, она удивлялась, почему он, ежели богат, не устроился в тылу» (Набоков, 1991, с. 360). Низкий уровень патриотизма и гражданственности у Горна связан с прагматическим мышлением и отсутствием у него совести, так как его основная ценность — собственное благополучие. Для Набокова это значимый штрих к портрету immoralного персонажа, но в немецком обществе его уклонизм не порицается: Горн беспрепятственно возвращается в Германию, когда жить в Америке перестало быть выгодно. При этом участие в войне само по себе для Набокова не указывает на нравственность и порядочность, о чем свидетельствует нелицеприятный образ отца Магды и immoralный жизненный выбор Кречмара.

Наряду с социокультурными характеристиками пространства и персонажей Набоков вводит историко-социальные и социально-политические. Они даны предельно лаконично. Кроме военной, еще одна сквозная тема связана с образом «пролетариев». Отец Магды — контуженный во время участия в Первой мировой войне, ограниченный в своих представлениях о мире домашний тиран, старший брат Отто — политический оппонент своего отца. Пространства их жизни — окраинная улица, дом,

где родители служат швейцарами, кабак, лавка, велосипедная фабрика, где работает Отто. Несколькими фразами о взаимоотношениях отца и сына Набоков передает политические настроения двух поколений: «Отто <...> презрительно относился к бюргерскому республиканству отца и, сидя в ближайшем кабаке, рассуждал о политике, опускал с громовым стуком кулак на стол, восклицая: „Человек первым делом должен жрать, да!“» (Набоков, 1991, с. 330). Учитывая исторический контекст романа (экономический кризис в Германии 1920-х годов, набирающие популярность идеи национал-социалистов), кабак (питейное заведение, используемое для политических деклараций) служит для ироничного снижения не только образа Отто, социально маленького и личностно мелкого человека, считающего себя разбирающимся в политике, но и, вероятно, в целом программы национал-социалистической партии, озвученной А. Гитлером, как известно, в пивном заведении (так называемый «пивной путч» 1923 года). «Аксиома» Отто еще указывает и на ценностные приоритеты немецкого пролетария: на первом месте у него удовлетворение физиологических потребностей, и никаких других он не формулирует.

Отто, второстепенный эпизодический персонаж, но по мере развития отношения его сестры с Кречмаром, упоминается в повествовании еще несколько раз, и каждое его появление достраивает крайне негативный образ. Учитывая личную судьбу Набокова и его отношение к событиям, происходящим на Родине, можно предположить, что писатель использует нейтральный, неавтобиографический материал для более открытого выражения своего отношения к пролетариату вообще и в конкретном историко-социальном контексте в частности. В образе Отто подчеркнуто животное начало («бычья шея», грубость), отсутствие ума («неумное лицо» подмечает Кречмар), упоминается его ненависть к «капиталиста<м>, покупающи<м> дочерей бедняков» (Набоков, 1991, с. 332).

Он, случайно встретив сестру, судьба которой его не волновала совсем, и заметив ее финансовое благополучие, вымогает у Магды деньги, прямо формулируя мнение о праве на это, причем не от себя лично, а от рабочего класса: «О краже не может быть и речи, — злобно сказал Отто. — Это деньги не твои, а деньги, высосанные так или иначе *из нашего брата*» (курсив авт.) (Набоков, 1991, с. 362). Когда он приходит в квартиру Кречмара, и его план с шантажом проваливается, Отто стремится выказать гордыню, словесно проявляя напускное благородство и отказываясь от денег Кречмара («Отдайте эти деньги безработному...»), а на деле — не собираясь их возвращать, да еще и сожалея о том, что «маловато» (Набоков, 1991, с. 366). Возмущение достатком Кречмара и желание обогатиться за счет него Набоков иронично обозначает социальной потребностью: «Социальная потребность была удовлетворена, теперь можно было идти удовлетворить потребности человеческие» (Набоков, 1991, с. 366). В этом эпизоде вновь подчеркивается, что потребности Отто ограничены физиологическими, а социальные — сомнительны (утвердить право

на отъеме денег у богатого) и ни на что высокое, благородное точно не направлены.

В романе есть еще один эпизодический персонаж, как и родители Магды и Отто, связанный со швейцарским делом. Это Шифермюллер, служивший в доме центрального персонажа. Его именем представляется Кречмар, общаясь первый раз с Магдой и единственный раз с Отто. Повествователь приводит его осуждающее мнение о Магде и имморальной связи с ней Кречмара: «Мне, знаете, стыдно, когда другие жильцы смотрят на эту... (нехорошее слово). А ведь приличный господин, сам-то, и богат...» (Набоков, 1991, с. 399). Получается, что его взгляды, хотя и конкретно-прагматичны, более нравственны, чем у бюргера-интеллигента. На фоне однозначно отрицательного и иронично поданного образа семьи Петерс прописанный несколькими штрихами портрет Шифермюллера свидетельствует, что черты «пролетарской» наглости Набоков не переносит на всех рабочих.

В двух-трех эпизодах Набоков воспроизводит взаимоотношения между представителями одной субкультуры. В частности, Отто показан в окружении своих «дружков», Горн и Кречмар — в кругу гостей на званом ужине в квартире у последнего. На первый взгляд, разница между «пролетариями» и творческой богемой в том, что первые сплочены одними целями и взглядами, действуют сообща, а вторые разрознены: разделяются на маленькие группки по интересам, ведут споры, выражая разные точки зрения на творчество, искусство. Однако на самом деле разобщены и те, и другие.

Отто Петерс объединяется с «дружками» на время, чтобы реализовать общий для них интерес: запугать Магду, выманить у нее деньги. Поддержки и помощи в бытовой жизни они друг другу не оказывают даже внутри семьи. Более того, вне толпы ведут себя иначе, что проявляет неподлинность их социальных масок и социальной стратегии (шантажа, агрессии с целью обогащения). Например, «дружок» Отто Каспар, встретив Магду без компании, ведет себя иначе: не запугивает, а мило беседует с ней, даже проявляет сочувствие (сожаление), думая о том, что роль содержанки ни к чему хорошему не приведет: «Погибнет девчонка <...> Наверняка погибнет. Ей бы выйти за простого хорошего человека» (Набоков, 1991, с. 405). И вместе с тем он осуждающе относится к выбору Магды, подмечая, что сам на такой не женился бы. Он же сообщает, что ее семья переехала в «скверный квартал» и что ее «отец долго не протянет...» (Набоков, 1991, с. 405), но Магду, как и ее брата, уехавшего на заработки, это оставляет равнодушной.

Представители мира искусства, творческая богема описана Набоковым не с меньшей иронией, чем пролетарии. Все они разные, но, получается, что нравственные ценности не являются определяющими для большинства из них. Уход из семьи и выход за границы норм морали обусловили сужение прежнего круга общения Кречмара: «...было ему интересно следить, как иные переставали бывать...» (Набоков, 1991, с. 372),

но остальные его поддерживали или остались безразличны. Проявляющаяся релятивность ценностей делает имморальные поступки приемлемыми, так как нет тотального осуждения; социальные ценности (семья, сохранение общения внутри своего круга) оказываются менее значимыми, чем персональные. Хотя к длительной ситуации проживания с содержанкой Бруно оказывается не готов. Предпочитает выйти из круга общения благодаря путешествию в разные страны Европы.

Второе, что акцентирует Набоков, – невежество отдельных представителей мира богемы. Знаменитая актриса Дорианна Каренина не читала произведения Л.Н. Толстого и не соотносит свою фамилию с героиней романа русского писателя. При этом для поддержания известности она публикует свою фотографию с игрушечной морской свинкой – персонажем массовой культуры. Получается, «фильмовая дива» менее популярна, чем карикатурный образ подопытного зверька Чипи, что также служит приемом ироничного снижения образа Дорианны Набоковым.

Представители богемы поддерживают ни к чему не обязывающие разговоры, которые не проявляют ни высокой эрудиции, ни искренний интерес к личностям друг друга (обсуждают и ангорских кошек певицы Ольги Вальдгейм, и новые произведения коллег «по цеху»). Задача каждого выгодно показать себя в обществе: будь то родовитая фамилия фон Коровин (частица «фон» в немецком языке указывает на благородное происхождение, но соединение со славянской фамилией служит приемом ироничного снижения), либо осведомленность о творчестве современников («как вы оцениваете работы Кумминга, я имею в виду его последнюю серию, виселицы и фабрики, знаете?») (Набоков, 1991, с. 376).

Невписанность Магды в его социальный круг, ее неспособность поддерживать светский (фатический) разговор подметил сам Кречмар: она либо непонимающе смотрела на собеседника, либо «...несла совершенную околесину...» (Набоков, 1991, с. 375). Но это никак не сказывается на проведении вечера в целом: каждый сосредоточен на себе и не притязателен к окружающим. Более того, промах, провал другого – повод для радости и злорадства, так как на фоне чужой неудачи повышается собственная самооценка (это продемонстрирует Дорианна в другой ситуации – после показа фильма, в котором бездарно дебютировала Магда).

Ни один из трех центральных персонажей романа не является героем, заслуживающим авторского уважения или хотя бы сопереживания. Персонажи, вызывающие набоковское сочувствие, находятся на периферии сюжетного развития. Это жена Кречмара Аннелиза и ее брат Макс. Можно говорить о зеркальном параллелизме в изображении жены и любовницы Кречмара, о чем уже говорилось в исследованиях (Злочевская, 2018; Полева, 2005, с. 107–113), а также братьев этих двух женщин. Если Отто Петерс – яркий представитель пролетариата, то Макс Гогенварт – «образец» старого европейского бюргерства. В отличие от Отто Макс образован,

проницателен, успешен в делах, готов встать на защиту сестры и племянницы и в целом воплощает собой хранителя семейных ценностей.

Он описан как крупный, неповоротливый, с отдышкой человек, который не может действовать быстро. Внешний портрет Макса метафорически передает общую характеристику европейского бюргерства, неспособного быстро реагировать на изменения и отвечать на экспансию пролетариата, воплощенного в образе Магды и Отто. Образованность, причастность к искусству (Макс выходец из семьи театрального антрепренера, владелец театральной конторы), состоятельность не помогают удержать прежний семейный уклад, но у него, как и его сестры Аннелизы, сохраняется личное достоинство, верность своим ценностям.

Согласимся с А.В. Злочевской, что именно Аннелиза может претендовать на статус героини набоковского романа, автор наделяет ее способностью искренне и бескорыстно любить; переживать моменты «почти сверхъестественных прозрений» (Злочевская, 2018). Она и ее брат не опошляют жизнь противоборством с Магдой, не притязают на пространство семейной квартиры, которую «оккупировала» юная любовница Кречмара. При этом Макс не пасует перед напором невежества и пошлости: он дает прямую оценку поступку Кречмара, проявляет неизвестно откуда взявшуюся ловкость, чтобы «треснуть» Горна тростью в предфинальном эпизоде.

Однако, несмотря на явную симпатию Набокова к этим персонажам, у них в немецком обществе 1920-х годов нет будущего — единственный ребенок в семье умирает. В целом, если учитывать сематический код, связанный с детьми как с образом будущего, нужно отметить, что Горн не стремится оставить потомство, Магда искренне рада, что бездетна, а Кречмар, предав семью, косвенно виновен в гибели дочери.

Заключение

Проведенное исследование доказывает интерес В. Набокова к социокультурной и историко-политической тематике, которая воплощается в том числе и во внесюжетной поэтике романа. Детализируя портреты ярких представителей разных слоев немецкого социума и вписывая их в исторический контекст, Набоков создает неакцентированный, но емкий образ немецкого общества 1920-х годов. Экспансия массового искусства в сфере культуры и пролетариата на социальной арене — не имеет созидательной основы и ставит будущее Германии под сомнение. Открытая авторская ирония по отношению к немецким пролетариям, желающим улучшить свое благосостояние или социальный статус без работы над собой, за счет захвата ресурсов других людей позволяет гипотетически предположить, что Набоков использовал неавтобиографический материал для откровенного выражения своего мнения о процессах в немецком обществе, имеющих корреляцию с историческими событиями в России.

Список литературы

- Елисеев Н. Память, говори // Сеанс: журн. 22.04.2007. URL: http://seance.ru/blog/hitch_and_nabokov (дата обращения: 12.07.2024).
- Злочевская А.В. Трехмерная модель мира в романе В. Набокова «Камера обскура» // Русская словесность. 2018. № 1. URL: <https://www.philol.msu.ru/~modern/index.php?page=1218> (дата обращения 12.09.2024).
- Криволицкая Т.С. «Городской текст» русских романов В. Набокова 1920–1930-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
- Морев Д.А. Берлин как текст в метаромане В.В. Набокова и Э.М. Ремарка : дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
- Набоков В.В. Камера обскура // Набоков В.В. Лолита. Камера обскура. Томск : Издательство ТГУ, 1991. С. 321–448.
- Набоков В. Лекции по русской литературе / пер. с англ. С. Антонова, Е. Голышевой, Г. Дашевского [и др.]. СПб : Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. 448 с.
- Накарякова А.А. Творчество Владимира Набокова : политический аспект // Политическая лингвистика. 2015. № 1. С. 193–200.
- Питцер А. Тайная история Владимира Набокова / пер. Е. Горбатенко. М. : Синдбад, 2016. 528 с.
- Полева Е.А. Тема искусства в романе В. Набокова «Камера обскура» // Русская литература в современном культурном пространстве (4–5 ноября 2004 года) : III Международная научная конференция. Томск : Изд-во ТГПУ, 2005. С. 107–113.
- Томас У. Набоков в Берлине. М. : Аграф, 2004. 256 с.
- Уиллис О. Городской пейзаж В. Набокова и «берлинский текст» немецкой литературы и искусства // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2008. № 3. С. 31–36.
- Уиллис О. Принципы организации и функции городского пространства в ранней прозе В. В. Набокова берлинского периода // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2008. № 3. С. 62–68.
- Чекалов Д. От переводчика // Набоков В. Со дна коробки. Прозрачные предметы. М. : Азбука, 2004. С. 3–11.

References

- Chekalov, D. (2004). From the translator. *Nabokov V. From the bottom of the box. Transparent objects*. Moscow: Azbuka Publ. (In Russ.)
- Eliseev, N. (2007). Memory, speak. *Session: journal*. (In Russ.) http://seance.ru/blog/hitch_and_nabokov
- Krivolutskaya, T.S. (2008). *Urban text of V. Nabokov's Russian novels of the 1920–1930s* [Unpublished doctoral dissertation]. Moscow. (In Russ.)
- Morev, D.A. (2008). *Berlin as a text in the metaroman by V.V. Nabokov and E.M. Remarque* [Doctoral dissertation]. Moscow. (In Russ.)
- Nabokov, V.V. (1991). Camera Obscura. In V.V. Nabokov, *Lolita. Camera Obscura* (pp. 321–448). Tomsk: TSU Publishing House. (In Russ.)
- Nabokov, V. (2010). *Lectures on Russian literature* (S. Antonov, E. Golysheva, G. Dashevsky, etc, Trans.). Saint Petersburg: Publishing Group ABC Classics. (In Russ.)
- Nakaryakova, A.A. (2015). The work of Vladimir Nabokov: a political aspect. *Political Linguistics*, (1), 193–200. (In Russ.)

- Pitzer, A. (2016). *The Secret history of Vladimir Nabokov* (E. Gorbatenko, Trans.). Moscow: Sinbad. (In Russ.)
- Poleva, E.A. (2005). The theme of art in V. Nabokov's novel *Camera Obscura*. *Russian literature in the modern cultural space* (pp. 107–113). Tomsk: Publishing House of TSPU. (In Russ.)
- Thomas, W. (2004). Nabokov in Berlin. Moscow: Agraf Publ. (In Russ.)
- Willis, O. (2008). Nabokov's Urban Landscape and the "Berlin Text" of German literature and Art. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, (3), 31–36. (In Russ.)
- Willis, O. (2008). Principles of organization and functions of urban space in the early prose of V.V. Nabokov of the Berlin period. *Bulletin of the Moscow University, Series 9, Philology*, (3), 62–68. (In Russ.)
- Zlochevskaya, A.V. (2024). A three-dimensional model of the world in V. Nabokov's novel *Camera Obscura*. *Russian Literature*, (1). (In Russ.) <https://www.philol.msu.ru/~modern/index.php?page=1218>

Сведения об авторах:

Мастепак Татьяна Геннадьевна, преподаватель кафедры русской литературы, Томский государственный педагогический университет, Российская Федерация, 634061, Томск, ул. Киевская, д. 60. ORCID: 0009-0007-1464-6645; SPIN-код: 3751-4210. E-mail: tanjamastepak@gmail.com

Полева Елена Александровна, доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Томский государственный педагогический университет, Российская Федерация, 634061, Томск, ул. Киевская, д. 60. ORCID: 0000-0002-4224-8456; SPIN-код: 2384-2459. E-mail: polewaea@rambler.ru

Bio notes:

Tatayana G. Mastepak, Lecturer of the Department of Russian Literature, Tomsk State Pedagogical University, 60 Kiyevskaya St, Tomsk, 634061, Russian Federation. ORCID: 0009-0007-1464-6645; SPIN-code: 3751-4210. E-mail: tanjamastepak@gmail.com

Elena A. Poleva, Associate Professor, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Literature, Tomsk State Pedagogical University, 60 Kiyevskaya St, Tomsk, 634061, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-4224-8456; SPIN-code: 2384-2459. E-mail: polewaea@rambler.ru

КОМПАРАТИВИСТИКА

COMPARATIVES

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-1-31-40

EDN: TLMDDO

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

Антинигилизм в романе И.С. Тургенева «Новь» и ранних повестях Ба Цзиня «Гибель» и «Новая жизнь»

У Сяотин^{id}✉, Т.В. Коренькова^{id}

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

✉ 1042208147@pfur.ru

Аннотация. Творчество Ба Цзиня (1904–2005) наиболее тесно связано с наследием И.С. Тургенева. Для всестороннего понимания русского классика в Китае необходимо провести сравнительный анализ произведений Тургенева и ранних повестей Ба Цзиня – «Гибель» (1929) и «Новая жизнь» (1936) – с точки зрения антинигилистической составляющей. Авторы рассматривают проблему нигилизма в романе «Новь» (1877) Тургенева и повестях Ба Цзиня с целью выявления сходства в судьбах нигилистов-революционеров. Только определяя специфику характера главных героев, сопоставляя их между собой, сравнивая развитие сюжета и общие темы, можно объяснить авторский замысел, проследить, как Тургенев повлиял на творческие приемы и мировоззрение Ба Цзиня.

Ключевые слова: рецепция, нигилизм, сюжет, тема, характер, замысел, прием

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Разработка идеи, сбор и анализ данных, написание и редактирование рукописи – У Сяотин и Т.В. Коренькова.

История статьи: поступила в редакцию 14 мая 2024 г.; отрецензирована 20 июля 2024 г.; принята к публикации 20 сентября 2024 г.

Для цитирования: У Сяотин, Коренькова Т.В. Антинигилизм в романе И.С. Тургенева «Новь» и ранних повестях Ба Цзиня «Гибель» и «Новая жизнь» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 1. С. 31–40. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-31-40>

Anti-Nihilism in Ivan Turgenev's Last Novel *Virgin Soil* and Ba Jin's Early Novellas *Destruction* and *New Life*

Wu Xiaoting , Tatyana V. Korenkova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 1042208147@pfur.ru

Abstract. The fiction of Ba Jin (1904–2005) is most closely associated with the legacy of Ivan Turgenev. For a comprehensive understanding of the Russian classic in China, it is necessary to conduct a comparative analysis of Turgenev's works and Ba Jin's *Destruction* (1929) and *New Life* (1936) from the point of view of the anti-nihilistic component. The authors examine the problem of nihilism in Turgenev's *Virgin Soil* (1877) and Ba Jin's novels in order to identify similarities in the fates of revolutionary nihilists. Only by determining the specific character of the main characters, comparing them with each other, comparing the development of the plot and common themes, it is possible to explain the author's intention, to trace Turgenev's influence on Ba Jin's creative methods and worldview.

Keywords: reception, nihilism, plot, theme, character, concept, technique

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Author's contribution. Development of the idea, data collection & analysis, manuscript writing and editing – Wu Xiaoting, Tatyana V. Korenkova.

Article history: submitted May 14, 2024; revised June 20, 2024; accepted September 20, 2024.

For citation: Wu, Xiaoting, & Korenkova, T.V. (2025). Anti-Nihilism in Ivan Turgenev's Last Novel *Virgin Soil* and Ba Jin's Early Novellas *Destruction* and *New Life*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(1), 31–40. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-30-1-31-40>

Введение

Из всех героев романов Тургенева, известных как художественная летопись жизни русского общества (2012, Коровин, с. 173), наиболее заметным, несомненно, является нигилист Базаров из «Отцов и детей». После выхода этого произведения, а также романа Чернышевского «Что делать?» (1863) нигилистами в обществе стали называть тех, кто хотел изменить государственный строй страны, кто критиковал существующие традиции, нормы морали и религии, не признавал прежние авторитеты (Завьялова, 2010, с. 64). Роман «Отцы и дети», отражающий конфликт поколений, считается первым антинигилистическим произведением Тургенева, но не единственным. Последний роман «Новь» также затрагивает подобную проблематику, однако степень его изученности заметно ниже.

В начале XX в. Китай был полуколониальной и полуфеодальной страной. Нарастал национальный кризис, социальные противоречия становились все более острыми. Ба Цзинь, родившийся в эпоху, полную пере-

мен и вызовов, как и Тургенев, всегда был в курсе всех событий. В поисках путей спасения страны и народа Ба Цзинь, «...как может показаться на первый взгляд, вдохновлялся анархизмом П.А. Кропоткина, но в действительности объектом его особого внимания было народничество Н.Г. Чернышевского или А.И. Герцена» (Маньшэн, 1981, с.127). Герцен и Чернышевский также не были чужды идеологии нигилизма. Кроме того, органически присущим народничеству, его надсоциалистическим облачением было то умственное и нравственное течение, которое сначала русская, а потом и западная публицистика назвала (заимствуя термин из романа И.С. Тургенева «Отцы и дети») нигилизмом (Троицкий, 2002, с. 73). Следовательно, при изучении нигилизма невозможно игнорировать народничество.

Несмотря на глубокую веру в революционные идеи, Ба Цзинь тем не менее постепенно осознал их пустоту и невозможность практической реализации. Это заставило его начать искать отдушину в литературе, результатом чего стало написание первой повести «Гибель» (Ван Инго, 1985, с. 64), а позже и повести «Новая жизнь». Китай того времени и Россия второй половины XIX в. были очень похожи по социальному и историческому положению. В Китае существовало революционное движение «хождение в народ» по примеру русского народничества. Эта историческая среда и легла в основу сюжета, позволила достоверно обрисовать нигилистов-революционеров.

В данной статье сопоставляются романы Тургенева «Новь» и повести Ба Цзиня «Гибель» и «Новая жизнь», а также анализируется отношение писателей к нигилистам и их революционной деятельности.

Результаты и обсуждение

Несмотря на наличие любовной коллизии, роман «Новь» имеет политический характер, что и вызвало множество споров. Возникли даже проблемы с публикацией второй части. Русский классик, конечно, писал о любви не только для того, чтобы обойти цензуру: история героев помогает раскрыть судьбу страны. Любовь между главными героями Неждановым и Марианной была подкреплена общими революционными идеалами. Любовь и «общее дело» в их паре были тесно переплетены: когда Нежданов начал сомневаться в своих революционных устремлениях, их чувство подверглось такому же испытанию, а затем окончательно рухнуло, как и революционный идеал. Можно сказать, что их частная судьба — отражение революционной судьбы России. Разрыв любви Марианны с народником Неждановым и обращение к Соломину, выступавшему за постепенные перемены «снизу вверх» по сути являются мнением и смелым предсказанием Тургенева о будущем ходе реформы в России (У Сяотин, 2023, с. 226).

Важность темы любви в произведениях обоих писателей уже отмечалась исследователями как общая черта: «Как и у Тургенева, в романах Ба Цзиня доминируют темы любви и смерти, и итоги историй в основном трагичны» (Шан Бофей, 2022, с. 277). Сам Ба Цзинь, говоря о теме любви у русского классика и подтверждая его влияние на свое творчество, заявил, что он также использует любовь для раскрытия характера персонажей (Ван Лие, 2019, с. 22). Рассмотрим этот тезис на конкретных примерах. Ду Дасинь, главный герой «Гибели», стал невосприимчив к любви и женщинам после того, как его двоюродная сестра, которую он любил с детства, подчиняясь воле родителей, вышла замуж за другого мужчину. Однако после встречи с сестрой друга Ли Лэна – Ли Цзиншу – его сердце снова дрогнуло. Эта история объясняет отношение Ду Дасиня к любви. Читателю открывается противоречивый образ персонажа, который жаждет любви, но не решается полюбить. Эта присущая его характеру противоречивость переносится и на отношение к собственному революционному пути, является причиной смерти в будущем. Точно так же в «Новой жизни» именно любовь играет ключевую роль в движении Ли Лэна, главного героя повести, от отрицания революции к присоединению к ней.

Сравнивая любовные линии главных героев Тургенева и Ба Цзиня, можно сказать, что героини в них обладают более решительным характером. Поначалу женские персонажи выступают в качестве «просвещаемых», но по мере пробуждения их самосознания оказывается, что именно в них кроется истинная сила характера: вера Марианны в любовь тверже, чем у Нежданова; Ли Цзиншу вдохновляет Ду Дасиня на выживание и борьбу; а Вэньчжу даже убеждает Ли Лэна присоединиться к их делу. Финалы произведений – своеобразная иллюстрация этой «подмены»: герои умирают, а героини продолжают бороться. С одной стороны, это может рассматриваться как выражение авторской симпатии к героиням, их убежденности в силе женского характера, как способ передать понимание того, что поиски пути к национальному спасению продолжатся. С другой – такой сюжетный ход отображает идею равенства, за которое ратуют нигилисты, что находит воплощение в любовных отношениях персонажей. Герои воспринимают женщин как равных себе товарищей по революции, а не как представительниц «слабого» пола, которые нуждаются в защите. Женщины, как и мужчины, могут участвовать в революции, двигаться вперед вместе с ними, а в критические моменты даже заменить их.

Переходя к анализу характера персонажей, отметим, что революционеры – это герои, пробуждающие в людях мужество и силу. Их образы обычно отличаются смелостью, решительностью, твердостью и другими положительными качествами. Однако главный герой романа «Новь» обладает специфическими чертами, которые не соответствуют «каноничному» характеру революционера: «...Нежданов прямо назван „русским Гамлетом“, и данное прозвище является важным идентификатором личности

героя, смысловой концентрацией его образа» (Бельская, 2020, с. 55). Он часто пребывает в состоянии нерешительности, сомнения и замешательства. Нежданов, эстет, ценящий поэзию и искусство, сам не принимает до конца эти особенности своего характера: «Ничто так не обижало, не оскорбляло Нежданова, как малейший намек на его стихотворство, на эту его, как он полагал, непростительную слабость». Непринятие себя не дает ему обрести и счастье в любви. Так, несмотря на глубокие чувства к Марианне, он заявляет, что «...любви между ними нет» (Тургенев, 1982, с. 156, 372), и «поручает» ее Соломину. Неждановская сложность характера, его двойственность и склонность подвергать все сомнению сказывались не только на его личной жизни. Свойства его натуры не могли позволить ему всецело и бескомпромиссно верить в собственное «дело», упрямо стоять на выбранном пути: «...он явно, на виду у всех, занимался одними политическими и социальными вопросами, исповедовал самые крайние мнения...». Усердно работая на благо этого «общего дела», Нежданов в то же время говорил: «...я в самое дело не верю» (Тургенев, 1982, с. 156, 371).

Таковыми же противоречивыми характерами обладают и революционеры повестей Ба Цзиня — Ду Дасинь и Ли Лэн. Можно сказать, что Ду Дасинь — копия Базарова, он все отрицает, все ненавидит и стоит только за дело революции. Он любит Ли Цзиншу, но все еще подавляет свои внутренние эмоции, как и Базаров, он не осмеливался заглянуть прямо в свое сердце. В конечном счете он отказывается от своей любви в пользу революции (Юй Мэйцзуй, 2014, с.24). Ду Дасинь мечется между любовью и ненавистью, жизнью и смертью. Эта «полярность» определяет сложность его пути и характера. С одной стороны, он жаждет любви и чувствует себя счастливым, когда она появляется в его жизни, а с другой — постоянно занимающие его мысли о смерти и ненависти не дают сделать шаг навстречу этому чувству: он считает себя «обреченным человеком», который не заслуживает любви.

Натуре Ли Лэна присуща любовь к человечеству. Он жаждет найти выход для себя и других в этом мире, полном боли, но смерть друга Ду Дасиня заставляет его осознать, что «...независимо от того, как мы боремся и страдаем, результат гибели все равно неизбежен». В связи с этим Ли Лэн стал «...ненавидеть все, все отрицать, всему сопротивляться...» (Ба Цзинь, 1987, с. 174, 198). Когда его младшая сестра Ли Цзиншу, отказавшись от спокойной жизни, откликнулась на призыв «идти в народ», Ли Лэн расценил это как «...просто глупый поступок» (Ба Цзинь, 1987, с. 181), хотя в душе сам желал бы присоединиться. В конце концов, это самоистязание и привело его к гибели.

Как видите, герои активно отрицают власть и старый порядок, но в то же время сомневаются в революционных идеях, которые настойчиво продвигают. Вместе с тем они колеблются между любовью и ненавистью, разумом и эмоциями и, окончательно запутавшись в собственных идеалах и реальности, становятся слишком противоречивыми, что в итоге

приводит их к саморазрушению. Следует отметить, что внутренняя противоречивость героев была показана Тургеневым и Ба Цзинем через их дневники и письма: Нежданов раскрывает свое сердце в письме другу Силину, который никогда не фигурировал в книге. Внутренняя борьба Ду Дасиня показана в четырех его предсмертных дневниках. А «Новая жизнь» написана от первого лица Ли Лэна в форме дневника.

Известно, что «...мир, воссозданный в художественном произведении, будучи отражением реального мира, является результатом специфической организации автором жизненных явлений и обусловливается его собственными идеологическими взглядами и эмоциями...» (Тун Цинбин, 2015, с. 261). Тургенев и Ба Цзинь, уделяющие внимание окружающей действительности, родились в разные эпохи и в разных странах, но в схожих социальных и исторических условиях и отразили в произведениях определенное историческое событие — революционное движение «хождение в народ». Их главные герои и представители этого движения — Нежданов, Ду Дасинь, Ли Лэн — имеют схожее происхождение и социальный статус. Это представители мелкобуржуазной интеллигенции, и на своем жизненном пути они проходят аналогичные этапы: покинув семьи, идут в народ, намереваясь присоединиться к революции и внести в нее свой вклад. В то же время, по мере своего погружения в революционные идеалы, они чувствуют себя потерянными из-за несоответствия между этими стремлениями и реальностью.

Нежданов и Марианна начали революционную деятельность после побега из дома Сипягина, но их долгожданное «хождение в народ» на практике оказалось маскарадом. Например, странной начала казаться необходимость надевать ветошь, подражать манере разговора крестьян и пить водку вместе с ними, чтобы слиться с толпой. В письме другу Нежданов признается, что «...ничего глупей и представить себе нельзя», но сразу же переубеждает себя: «Конечно, вина тут моя, а не самого дела» (Тургенев, 1982, с. 325). Он даже винит в этом свои «органы», унаследованные от отца-аристократа. После нескольких неудачных попыток такой пропаганды среди простых людей Нежданов начинает все больше сомневаться в целесообразности их дела, но упорно продолжает его, несмотря на внутреннюю борьбу. Однако потом произошло нечто, из-за чего он больше не мог игнорировать абсурдность собственной деятельности. Товарищ Нежданова Маркелов, также пропагандировавший в народе социализм, желая просветить крестьян и помочь им избавиться от гнета, был избит, схвачен этими же крестьянами и отправлен в полицию. Осознав невежество и неосведомленность людей, а также то, что условия для настоящей пролетарской революции еще не созрели, Нежданов сломался. Он не мог смириться с провалом дела, в которое всегда верил и за которое боролся, и в результате решился на самоубийство.

Ду Дасинь твердо верит, что того, кто первым восстанет против угнетения, обязательно постигнет гибель, поэтому «он считает смерть своим

долгом...» (Ба Цзинь, 1987, с. 143) и готовится к этому моменту. Но появление любви вновь пробудило в нем надежду. Хотя он изо всех сил старался игнорировать и скрыть любовь, это чувство все равно вызывало у него неосознанное желание сблизиться с возлюбленной. Однако смерть друга Чжан Вэйцюня вернула его к мысли о смерти. Полностью доверившись Ду Дасиню и попав под влияние этого «героя», Чжан Вэйцюнь примкнул к революции, но позже, когда его революционную деятельность разоблачили, был арестован. Как и арест Маркелова в «Нови», арест Чжан Вэйцюня полон печальной иронии: другие революционеры были больше озабочены собственной безопасностью, нежели судьбой своего товарища. День казни Чжан Вэйцюня превратился в «праздник отрубания головы» и собрал на площади почти всех жителей города, за интересы которых он так отчаянно боролся и которые пришли не попрощаться с революционером, а получить новые впечатления. Итак, Чжан Вэйцюнь умер, а Ду Дасинь так и не успел ответить на тот вопрос, который часто задавал его друг при жизни: «Когда же наступит революция?» Ду Дасиню было больно видеть происходящий на его глазах абсурд, поэтому он решил отомстить за Чжан Вэйцюня – убить старшего военачальника, который был непосредственной причиной смерти друга, чтобы «...прекратить долгую и бесконечную борьбу в своей жизни смертью...» (Ба Цзинь, 1987, с. 143). В конечном счете и он был убит. В таком финале «революционный путь» Ду Дасиня был полностью отвергнут. И название повести «Гибель» также содержит этот смысл (Маньшэн, 1981, с. 126).

В продолжении книги – «Новой жизни» – Ба Цзинь изначально хотел изобразить возрождение своего главного героя Ли Лэна и вместе с ним революционных идеалов, но из верности реализму автор все же показал крах революции. В «Новой жизни» события развиваются после смерти Ду Дасиня. Его возлюбленная Ли Цзиншу выступает как продолжатель дела революции, а Ли Лэн серьезно сомневается в ее идеалах, не раз ставя под сомнение целесообразность «хождения в народ»: «Я не понимаю, почему вы намеренно ищите трудностей? Неужели вы думаете, что сможете спасти людей и себя, сознательно страдая подобным образом?» (Ба Цзинь, 1987, с. 180). В конце концов, после борьбы с бесчисленными внутренними противоречиями, он наконец-то был вдохновлен и убежден своей сестрой и возлюбленной Вэньчжу присоединиться к их работе, хотя в основе его мотивации лежал страх одиночества: «...я больше не хочу оставаться в одиночестве, я был придавлен одиночеством и достаточно страдал» (Ба Цзинь, 1987, с. 259). Неудивительно, что после того, как Ли Лэн сообщил о своем решении, Вэньчжу обратилась к Ли Цзиншу со словами: «...мы должны были отправить его на работу как можно быстрее, если бы задержались надолго, он передумал бы...» (Ба Цзинь, 1987, с. 261). Все это показывает, что Ли Лэн не был твердо уверен в избранном пути. Тем не менее, ради любимых людей он готов сделать все, что от него хотят, даже пожертвовать жизнью.

После написания «Новой жизни» Ба Цзинь несколько раз намеревался создать ее продолжение — «Рассвет», где отобразить свое видение общества будущего. Эта задумка в итоге была надолго отложена из-за того, что автор не хотел писать утопический роман в ту эпоху (Ба Цзинь, 1993, с. 413).

По иронии судьбы те представители старого режима, чей жизненный уклад герои пытались свергнуть, не только не пострадали, но и преуспели, несмотря на то что смелые революционеры заплатили за ожидаемые перемены жизнью. Сипягин, после того как его шурин Маркелов был арестован за участие в революции, получил повышение в должности, а старший военачальник, которого пытался убить Ду Дасинь, выздоровел всего за полмесяца и получил большую взятку за молчание. Возможно, такое трагичное завершение произведений Ба Цзиня и Тургенева иллюстрирует бессмысленность революционной деятельности главных героев, а общее дело, которым они занимаются, таким образом предстает лишь красивой утопией. Финал трех главных героев — метафора судьбы их общего дела.

Заключение

Чувство социальной ответственности, великой миссии, свойственное тургеневским героям, вызвало сильный эмоциональный отклик у Ба Цзиня и повлияло на его мировоззрение, а затем отразилось в его творчестве. В том, как представлен антинигилизм в ранних работах Ба Цзиня «Гибель» и «Новая жизнь», читается сильное влияние последнего романа Тургенева «Новь», наиболее удачным китайским переводом которого, к слову, считается текст Ба Цзиня. Прежде всего, в произведениях обоих авторов любовная линия играет важную роль для развития сюжета, а сам характер персонажей раскрывается через «испытание любовью». Кроме того, герои-революционеры обладают усложненными, противоречивыми характерами, что, в свою очередь, также обеспечивает динамичность сюжета. Любовная линия, противоречивый характер героев и сюжет произведений в целом наглядно указывают на единственный возможный результат их общего дела революции — провал.

В отличие от антинигилистического романа-памфлета Достоевского «Бесы», в котором критически представлены идеологи революционного движения, Тургенев и Ба Цзинь не так прямолинейны в оценках: они, не прибегая к ложной похвале и не скрывая всех недостатков этого движения, как в зеркале отразили неизбежную трагедию нигилистов и избранного ими пути. Высмеивая непоследовательность нигилистов в поступках и мыслях, разоблачая непрактичность их действий, они в то же время сочувствовали им, видя их несомненные достоинства: отношение к женщинам, дух сопротивления и смелость, стремление посвятить себя общему делу.

Подводя итог, можно сказать, что несмотря на то что оба писателя в своих произведениях демонстрируют неприятие нигилизма, главная их задача заключается в исследовании и анализе путей революции.

Список литературы

- Бельская А.А. Роман И.С. Тургенева «Новь»: имя как смысловая основа образов героев-народников // Ученые записки Орловского государственного университета. 2020. № 2(87). С. 54–61.
- Ба Цзинь. Гибель. Новая жизнь // Полное собрание Ба Цзиня : в 26 томах. Т. 4. Пекин : Издательство народной литературы, 1987. С. 9–324. [巴金. 巴金全集第4卷[M]. 北京: 人民文学出版社, 1987, 430].
- Ба Цзинь. О «Новой жизни» и других // Полное собрание Ба Цзиня : в 26 томах. Т. 20. Пекин : Издательство народной литературы, 1993. С. 395–413. [巴金. 巴金全集第20卷[M]. 北京: 人民文学出版社, 1993, 710].
- Ван Инго. О Ба Цзине. Шанхай : Шанхайское издательство литературы и искусства, 1985. 408 с. [汪应果. 巴金论[M]. 上海: 上海文艺出版社, 1985, 408].
- Ван Лие. Ба Цзинь и Тургенев: идейный отклик и художественные параллели // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2019. Т. 11. № 1. С. 4–27.
- Завьялова Е.В. Распространение революционных идей в среде учащейся молодежи и учительства Смоленской губернии в 60–80-х гг. XIX в. // Вестник Тамбовского университета. 2010. № 5(85). С. 63–67.
- Коровин В.И. Литература. 10 класс: базовый и профильный уровни : в 2 частях. Ч. 2. М. : Просвещение, 2012. 384 с.
- Маньшэн. О раннем мировоззрении Ба Цзиня // Литературная критика. 1981. № 3. С. 118–132. [曼生. 论巴金早期的世界观[J]. 文学评论, 1981, (3):118–132].
- Троицкий Н.А. Крестоносцы социализма. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2002. 372 с.
- Тун Цинбин. Учебник по теории литературы. Пекин : Издательство высшего образования, 2015. 412 с. [童庆炳. 文学理论教程[M]. 北京: 高等教育出版社, 2015, 412].
- Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем : в 30 томах. Т. 9. М. : Наука, 1982. 576 с.
- У Сяотин. Образ «новой женщины» в романе И.С. Тургенева «Новь» и в рассказе Лу Синя «Скорбь по ушедшей» // Litera. 2023. № 11. С. 221–227.
- Шан Бофей. Анализ тургеневской традиции в тематике произведений Ба Цзиня: диалог китайской и русской культур // Общество: философия, история, культура. 2022. № 12(104). С. 272–278.
- Юй Мэйцзюй. О распространении и принятии Тургенева Ба Цзинем : дис. ... магистр филол. наук. Хунань, 2014. 66 с. [余美菊. 论巴金对屠格涅夫的传播与接受[D]. 湘潭大学, 2014, 66].

References

- Ba, Jin. (1993). *About New Life and others*. The complete collection of Ba Jin (vol. 20, pp. 395–413). Beijing: People's Literature Publishing House. (In Chin.)
- Ba, Jin. (1987). *Destruction, New Life*. The complete collection of Ba Jin (vol. 4, pp. 9–324). Beijing: People's Literature Publishing House. (In Chin.)
- Belskaya, A.A. (2020). I.S. Turgenev's novel *Virgin Soil*: The name as a semantic basis of the images of the Narodniks. *Academic Notes of Orel State University*, (2), 54–61. (In Russ.)

- Korovin, V.I. (2012). *Literature for the 10th grade: Basic and profiled levels* (pt. 2). Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russ.)
- Mansheng. (1981). The early worldview of Ba Jin. *Literary Criticism*, (3), 118–132. (In Chin.)
- Shang, Bofei. (2022). Analysis of the Turgenev tradition in the themes of Ba Jin's works: The dialog of Chinese and Russian cultures. *Society: philosophy, history, culture*, (12), 272–278. (In Russ.)
- Troitsky, N.A. (2002). *Crusaders of Socialism*. Saratov: Saratov University Publishing House. (In Russ.)
- Tong, Qingbing. (2015). *Literary Theory Courses*. Beijing: Higher Education Publishing House. (In Chin.)
- Turgenev, I.C. (1982). *Complete Collected Works and Letters* (vol. 9). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Wan, Yinggou. (1985). *To Ba Jin*. Shanghai: Shanghai Literature and Art Publishing House. (In Chin.)
- Wang, Liye. (2019). Ba Jin and Turgenev: ideological response and artistic parallels. *Vestnik of Saint Petersburg University. Oriental Studies and African Studies*, 11(1), 4–27. (In Russ.)
- Wu, Xiaoting. (2023). The image of the “new woman” in I.S. Turgenev's novel *Virgin Soil* and in Lu Xun's story *Regret for the Past*. *Litera*, (11), 221–227. (In Russ.)
- Yu, Meijiu. (2014). *The dissemination and acceptance of Turgenev by Ba Jin* [Master's thesis]. Hunan. (In Chin.)
- Zavyalova, E.V. (2010). The spread of revolutionary ideas among students and teachers of Smolensk province in 1860–1880. *Vestnik of Tambov University*, (5), 63–67. (In Russ.)

Сведения об авторах:

У Сяотин, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0009-0008-5509-1196. E-mail: 1042208147@pfur.ru

Коренькова Татьяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Макая, д. 6. ORCID: 0000-0002-4829-4947; SPIN-код: 4964-8742. E-mail: korenkova_tv@pfur.ru

Bio notes:

Wu Xiaoting, PhD Student, Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0009-0008-5509-1196. E-mail: 1042208147@pfur.ru

Tatyana V. Korenkova, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, RUDN University, 6 Miklukho-Makaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-4829-4947; SPIN-code: 4964-8742. E-mail: korenkova_tv@pfur.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-1-41-51

EDN: TNDNIR

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

Китай в стихотворении Б. Поплавского «Поэзия»

П.В. Пороль¹, О.А. Пороль²

¹Оренбургский государственный медицинский университет, Оренбург, Россия

²Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

✉ lady.linova2017@yandex.ru

Аннотация. Обращение русских поэтов к культуре Китая — тема, все еще недостаточно изученная, что вызвано несколькими причинами: сложностью интерпретации китайских реалий, особенностями их функционирования в русских текстах, соотношением анализируемого текста с «восточной» внетекстовой исторической и географической реальностью. Малоизученной остается и эмигрантская поэзия. Цель данной работы — рассмотрение китайского текста в стихотворении Б. Поплавского «Поэзия» (1925). Авторы прибегают к взаимной рецепции, исследуя видение культурных особенностей русского текста в переводе, выполненном Ваном Цзяньчжао. Установлено, что китайские образы и символы в стихотворении Б. Поплавского «Поэзия» восходят к мифологии и философии Китая. В частности, образ зайца заимствован поэтом из цикла мифов о стрелке И. Мировосприятие лирического героя стихотворения Б. Поплавского близко философии Чжуан-цзы, утверждавшего, что реальность — иллюзия происходящего. Отчетливо звучащая тема китайского Ничто, непривычного покоя, символизирующего смерть, вопреки покою русскому, канонично означающему жизнь вечную, проходит через весь текст стихотворения.

Ключевые слова: рецепция, интерпретация, стихотворение, образ, символ

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Разработка идеи, сбор и анализ данных, написание и редактирование рукописи — О.А. Пороль и П.В. Пороль.

История статьи: поступила в редакцию 14 мая 2024 г.; отрецензирована 20 июля 2024 г.; принята к публикации 20 сентября 2024 г.

Для цитирования: Пороль П.В., Пороль О.А. Китай в стихотворении Б. Поплавского «Поэзия» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 1. С. 41–51. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-41-51>

© Пороль П.В., Пороль О.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

China in B. Poplavsky's Poem *Poetry*

Polina V. Porol¹, Olga A. Porol²

¹Orenburg State Medical University, Orenburg, Russian Federation

²Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation

✉ lady.linova2017@yandex.ru

Abstract. The Russian poets' appeal to Chinese culture is a topic that has not been sufficiently studied, which is caused by several reasons: the complexity of interpreting Chinese realities, the peculiarities of their functioning in Russian texts, the correlation of the analyzed text with the 'eastern' extra-textual historical and geographical reality. Emigrant poetry also remains poorly studied. The aim of this study was to examine the Chinese text in B. Poplavsky's poem *Poetry* (1925). The authors resort to mutual reception, exploring the vision of the cultural features of the Russian text in the translation of B. Poplavsky's poem into Chinese, made by Wang Jianzhao (汪剑钊 Wāngjiànzhāo) – “诗” (shī, *Poetry*). The following conclusions were made as a result of the study: the identified Chinese images and symbols in B. Poplavsky's poem *Poetry* go back to the mythology and philosophy of China. In particular, the poet borrowed the image of a hare from the cycle of myths about the shooter I. The worldview of the lyrical hero of B. Poplavsky's poem is close to the philosophy of Zhuang Tzu, who claimed that reality is an illusion of what is happening. The distinctly sounding theme of the Chinese Nothing, an unusual peace symbolizing death, contrary to Russian peace, which canonically meaning eternal life, runs through the entire text of the poem.

Keywords: reception, interpretation, poem, image, symbol

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Author's contribution. Development of the idea, data collection & analysis, manuscript writing and editing – O.A. Porol, P.V. Porol.

Article history: submitted May 14, 2024; revised June 20, 2024; accepted September 20, 2024.

For citation: Porol, P.V., & Porol, O.A. (2025). China in B. Poplavsky's Poem *Poetry*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(1), 41–51. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-41-51>

Введение

Исследователи творчества Б. Поплавского (1903–1935), одного из самых трагичных и загадочных поэтов русской эмиграции, неоднократно отмечали, что ведущей темой автора стал мотив смерти не только как теологической субстанции, которую он стремился познать в своих религиозных поисках, но и как самого мироощущения, состояния окружающей действительности. Наиболее выразительное звучание названная проблематика приобретает при обращении поэта к Китаю. Одной из причин стало знакомство Поплавского с философией китайской мысли, другая исходит из биографии писателя – в Шанхае умерла его сестра Наталья.

Китай в русской литературе — проблема, привлекающая внимание современных ученых. Известны исследования китайской темы в русской прозе. Преимущественно это китайские ученые, что вполне объяснимо, поскольку изучение образа Китая в русской литературе требует знаний двух культур: Ван Лицзю «Образы Китая и Японии в художественной концепции „Фрегата „Паллада“ И.А. Гончарова» (1991); Цуй Ливэй «Лингвокультурные образы России и Китая в художественных произведениях представителей русской дальневосточной эмиграции» (2016); Цао Сюэмэй «Мифологизация образов Китая и китайцев в русской прозе 1920-х годов» (2019); Цзя Юннин «Образ Китая в поэзии Арсения Несмелова и Валерия Перелешина» (2019) и т.д.

Среди русских ученых известны работы Е.В. Сениной «Образы взаимного восприятия русских и китайцев в русской и китайской литературе и публицистике первой половины XX в.» (2018), А.А. Краснойровой «„Китайский текст“ русской литературы» (2019), П.В. Пороль «Китай в рецепции поэтов Серебряного века (поэтика и эстетика)» (2020) и др. Стоит также упомянуть некоторые статьи, раскрывающие или затрагивающие тему Китая в русской литературе интересующего нас периода: И.Ю. Воробьева «Китайская литературная традиция в восприятии поэтов дальневосточной эмиграции (на материале сонетов М. Щербакова и М. Волина)»; Е.Г. Солнцева «Китайские мотивы в „Фарфоровом павильоне“ Н.С. Гумилёва»; Л.Л. Шестакова «Китайские мотивы в русской поэзии: короткие заметки к теме»; Б.Ф. Колымагин «Китайские мотивы в поэзии андеграунда»; А.Ю. Леонтьева «Китайский текст в творчестве О.Э. Мандельштама»; Р.С. Войтехович «Цветаева и Китай» и др.

Среди многочисленных работ, посвященных направлению «Китай и русская литература», китайская тема в поэзии Б. Поплавского не рассматривалась. Однако творчество поэта стало источником многих современных диссертационных исследований: С.Н. Роман «Пути воплощения религиозно-философских переживаний в поэзии Андрея Белого и Б.Ю. Поплавского» (2007); И.Е. Разинькова «Поэтика романа Б.Ю. Поплавского „Аполлон Безобразов“ в контексте прозы русской эмиграции рубежа 1920–1930-х годов» (2009); М.Ю. Галкина «Художественно-философские аспекты прозы Бориса Поплавского» (2010); О.С. Кочеткова «Идейно-эстетические принципы „парижской ноты“ и художественные поиски Бориса Поплавского» (2010); А.В. Дмитрова «Мотивная структура диалогии Бориса Поплавского „Аполлон Безобразов“ и „Домой с небес“» (2013).

В основе известных работ, посвященных Б. Поплавскому, несомненно, находится фундаментальное исследование Е. Менегальдо «Поэтическая Вселенная Бориса Поплавского» (1981), изданное на русском языке в 2007 году. Автор исследует генезис творчества Б. Поплавского и обнаруживает богатую интертекстуальность его поэзии и прозы, отмечает «тягу» к единству, цельности, преодолению раздвоения земного и небесного

в художественном мире. Экспериментаторское начало в поэзии и прозе Б. Поплавского, синтезирующее русскую и западную культуры, поиск и создание литературных форм, опередивших время, отмечено А. Любинским в работе «Вертикальный мир Бориса Поплавского» (2003), вольно и невольно вступившим в полемику с исследователями первой трети XX века, утверждавшими, что поэт испытывал наслаждение, разрушая устойчивость мира. «В стихах его предметы колеблются и дробятся, как бы отраженные в воде» (Менегальдо, 1996, с. 24). Однако, важно осознать, что в цитате из работы К.В. Мочульского «Молодые поэты» (1929), не случайно приведенной А.Н. Богословским в «Легенде Б. Поплавского» (1992), а затем французской исследовательницей Е. Менегальдо в предисловии к книге «Борис Поплавский. Неизведанное: дневники, статьи, стихи, письма» (Поплавский, 1996), указывающей на специфику творчества Б. Поплавского, точно передана еще одна особенность мирозерцания поэта: его видение застывшего мира, постоянно меняющегося и остающегося все тем же; *изображенного мира в движении без реального движения*. Подобный представленный пространственно-временной ракурс, несомненно, свойственен для восточного мирозерцания. Важно также учесть особенность поэтики художественного мира Б. Поплавского, в котором прямые цитаты редки, но в разрабатываемых им темах часто звучат вариации и аллюзии, создающие определенную атмосферу.

Анализ стихотворения Б. Поплавского проведен в семантическом аспекте с помощью поиска текстовых параллелей. При исследовании поэтического произведения применялись сравнительно-исторический (рассмотрение на историко-литературном фоне китайской темы в творчестве Б. Поплавского) и структурно-семиотический (сопоставление фактов семантики, восходящих к историческим, культурным и другим реалиям Китая) методы с целью установления значений поэтической лексики. Рассуждения и выводы авторов основываются на критических исследованиях, сопоставлении двух культур.

Результаты и обсуждение

Обратимся к первой строфе стихотворения Б. Поплавского «Поэзия», в которой удивительно точно передается атмосфера Китая:

*Китайский вечер безразлично тих.
Он, как стихи, пробормотал и стих.
Он трогает тебя едва касаясь,
Так путешественника лапой трогал заяц.*

Китайский вечер сравнивается со стихотворением, которое прозвучало и ушло, стихло. В Китае распространено написание иероглифов в парках на земле водой (水写书法 *shuǐ xiě shūfǎ*). Написанный иероглиф исчезает через несколько мгновений, но главное, что он был, и не важно — остается или нет. В стихотворении Б. Поплавского отчетливо звучит тема небытия, пустоты, отрешенности («безразлично тих»), свойственная поэ-

зии декаданса, отражающая философские концепции китайского Ничто. Передается атмосфера призрачной реальности («едва касаясь», «дымится мир», «дымная вода», «Не верю я Тебе», «непрочны я и Ты»). Образ зайца, безусловно, восходит к лунному зайцу из мифологии: «С циклом мифов о стрелке *И* связано и предание о его жене Чанъэ, похитившей у мужа снадобье бессмертия и улетевшей на Луну, где она с тех пор и живет в одиночестве, подле огромного коричневого дерева; кроме того, существует представление о живущей на Луне жабе (по некоторым версиям, в нее превратилась сама Чанъэ) и зайце, толкушем в ступе снадобье бессмертия» (Юань Кэ, 1987, с. 408). Для перевода на китайский язык слова «едва» Ван Цзяньчжао¹ использует выражение 若有若无 (ruò yǒu ruò wú), которое значит «едва различимый». Стоит отметить, что выражение «безразлично тих» переведено как «бесконечно тихий». Оба слова передают атмосферу китайского мировосприятия, однако эпитет «безразлично» более свойственен русскому пониманию культуры Китая (ср. у К. Бальмонта: «Бесчувственно Великое Ничто»).

Во второй строфе стихотворения возникает образ дымной воды, которую поэт сравнивает с молоком:

Дымится мир, над переулком снова
Она витает, *дымная вода*
На мокрых камнях *шелково* блистает,
Как *молоко* сбегает навсегда.

Выражение *дымная вода* невольно отсылает к работе китайского философа Чжуан-цзы «Осенняя вода». Философия Чжуан-цзы была известна русским поэтам Серебряного века, в частности К. Бальмонту. Интерпретируя стихотворение К. Бальмонта «Индийский мотив», Ким Тэ указывает, что близкая поэту тема «жизнь есть сон», встречающаяся у любимого Кальдерона, имеет свои истоки и в буддийской философии: «Здесь вспоминается также китайская притча о Чжуан-цзы, которому приснилось, что он — бабочка, и проснувшись, он не мог понять, человек ли он, которому снилось, что он бабочка, или бабочка, которой снится, что она — человек» (Ким Кен-Тэ, 1997, с. 118–119). В китайском варианте стихотворения Б. Поплавского *дымная вода*, переведена с помощью выражения «雾茫茫的河水» (wù mángmáng de héshuǐ), которое означает «в пелене тумана река».

Можно утверждать, что сравнение воды, *шелково* блистающей и сбегаящей, с молоком, также восходит к китайской культуре, где молоко, как и во многих других странах, символизирует продолжение развития цивилизации, что вполне объясняет сознательное или интуитивное словоупотребление поэтом слова *навсегда*: «Как *молоко* сбегает навсегда».

¹ Ван Цзяньчжао родился в 1963 году, известный поэт, переводчик, профессор Пекинского университета иностранных языков. Переводил стихотворения О. Мандельштама, А.С. Пушкина, М. Цветаевой, написал труд, посвященный биографии А. Ахматовой, составитель сборника стихотворений М. Цветаевой на китайском языке.

Подтверждение высказанного предположения видим в творчестве современника Б. Поплавского Хай Цзы. В стихотворении «Дуньхуан» (敦煌 dūnhuáng) китайский поэт обращается к образу молока (乳汁 rǔzhī), как к древней культуре, «соку культуры». Важно заметить, что китайцы не употребляют молоко в пищу, лишь на Западе этой страны, в степных районах, особенно близких к Казахстану, где проживают народы, исповедующие мусульманство (уйгуры, казахи, хуэй и др.), достаточно развито животноводство. Однако неизвестно, что молоко — один из символов в буддизме, одном из философских учений Китая. Важно обратить внимание, что в переводе Вана Цзяньчжао выражение «как молоко сбегает навсегда» переведено так: 像牛奶一样永远溜走 (Xiàng niúǎi yǒuàng yǒngyuǎn liū zǒu — Как молоко вечно незаметно ускользает). Переводчик использует выражение «永远溜走» (yǒngyuǎn liū zǒu) — «вечно [незаметно] ускользать». Но сбегать навсегда (или *ускользать вечно*) невозможно. Возникшее мгновенное действие становится дурной бесконечностью, которой нет ни начала, ни конца, нет реальной жизни, что вполне подтверждает нашу гипотезу о сходстве мировосприятия лирического героя стихотворения Б. Поплавского с философией Чжуан-цзы, утверждавшего, что реальность — иллюзия происходящего.

Тема небытия звучит и в третьей строфе:

Не верю я Тебе, себе, но знаю,
Но вижу, как непрочны я и Ты,
И как река сползает *ледяная*,
Неся с собою души с высоты.

Образ ледяной реки в стихотворении создает проекцию вниз, к бездне. В дневнике Б. Поплавского осталась запись: «Господи, Господи, один Ты знаешь, как темно, как невыразимо утомительно ползут дни, и как редко приходит ответ, и все само *льется*, раскрывается, несется в сердце, но на несколько мгновений только, и в какой камень оно *смерзается* день за днем» (Поплавский, 1993, с. 17). Фразу «непрочны я и Ты» Ван Цзяньчжао перевел как «我和你都不可靠» (Wǒ hé nǐ dōu bù kěào) — «я и ты — оба ненадежны». В китайском языке иероглиф «靠» (kào) переводится как «опереться», «положиться». Ван Цзяньчжао подчеркивает временность человека на земле, его несовершенство, непостоянство. Если одновременно обратиться к переводу рассматриваемой строфы на китайский язык, можно заметить, несколько иную интерпретацию:

стихотворение Б. Поплавского
«Поэзия» на китайском языке

我不相信你，不相信自己，可我知道，
Wǒ bù xiāngxìn nǐ, bù xiāngxìn zìjǐ, kě wǒ zhīdào,
我明白，我和你都不可靠，
Wǒ míngbái, wǒ hé nǐ dōu bù kěào,
仿佛从高空随身携带着灵魂，
Fǎngfú cóng gāokōng suīshēn xiédàizhe línghún,
在冰雪覆盖的河面上爬行。
Zài bīngxuě fùgài de hémiàn shàng páxíng.

перевод стихотворения
Б. Поплавского «Поэзия»

Я не верю тебе, не верю себе, но я знаю,
Я понимаю, я и ты — ненадежны,
Подобно тому, как с высоты взять с собой душу,
И ползти по поверхности замерзшей реки
(перевод авт.).

В поэзии Ли Бо есть строки «不敢高声语，恐惊天上人» (Bù gǎn gāo shēng yǔ, kǒng jīngtiān shàng rén) — «боюсь разговаривать громко, чтобы не испугать жителей неба». Вероятно, такой смысл и вкладывал Ван Цзяньчжао, переводя стихотворение Поплавского: когда ты близок к чему-то божественному, стараешься не спугнуть это божественное, не «расплескать» его (вероятно, поэтому поэт употребляет слово «ползти»), понимая, что оно не может долго сосуществовать с обыденной реальностью («поверхность замерзшей реки»).

В последней строфе отчетливо звучит тема китайского Ничто, непривычного покоя, символизирующего смерть, вопреки покою русскому, канонично означающему жизнь вечную:

Как бесконечно трогателен вечер,
Когда клубится в нем неяркий стих,
И, как пальто надетое на плечи,
Тебя покой убийственный настиг.

Выражение «бесконечно трогателен вечер» означает состояние душевное, поверхностное, не дающее ответа на сложные вопросы бытия. Употребление слов «клубится», «неяркий» создают исконную атмосферу Китая, состояние вечного пребывания, когда нет начала и конца, нет отправной и завершающей точки; «неяркий» семантически близко к слову «смутный», отражающему концепцию Дао. «Покой убийственный» — также китайское восприятие себя во Вселенной: не жизнь, не смерть, но вечное пребывание. «Настоящие люди древности не знали, что такое радоваться жизни и отворачиваться от смерти, не гордились появлением на свет и не противились уходу из мира. Отрешенно они приходили, отрешенные уходили, не доискиваясь до начала, не устремляясь мыслью к концу <...> разум таких людей погружен в забытие» (Малявин, 1985, с. 14).

За несколько дней до смерти, 23 сентября 1935 года, Б. Поплавский оставил в своем дневнике следующие строки: «Жаркий день, истерика поминутно то надеваемого, то снимаемого пиджака...» (Поплавский, 1938, с. 59). «Надеваемый» и «снимаемый» пиджак, возможно, невольно реализовавшаяся проекция от ранее созданного поэтом образа «пальто, надетого на плечи», как трагичной завершающей развязки. Обратимся к последней строфе в переводе Вана Цзяньчжао на китайский язык:

стихотворение Б. Поплавского
«Поэзия» на китайском языке

当朦胧的诗行一团团升起，
dāng ménglóng de shī háng yī tuántuán shēng qǐ,
黄昏令人发出无限的感慨，
Huánghūn lìng rén fā chū wúxiàn de gǎnkǎi,
可是，仿佛披在肩膀上的大衣，
kěshì, fāngfú pī zài jiānbǎng shàng de dàyī,
致命的安谧已经赶上了你。
zhì mìng de ān mì yǐ jīng gǎn shàng le nǐ.

перевод стихотворения
Б. Поплавского «Поэзия»

Когда неясная форма стиха клубится кверху,
Сумерки заставляют нас бесконечно вздыхать
от глубоких раздумий,
Однако, как брошенное на плечи пальто,
Губительный покой уже настиг тебя
(перевод авт.).

В стихотворении Б. Поплавского использован союз «и» («И, как пальто надетое на плечи...» — идея сладко приходящей смерти, идущей вслед за творчеством), в переводе Вана Цзяньчжао слышно категоричное противопоставление: «Однако, как наброшенное на плечи пальто...». Ван Цзяньчжао разграничивает состояния творчества и смерти противопоставлением «однако», говорит о неизбежности смерти: идет процесс творчества, но конец уже близок, смерть поджидает поэта.

Стихотворение Б. Поплавского «Поэзия» перекликается с известным микроциклом К. Бальмонта «Великое Ничто», где происходит переосмысление религиозно-философской концепции Дао и открыто обозначен образ Чванг-Санга (Чжуан-цзы). Одинакова атмосфера двух стихотворений: застывшая действительность в вечно длящемся движении. Проведем текстовые параллели:

стихотворение К. Бальмонта
«Великое Ничто»

В нем я и ты — мелькаем на мгновенье...
бездбрежное отчаянье покоя
Застывшую, как иней, красоту,
Как иней снов, что и скрится не тая

стихотворение Б. Поплавского
«Поэзия»

непрочны я и Ты
покой убийственный
Дымится мир, над переулком снова
Она витает, дымная вода

Тема небытия, одна из ведущих в мифопоэтике Серебряного века, во многом формировалась благодаря усвоению и поэтическому переосмыслению религиозно-философской концепции Дао. Именно к ней восходит тема небытия, воплощенная в стихотворении К. Бальмонта «Великое Ничто», а также мотивы пустоты, отрицания суетной жизни, бренности существования, невозможности достижения идеала, которые нашли свое отображение и в стихотворении Б. Поплавского «Поэзия». В «Дневнике» Б. Поплавского осталась запись: «Я путешествовал в древнем Вавилоне, в Египте, в Китае и нигде не находил счастья. Мое сердце было пустыней, я жаждал восхищения, которое должна дать жизнь. (Но не жизнь в Китае, а сейчас, в Париже, около Place d'Italie.) <...> Настоящая жизнь — это ничего не делать и ни в чем не быть заинтересованным, не искать интересной выгоды... Как Николай Ставрогин, который не знал добра и зла, не считал, что такие понятия, как справедливость, или красота, или уродство, — неизменные свойства. Он узнал об этом не из китайских книг, которых, конечно, не читал, а из размышлений о самом себе...» (Поплавский, Т. 3, 2009, с. 499–500).

Заключение

В восприятии Б. Поплавским Китая слились предметно-бытовые, философские и мифопоэтические субстанции. Отталкиваясь от конкретной, современной вещи, детализируя ее, поэт обращается к древним китайским реалиям. Стихотворение Б. Поплавского «Поэзия» прежде всего

о рождении поэтического текста. Примечательно, что одна из самых важных тем — тема поэта и поэзии — отображена в китайской атмосфере. Рассмотрение китайского текста в стихотворении Б. Поплавского «Поэзия» позволило прийти к выводу, что отмеченная тема небытия, пустоты, отрешенности, характерная для поэзии декаданса, отражающая философские концепции китайского Ничто, свойственна миросозерцанию поэта. Можно утверждать, что созданная в стихотворении атмосфера призрачной действительности восходит к особенностям китайского мировосприятия, столь близкого и закономерного для поэта, живущего в реальности, которую автор и его герой принять не могли. Опустошенность («Мое сердце было пустыней») и надрыв, потеря смысла жизни («ничего не делать и ни в чем не быть заинтересованным, не искать интересной выгоды») — основные причины, побудившие Поплавского увидеть себя и свое творчество в чужой культуре. Скольжение по плоскости («Я путешествовал в древнем Вавилоне, в Египте, в Китае и нигде не находил счастья») не могло привести к обретению подлинного покоя («покой убийственный»), но, вероятно, могло привести к потере смысла жизни, который, как известно, поэт пытался постичь, обращаясь к Богу: «Обращусь беззащитно к Нему» («Молитва»), «Кажется все достигает покоя. / Кажется все наконец возвращается к Богу» («На восток от Кавказа»), «Там Христос нам махает рукой и уходит / В темную рябь над рекой» («Орфей»).

Близкое китайскому миросозерцанию восприятие уродства как данности (и/или красоты), неразличение добра и зла, описание реальности как иллюзии происходящего, создание образа остановившегося, но вечно повторяющегося, сползающего времени — черты того «убийственного покоя», в котором рождалась поэзия Б. Поплавского.

Список литературы

- Бальмонт К.Д. Собрание сочинений : в 7 томах. Т. 1. Полное собрание стихов 1909—1914: Кн. 1—3. М. : Книговек, 2010. 504 с.
- Богословский А. Легенда Бориса Поплавского // Русская мысль, 1992.
- Борис Поплавский в оценках и воспоминаниях современников / под. ред. Луи Аллена и Ольги Гриз. СПб. : Logos ; Дюссельдорф : Голубой всадник, 1993. 184 с.
- Войтехович Р.С. Цветаева и Китай // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 16 (811). 2018. С. 201—211.
- Воробьева И.Ю. Китайская литературная традиция в восприятии поэтов дальневосточной эмиграции (на материале сонетов М. Щербакова и М. Волина) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. С. 217—223.
- Ким Кен-Тэ. Тема Востока в творчестве И.А. Бунина : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1997. 212 с.
- Кольмагин Б.Ф. Китайские мотивы в поэзии андеграунда // Новое литературное обозрение. 2015. № 5. С. 268—278.

- Леонтьева А.Ю. Китайский текст в творчестве О.Э. Мандельштама // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия : сборник восточного центра. Чита : Забайкальский государственный университет, 2016. С. 123–127.
- Литература русского зарубежья. 1920–1940 / под общ. ред. О.Н. Михайлова ; отв. ред. Ю.А. Азаров. Вып. 3. М. : ИМЛИ РАН, 2004. 592 с.
- Малявин В.В. Чжуан-цзы. М. : Наука, 1985. 306 с.
- Менегальдо Е. Поэтическая Вселенная Бориса Поплавского. СПб. : Алетейя, 2007. 264 с.
- Поплавский Б. Из дневниковъ 1928–1935. Париж, 1938. 68 с.
- Поплавский Б. Собрание сочинений : в 3 томах. Т. 1. Стихотворения. М. : Книжница ; Русский путь ; Согласие, 2009. 560 с.
- Поплавский Б. Собрание сочинений : в 3 томах Т. 3. Статьи, дневники, письма. М. : Книжница ; Русский путь ; Согласие, 2009. 624 с.
- Поплавский Б.Ю. Неизданное: дневники, статьи, стихи, письма. М. : Христианское издательство, 1996. 512 с.
- Пороль П.В. Китай в рецепции поэтов Серебряного века (поэтика и эстетика) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 183 с.
- Рифтин Б.Л. Китайская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 томах. М. : Советская энциклопедия, 1991. Т. 1: А–К. С. 652–662.
- Солнцева Е.Г. Китайские мотивы в «Фарфоровом павильоне» Н.С. Гумилева // Вестник РУДН. Серия : Литературоведение. Журналистика, 2013. № 4. С. 72–79.
- Шестакова Л.Л. Китайские мотивы в русской поэзии: короткие заметки к теме // Словесность 2013. Альманах. М., 2013. С. 66–69.
- Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М. : Наука, 1987. 527 с.
- 地狱里的春天: 波普拉夫斯基诗选 / 波普拉夫斯基: 汪剑钊译. 成都: 四川人民出版社. 2020年10月第1版. 387 叶 [Dìyù lǐ de chūntiān: Bō pǔ lāfū sī jī shī xuǎn/ Bō pǔ lāfū sī jī: Wāngjiànzhāo yì. Chéngdū: Sichuān rénmin chūbǎn shè. 2020 Nián 10 yuè dì 1 bǎn. 387 yè]. (Весна в аду: избранные стихи Поплавского / Поплавский : пер. Ван Цзяньчжао. Чэнду : Сычуаньское народное издательство, 1-е изд., октябрь 2020. 387 с.)

References

- Allen, L., & Gris, O. (Eds.). (1993). Boris Poplavsky in the assessments and recollections of his contemporaries. Saint Petersburg: Logos Publishing House; Dusseldorf: The Blue Rider. (In Russ.)
- Balmont, K.D. (2010). Collected Works: in 7 vols. *Vol. 1: Full collection of poems 1909–1914: Books 1–3*. Moscow: Book Club. (In Russ.)
- Bogoslovsky, A. (1992). The Legend of Boris Poplavsky. *Russian Thought*. (In Russ.)
- Ken-Tae, K. (1997). The Theme of the East in the Works of I.A. Bunin [Doctoral dissertation]. Saint Petersburg. (In Russ.)
- Kolymagin, B.F. (2015). Chinese motifs in underground poetry. *New literary review*, (5), 268–278. (In Russ.)
- Leontyeva, A.Yu. (2016). Chinese text in the works of O.E. Mandelstam. *Russia and China: Problems of strategic interaction: Collection of the Eastern center* (pp. 123–127). Chita: Transbaikalian State University. (In Russ.)
- Malyavin, V.V. (1985). *Chuang Tzu*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Menegaldo, E. (2007). *Poetic Universe Boris Poplavsky*. Saint Petersburg: Aletheia Publ. (In Russ.)
- Mikhailov, O.N., Azarov, Yu.A. (Eds.). (2004). *Literature of the Russian Diaspora. 1920–1940*. Moscow: Institute of World Literature. (In Russ.)

- Poplavsky, B. (2009). Collected Works: in 3 vols. *V. 1: Poems*. Moscow: Knizhnitsa Publ.; Russkii put' Publ.; Soglasie Publ. (In Russ.)
- Poplavsky, B. (2009). Collected Works: in 3 vols. *V. 3: Articles, Diaries, Letters*. Moscow: Knizhnitsa Publ.; Russkii put' Publ.; Soglasie Publ. (In Russ.)
- Poplavsky, B. (1938). *From the diaries 1928–1935*. Paris. (In Russ.)
- Poplavsky, B.Yu. (1996). *Unrelated: diaries, articles, poems, letters*. Moscow: Christian Publishing House. (In Russ.)
- Porol, P.V. (2020). *China in the reception of the poets of the Silver Age (poetics and aesthetics)* [Doctoral dissertation]. Moscow. (In Russ.)
- Rifin, B.L. (1991). Chinese mythology. *Myths of the Peoples of the World*. Encyclopedia: In 2 volumes. Vol. 1: A–K. Moscow: Soviet Encyclopedia Publ. (In Russ.)
- Shestakova, L.L. (2013). Chinese motifs in Russian poetry: short notes on the topic. *Literature 2013. Almanac*, 66–69. (In Russ.)
- Solntseva, E.G. (2013). Chinese motifs in the *Porcelain Pavilion* by N.S. Gumilev. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, (4), 72–79. (In Russ.)
- Voitekhovich, R.S. (2018). Tsvetaeva and China. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 16, 201–211. (In Russ.)
- Vorobyova, I.Yu. (2009). Chinese literary tradition in the perception of poets of the Far Eastern emigration (based on the sonnets of M. Shcherbakov and M. Volin). *Bulletin of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University*, 217–223. (In Russ.)
- Yuan, Ke (1987). *Myths of ancient China*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- 地狱里的春天：波普拉夫斯基诗选 / 波普拉夫斯基：汪剑钊译。成都：四川人民出版社。2020年10月第1版。387 页 [Dìyù lǐ de chūntiān: Bō pǔ lǎfū sī jī shī xuǎn/ Bō pǔ lǎfū sī jī: Wāngjiànzhāo yì. Chéngdū: Sichuān rénmin chūbǎn shè. 2020 Nián 10 yuè dì 1 bǎn. 387 yè]. (Poplavsky, B. (2020). *Spring in hell: Selected Poplavsky's poems* (Translation of Van Jiangio). Chenddu: Sichuan Folk Publishing House, 1st Edition, October) (In Chin.)

Сведения об авторах:

Пороль Полина Вадимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Оренбургский государственный медицинский университет, Российская Федерация, 460014, Оренбург, ул. Советская, д. 6. ORCID: 0000-0001-6706-4533; SPIN-код: 8677-6911. E-mail: lady.linova2017@yandex.ru

Пороль Ольга Анатольевна, доктор филологических наук, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный университет, Российская Федерация, 460018, Оренбург, просп. Победы, д. 13; профессор кафедры филологических дисциплин, Оренбургская духовная семинария, Российская Федерация, 460014, Оренбург, ул. Челюскинцев, д. 17. ORCID: 0000-0001-9145-3336; SPIN-код: 5513-7015. E-mail: olgaporol@mail.ru

Bio notes:

Polina V. Porol, PhD in Philology, Associate Professor of the Russian Language Department, Orenburg State Medical University, 6 Sovetskaya St, Orenburg, 460014, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-6706-4533; SPIN-code: 8677-6911. E-mail: lady.linova2017@yandex.ru

Olga A. Porol – Grand PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Philology and Methods of Teaching Russian, Orenburg State University, 13 Pobedy Avenue, Orenburg, 460018, Russian Federation; Professor of the Department of Philological Disciplines, Orenburg Theological Seminary, 17 Chelyuskintsev St, Orenburg, 460014, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-9145-3336; SPIN-code: 5513-7015. E-mail: olgaporol@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-1-52-65

EDN: TNFVDT

УДК 82.091

Научная статья / Research article

Воплощение социально-утопических идей в литературе 1970-х годов: функции и роль идиллического хронотопа в романах Сергея Залыгина «Комиссия» и Рудольфо Анайя «Сердце Ацтлана»

Т.В. Воронченко^{ID}, Е.В. Фёдорова^{ID}✉

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

✉katyaz@bk.ru

Аннотация. Сопоставление романов русского советского писателя Сергея Залыгина «Комиссия» (1976) и американского автора мексиканского происхождения (чикано) Рудольфо Анайя «Сердце Ацтлана» (1976), опубликованных в одно время на разных континентах, обусловлено стремлением известных прозаиков XX века определить возможные пути достижения общественной гармонии в меняющейся исторической реальности. В статье рассматривается полифункциональность идиллического хронотопа при использовании писателями 70-х годов XX века социально-утопических идей. Новизна исследования определена усилением акцента на безусловной роли идиллического хронотопа в раскрытии идейно-тематического содержания, оценке масштаба личности автора и важности его вклада в мировую литературу. Выделены мировоззренческая, жанро- и сюжетобразующая функции идиллического хронотопа, определена его миромоделирующая роль в художественных произведениях. Установлено, что в романе С. Залыгина идея о гармонизации общественного порядка приобретает форму «воспоминаний о будущем», поскольку образ Белого Бора, восходящий к Беловодью, символизирует «потерянный рай» патриархальной идиллии русской деревни. Р. Анайя воссоздает образ духовной прародины ацтеков — Ацтлана, который становится ориентиром в определении национальной идентичности американцев мексиканского происхождения в процессе их самоутверждения и возлагает надежду на благополучное построение светлого будущего.

Ключевые слова: пространственный образ, Беловодье, Ацтлан, социально-утопические легенды, литература чикано, мексикано-американская литература, деревенская проза

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Разработка идеи, сбор и анализ данных, написание и редактирование рукописи — Т.В. Воронченко, Е.В. Фёдорова.

© Воронченко Т.В., Фёдорова Е.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 14 мая 2024 г.; отрецензирована 20 июля 2024 г.; принята к публикации 20 сентября 2024 г.

Для цитирования: Воронченко Т.В., Фёдорова Е.В. Воплощение социально-утопических идей в литературе 1970-х годов: функции и роль идиллического хронотопа в романах Сергея Залыгина «Комиссия» и Рудольфо Анайя «Сердце Ацтлана» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 1. С. 52–65. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-52-65>

Implementation of Socio-Utopian Ideas in Literature of 1970s: The Functions and Role of Idyllic Chronotope in the Novels of S. Zalygin *The Commission* and R. Anaya *The Heart of Aztlan*

Tatiana V. Voronchenko^{id}, Ekaterina V. Fyodorova^{id}✉

Transbaikal State University, Chita, Russian Federation

✉katyaz@bk.ru

Abstract. The comparison of the novels *The Commission* (1976) by Russian Soviet writer Sergey Zalygin and *The Heart of Aztlan* (1976) the American author of Mexican origin (Chicano) Rudolfo Anaya, published at the same time on different continents, is determined by the attempts of famous 20th century novelists to identify possible ways to achieve social harmony in the changing historical reality. The article examines the multi-functionality of the idyllic chronotope in the application of socio-utopian ideas by the writers of the 1970s. The novelty of the study is specified by strengthening the emphasis on the unconditional role of the idyllic chronotope in revealing the ideological and thematic content, assessing the dimension of the author's personality and the importance of his contribution to world literature. The world view, genre-forming and plot-forming functions of the idyllic chronotope are singled out, its world-modeling role in the literary works is determined. It is established that in the novel of S. Zalygin the idea of harmonizing the social order acquires the form of “memories of the future”, because the image of Belyi Bor, going back to Belovodye, symbolizes the “lost paradise” of the patriarchal idyll of the Russian village. R. Anaya recreates the image of Aztlan, the spiritual ancestral home of the Aztecs, which becomes a reference point in determining the national identity of Mexican Americans in the process of their self-definition and denotes the hope for a successful construction of a better future.

Keywords: spatial image, Belovodye, Aztlan, socio-utopian legends, Chicano literature, Mexican-American literature, village prose

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Author's contribution. Development of the idea, data collection & analysis, manuscript writing and editing – Tatiana V. Voronchenko, Ekaterina V. Fyodorova.

Article history: submitted May 14, 2024; revised June 20, 2024; accepted September 20, 2024.

For citation: Voronchenko, T.V., & Fyodorova, E.V. (2025). Implementation of Socio-Utopian Ideas in Literature of 1970s: The Functions and Role of Idyllic Chronotope in the

Novels of S. Zalygin *The Commission* and R. Anaya *The Heart of Aztlán*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(1), 52–65. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-52-65>

Введение

Изменения объективной реальности в ходе исторического развития побуждают писателей к созданию произведений, отражающих народные представления и мечты о гармоничном будущем. В основу творчества авторов XX века ложится целый комплекс социально-утопических идей, которые, как пишет профессор К.В. Чистов, возникали в различные эпохи, в разной социальной среде и при самых разнообразных обстоятельствах, «их появление всегда свидетельствовало <...> о напряженных поисках социальных идеалов и способов жизненного воплощения» (Чистов, 1967, с. 3). Стремление многих талантливых писателей нарисовать картину общественного благополучия на основе социально-утопических идей традиционно сопрягается с передачей особого «способа чувствования» (по В. Гумбольдту), проявляющегося в идиллическом хронотопе, образе идеального времени-пространства. Концепция хронотопа в литературоведении предложена Михаилом Бахтиным с опорой на термин, бытующий в теории относительности Эйнштейна — физической теории пространства-времени. Впоследствии, как справедливо указывает Н.Э. Фаликова, на первый план выходит мировоззренческое значение понятия хронотопа, поскольку хронотопический подход последовательно становится способом постижения смысла человеческого бытия и истории, так как позволяет «взглянуть на прошлое сквозь призму настоящего, предугадать будущее, „стереть случайные черты“ и обозначить реальные вехи времени» (Фаликова, 1992).

Интерес литературоведения к проблеме репрезентации социально-утопических идей в художественных произведениях XX века возрастает в последнее десятилетие (Богумил, 2018; Ковтун, 2015; Непомнящих, 2015; Папкина, 2022; Силантьев, 2021; Аная, 2017; Lomeli, 2022; Priewe, 2018 и др.). Н. Ковтун отмечает, что в 1970-е годы в советской литературе возрождается интерес к народным утопическим легендам, что вызвано «ностальгией по утраченному, „малому крестьянскому миру“, корням» (Ковтун, 2015, с. 153), в результате чего в творчестве писателей этого периода выстраивается пространство должного с опорой на образ легендарной страны Беловодья. Алтайский исследователь Т.А. Богумил именует Беловодье продуктивной мифологемой, передающей социально-утопическую идею о праведной и обильной далекой вольной земле на востоке Российской империи (Богумил, 2018, с. 90). Легендарный образ мифической прародины ацтеков — Ацтлан, именуемый патриархом мексикано-американской истории и литературы Доном Луисом Леалем символом духовного единства чиканос, который каждый хранит в своем сердце (Leal,

1985, с. 23), наделяется также чертами идиллического пространства. Согласно легендам, ацтеки видели в Ацтлане «рай на земле», «блаженное, счастливое место» с изобилием рыбы и дичи, родниками, вечнозелеными растениями и плавучими садами (Аная, 2017, с. 9), «Эдемским садом для племен» (Аная, 2002, с. 53), где не существует общественной иерархии. Раскрытие образов легендарных территорий Беловодья и Ацтлана в многочисленных художественных произведениях, возникших на разных континентах и в разных социальных условиях, свидетельствует о возможности соотнесения литературных текстов такого рода с утопическими романами, поскольку, как пишет известный сибирский литературовед Т.А. Чернышёва, один из ведущих теоретиков научной фантастики 1960–1980-х годов, главным в утопии является поиск такого устройства общественного бытия, при котором достигается счастье или по крайней мере благоденствие всех членов общества (Чернышёва, 1984, с. 306).

В литературоведческих работах первых двух десятилетий XXI века, наряду с особенностями воплощения социально-утопических идей, часто рассматриваются вопросы соотношения «идиллического хронотопа» с понятием пространства «повышенной упорядоченности, гармоничности, концентрированного счастья» (Сыска, 2016, с. 326), заостряется внимание на геопоэтике (Васильева, 2021), топосах дворянской усадьбы (Савина, 2012), дискурсе фантастического (Лахманн, 2009). При этом роль идиллического хронотопа в литературных произведениях, которые выстроены на основе социально-утопических предпочтений тех или иных авторов, изучена недостаточно, что не позволяет в полной мере определить глубину художественного текста, представить масштаб личности писателя и важность его вклада в мировую литературу.

Цель данной статьи — установление функций и роли идиллического хронотопа в процессе художественного воплощения русским советским писателем Сергеем Залыгиным («Комиссия», 1976) и мексикано-американским автором Рудольфо Аная («Сердце Ацтлана», 1976) социально-утопических идей о гармоничном обществе. Задачи исследования: выявить мировоззренческую, жанро- и сюжетобразующую функции идиллического хронотопа и роль индивидуально-авторской пространственно-временной модели в указанных произведениях. Объект исследования — реализация социально-утопических идей в литературе 1970-х годов; предмет — роль идиллического хронотопа в процессе авторского воплощения социально-утопических идей о гармоничном социуме.

Исторический период последней трети XX века отмечен интенсивными творческими поисками способов диалогического постижения непрерывно меняющегося мира, в результате которых рождается феномен синтеза реалистических, модернистских и постмодернистских черт, выходящий за пределы одной национальной литературы и открывающий перспективы формирования нового типа культурного сознания (Лейдерман, 2003, с. 584–585). Обращение к романам признанных писателей этого

периода — Сергея Залыгина и Рудольфо Анайя — неслучайно. «Географически далеких» авторов объединяет стремление представить возможные пути достижения социальной гармонии. При этом писатели обращаются не к технократическим или сциентистским моделям, но черпают вдохновение в фольклоре, беря за основу своих построений мифологический и легендарно-утопический пласт народных воззрений: о Беловодье, легенда о котором, зародившись на Алтае, в Сибири, приобретает общерусский характер, и Ацтлане — мифической прародине ацтеков, предположительно находящейся на Юго-Западе современных США и части Мексики.

Сопоставление литературных произведений русского советского писателя и автора чикано (англ. *chicano*, исп. *mechicanos, mexicanos* — испаноязычная этническая группа в США, американцы мексиканского происхождения, численность которой составляет по данным 2021 года более 37 миллионов человек) основано на идее В.М. Жирмунского о единстве историко-литературного процесса и необходимости применения типологического подхода к анализу сходных литературных явлений (Жирмунский, 1979, с. 7). Сравнительно-исторический метод позволяет обратиться к изучению универсальных закономерностей человеческого сознания — общности реализации идейных замыслов писателей одного временного периода (1970-е годы), которые заключаются в попытке показать особенности своеобразного народного утопизма, нашедшего отражение в идиллическом хронотопе. Определение черт идиллического хронотопа и его функций в литературных произведениях выполняется с опорой на научные труды М.М. Бахтина. Структурно-семиотический метод позволяет обратиться к отображению географического пространства в художественном тексте с выделением знаков-символов и бинарных оппозиций (по Ю.М. Лотману). Культурно-исторический метод способствует рассмотрению привлеченного литературного материала в контексте исторической эпохи 1970-х годов, отмеченной как в СССР, так и в США, в определенном смысле культурным возрождением и развитием комплекса идей, связанных с усиленной проработкой представлений о будущем движении человеческой цивилизации.

Результаты и обсуждение

Мировоззренческая, жанро- и сюжетообразующая функции идиллического хронотопа в романах С. Залыгина «Комиссия» и Р. Анайя «Сердце Ацтлана» 1970-х годов

Исторически конкретные социальные условия во многом формируют мировоззренческие установки С. Залыгина и Р. Анайя, которые находят отражение в романах «Комиссия» и «Сердце Ацтлана». Оба романа опубликованы в один год — 1976-й. Период 1960–1970-х годов в советской литературе отмечен стремительным развитием деревенской прозы и возрастанием интереса аудитории к произведениям В. Астафьева, В. Шук-

шина, В. Распутина, в которых писатели обращаются к утверждению традиционных ценностей сельского семейного быта, культу исторической памяти. В плане отображения системы взглядов на мир в целом и судьбу своего народа в частности особый интерес представляет переосмысление С. Залыгиным народной утопической легенды о Беловодье именно в 1970-е годы, на волне общественного подъема и поисков социального идеала. Подобно тому, как широко известного писателя-сибиряка Валентина Распутина сформировало удивительное Прибайкалье, так и Залыгина — загадочный Алтай. Возникновение романтического отношения к Алтаю — месту, где родилась легенда о Беловодье, согласно большинству источников, связано с тем, что именно там прошла юность писателя. Впоследствии, совмещая литературную деятельность с научной, будучи видным гидрологом, Залыгин участвовал во многих лесных экспедициях по Сибири и Алтаю. В результате ему удалось прочувствовать дух этих мест, которые в романе «Тропы Алтая» (1959–1961) он назовет землей обетованной.

Развитие темы Ацтлана в произведениях авторов чикано также связано с поиском корней и одновременно попыткой создания прообраза будущего. Неслучайно именно в 1970-х годах, когда активно развивается общественно-политическая деятельность чиканос (*Chicano Movement*), отмечен всплеском литературного творчества, который получает название ренессанса, и главное место в нем принадлежит символике, многозначным образам, восходящим к мироощущению ацтеков и майя. В народных легендах Ацтланом именуется место, где появились ацтеки (Lomeli, 2016, с. 47). Предположительно это северо-западная территория Мексики, которая в результате аннексии по условиям договора Гуадалупе-Идальго 1848 года стала, соответственно, Юго-Западом США. В историческом плане в основе раскрытия темы Ацтлана находятся размышления о прародине и о законном праве чиканос на земли, где жили их предки. Мировоззрение Рудольфо Анайя развивалось на основе этих идей под влиянием особого «чувства места», величественного, внушающего благоговение пейзажа. Так же, как на мировоззренческую концепцию Сергея Залыгина повлиял Алтай, так и Рудольфо Анайя сформировал Юго-Запад — земли Ацтлана. Писатель родился, вырос и прожил в Нью-Мексико, посвятив научную и творческую деятельность исследованию и возрождению духовной основы жизни мексикано-американского сообщества, символом которой стал Ацтлан. Под пером Анайя, одного из самых известных писателей чикано, чье имя включено в престижные энциклопедии современного литературного творчества (Shaffer, 2011 и др.), Ацтлан предстает как географическая, историческая и духовная реальность (Воронченко, 2022, с. 102), способная определить пути гармоничного развития общества.

По Бахтину, хронотоп имеет существенное жанровое значение (Бахтин, 1975, с. 235). Жанрообразующая функция идиллического хронотопа

проявляется в том, что его воссоздание в тексте требует включения различных типов проблематики: социокультурной, идейно-нравственной, философской, усложнения сюжетно-композиционной организации (одним из основных приемов становится антитеза), определяющей многогранность жанра исследуемых романов. Введение в ткань повествования элементов социально-утопических легенд об «идиллических» пространствах Беловодья и Ацтлана позволяет авторам наделить историческую и географическую конкретику реалистического повествования (черты жанра социально-психологического романа) духовно-символическими характеристиками в результате обращения к фольклорным и мифологическим истокам авторского понимания социальной гармонии (черты романа-мифа, романа-притчи).

Сюжетообразующая функция идиллического хронотопа реализуется в романах Сергея Залыгина и Рудольфо Анайя в ходе трансформации социально-утопических легенд о Беловодье и Ацтлане, что позволяет спроецировать представления об идеальном обществе на живую современность с ее острыми социальными противоречиями. Идиллический хронотоп — организующий центр основных сюжетных линий романов.

В романе «Комиссия» рассказана история обретения и утраты рая на земле, деревне Лебяжки. Действие приходится на годы Гражданской войны, когда сибирские крестьяне в 1918 году создали Лесную комиссию. Цель комиссии — сберечь лес вокруг деревни — величественный Белый Бор, привычный уклад крестьянской жизни, несмотря на меняющиеся условия. Многочисленные персонажи романа (председатель Лесной комиссии Петр Калашников, лебяжинский грамотей и книжник Николай Устинов, юродивый Кудеяр и др.) представляют своего рода коллективный портрет сибирского крестьянства — хозяйственного, мудрого, жизнестойкого, ратующего за спокойную, размеренную жизнь на своей земле. Важную роль в развитии сюжетного действия играет прием антитезы — введение бинарных оппозиций, которые позволяют автору представить взаимоотношение идиллических и реально-исторических элементов художественного мира, при этом идиллические элементы маркируются как свое, а реально-исторические — как чужое. С помощью антитезы Сергей Залыгин выразительно подчеркивает отграниченность, в некотором роде изолированность деревни Лебяжки и Белого Бора от окружающего мира: «Деревня Лебяжка перед всем остальным миром умела за себя постоять, главное же — умела жить сама по себе — чужого в свои дела не допускать, самой в чужие дела-заботы носа не совать» (Залыгин, 1990, с. 223). Знаками-символами «своего» пространства, идиллического уголка в романе выступают образы лебяжинского поселения и Белого Бора — «красивого и особенного посреди бескрайней степи» (Залыгин, 1990, с. 258). Белый Бор, символизирующий легендарное Беловодье, видится своеобразным оазисом в пустыне жизни и изображается как значимая часть идеального утопического пространства.

Сюжет романа Рудольфо Анайя «Сердце Ацтлана» строится на основе изображения реальности жизни мексикано-американского сообщества во второй половине XX века на примере типичной семьи (Чавес), переезжающей из Мексики в США в поисках заработка. Исторически-конкретная сюжетная канва противопоставляется идиллическому прошлому мифа и легенды, что выражается в ряде отчетливых оппозиций. Антитезой бедственному социальному положению чиканос в современной Америке становятся мир прошлого, в котором их предки жили в гармонии с природой и друг с другом, и, что еще более значимо, мир будущего — «нового времени и нового места» (Анайя, 1990, с. 2), когда историческая миссия чиканос должна прийти к завершению (Воронченко, 2022, с. 108), то есть появлению новой цивилизации, в которой возможно достижение социального идеала.

Сюжетообразующая функция идиллического хронотопа в обоих романах наиболее явно прослеживается в реализации антитезы «сельская местность — город», которая позволяет высветить пасторально-идиллический характер образов Беловодья и Ацтлана. В романе Залыгина город описывается с ярко выраженной негативной окраской: «Братья-мужики! Не ездите более в города, не ступайте ни ногой в поганую ихнюю землю, не дышите смрадом их и проказой, не возите туды малой корки хлебужка — пушай оне поймут в том угаре, чаду, дыму и безверии, кто из людей живет праведно, а кто — окаянно и похабно» (Залыгин, 1990, с. 456–457). Антитеза города и сельской местности призвана усилить восприятие деревни как места сосредоточения богатой самобытной русской культуры, с ее традиционными ценностями и этическими законами, в то время как город предстает олицетворением «угара, чада, дыма, безверия», мира хаоса. Рудольфо Анайя также обращается к обрисовке городского пространства, враждебного идиллическому локусу сельской местности, с использованием оппозиции «природное — социальное» («вагоны, похожие на гигантских змей, гремели, сцепляясь друг с другом в уродливую цепь из стали», Анайя, 1990, с. 22), в результате чего традиционный мексиканский, характеризующийся близостью к природе уклад жизни противопоставляется засилью индустриализации, нарушающей, по мнению писателя, единство ритма жизни человека и природы.

Миромоделирующая роль идиллического хронотопа Беловодья и Ацтлана

Миромоделирующая роль идиллического хронотопа реализуется в символично-философском наполнении пространственных образов романов Залыгина и Анайя. Идиллический хронотоп становится центром изобразительной конкретизации и воплощения ценностных установок писателей, чему в первую очередь служат средства мифопоэтики. Сергей Залыгин обозначает мифопоэтические координаты Белого Бора,

подчеркивая вневременность его существования и неотделимость событий жизни лебяжинцев от их родного уголка. Этому служит прием оксюморона, соединения в характеристиках локуса противоречивых признаков — «прошлого» и «нынешнего», «сказки» и «действительности», с помощью которых Белый Бор предстает одновременно как реальное и как фантастическое, сказочное пространство: «А вот что было явным и в прошлом и в нынешнем, и в сказке и в действительности — так это Белый Бор. Он весь представлял явью и отчетливостью, все равно какой — сказочной или действительной» (Залыгин, 1990, с. 550). Белый Бор с точки зрения идиллического хронотопа видится восходящим к утопии образом гармонии и согласия, символом устройства человеческой жизни по «природному закону».

Образ Ацтлана воссоздается в романе Анайя преимущественно в виде вставных конструкций, в которых фрагментарно восстанавливаются и «оживают» элементы легенды и мифа. Эти вставки становятся своего рода проявлением внутреннего голоса главного героя, который ведет Клементе Чавеса к осознанию огромной духовной силы, таящейся в потомках некогда великого ацтекского народа. Вставки характеризуются мифопоэтическим содержанием. В частности, они иллюстрируют такую черту бахтинского идиллического хронотопа, как «сочетание человеческой жизни с жизнью природы, единство их ритма, общий язык для явлений природы и событий человеческой жизни» (Бахтин, 1975, с. 375). Наиболее выразительным здесь становится прием олицетворения, с помощью которого достигается уподобление природного человеческому, восходящее к мифологическому мышлению: «Оленья луна, сестра спящего солнца, омыла землю и продолжила свое движение по древнему пути солнца» (Анайя, 1990, с. 107). Особой выразительностью обладают мифопоэтические средства, включая олицетворение, использованные автором в кульминационном моменте романа: «Где же, — воскликнул Клементе, — где источник моей реки жизни? — Там, — отвечал ему ветер, — там, где берут начало семь источников священного озера» (Анайя, 1990, с. 130). В тексте Рудольфо Анайя реализуется грандиозная метафора Ацтлана, воплощаясь в идиллическом хронотопе, который основан на особом чувстве единства места, на «вековой прикреплённости жизни поколений к одному месту, от которого эта жизнь во всех ее событиях не отделена» (Бахтин, 1975, с. 374). В критический момент, когда духовный вакуум грозит Клементе саморазрушением, физической гибелью, его, замерзающего на аллее парка, спасает слепой поэт Криспин, обладатель «волшебной голубой гитары». Он становится источником новых надежд Клементе, его семьи и народа, воспламеняя в воображении миф об Ацтлане: «Время остановилось, и в этот растянутый миг он почувствовал ритм сердца Ацтлана, бьющегося соразмерно с его собственным сердцем. Мечты и видения стали реальностью, и реальность была очень тонкой субстанцией мифов и легенд. Радостная сила земли наполнила его душу, и он закричал: „Я — Ацтлан!“»

(Аная, 1990, с. 131). Эта вспышка в сознании преобразует существо героя, он вырывается из плена одиночества, ощущая слияние с природой и людьми, как часть космического универсума, воплощенного в метафоре Ацтлана (Воронченко, 2022, с. 109).

Идиллический хронотоп в романах С. Залыгина и Р. Анайя способствует выражению целостного взгляда писателей на мир и место человека в нем. Миромоделирующая роль пространственно-временной организации текста на основе социально-утопических представлений о Беловодье и Ацтлане заключается в творческом преобразовании действительности и переключении ее восприятия из физического в метафизический план, переходе с уровня исторической и географической конкретности на уровень мифологических универсалий. Мир идиллии, в котором возможно нахождение «потерянного рая» — легендарного Беловодья — и обретение самоидентичности в ходе духовного единения с древним Ацтланом, органично соединяется талантливыми художниками слова с миром современной им повседневности (1970-х годов), противоречия которой, как видят С. Залыгин и Р. Анайя, возможно разрешить в движении к социальной гармонии. Миромоделирующая роль идиллического хронотопа в романах Залыгина и Анайя заключается в создании авторами особого образа мира, важной частью которого становятся локализованное пространство мифа и легенды (идеальные локусы Ацтлана и Беловодья) и временной ряд, строящийся на единстве ритма жизни человека и природы.

Заключение

Идиллический хронотоп русского Беловодья и мексикано-американского Ацтлана характеризуется полифункциональностью и способствует наиболее яркому воплощению социально-утопических идей писателей о гармоничном обществе. Функции хронотопа (мировоззренческая, сюжетообразующая, жанрообразующая) помогают высветить его миромоделирующую роль. Характер авторских предпочтений в выборе определенных пространственно-временных координат, как правило, позволяет оценить их мировоззренческие позиции. Представления Сергея Залыгина и Рудольфо Анайя об идеальном времени-пространстве отражают особенности мировосприятия авторов, которое сложилось под влиянием меняющейся исторической реальности XX века. Изменения в жизни общества явились для писателей стимулом к поиску путей достижения социального благоденствия на основе активного использования мифологического и легендарно-утопического материала.

Идиллический хронотоп определяет художественное единство произведений Сергея Залыгина и Рудольфо Анайя в их отношении к реальной действительности, что в первую очередь проявляется в жанровой специфике текстов. Наличие признаков разных жанров (социально-психологического романа, романа-мифа, романа-притчи) обусловлено творческим

стремлением авторов соединить историческую и географическую конкретность реалистического повествования с активным использованием фольклорных и мифологических элементов в духе новейших модификаций реализма. Сергей Залыгин прибегает к полноценному раскрытию идеи о «потерянном рае», в котором существовала патриархальная идиллия русской деревни, разрушенная в ходе общественных преобразований. Главным посылом Рудольфо Анайя является мысль о том, что социально-утопические представления об Ацтлане способны стать основой достижения искомого идеала и построения гармоничного общества в XXI веке. Обращаясь к реализации социально-утопических идей в своих произведениях, писатели 70-х годов XX века на разных широтах стремятся к «открытию себя» в прошлом, «поиску себя» в настоящем, «утверждению себя» в будущем (Фомина, 2017, с. 203). И это яркие примеры того, насколько тесно представления об идеальном времени-пространстве связаны с мировоззрением авторов, их видением динамики исторического процесса.

Список литературы

- Анайя Р.* Ацтлан: Отечество без границ / пер. с англ. Т. Воронченко // Переводчик. 2002. № 3. С. 47–60.
- Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М. : Художественная литература, 1975. 504 с.
- Богумил Т.А.* Беловодье: легенда, мифологема, бренд // Культура и текст. 2018. № 3(34). С. 89–102.
- Васильева Т.В.* Геопэтика водных пространств в прозе В.П. Сысоева // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. 2021. № 6. С. 40–50. DOI 10.25587/w6694-2131-3884-k
- Воронченко Т.В.* На перекрестке миров: мексикано-американский литературный дискурс XIX–XXI вв. Чита : ЗабГУ, 2022. 289 с.
- Жирмунский В.М.* Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л. : Наука, 1979. 495 с.
- Залыгин С.П.* Собрание сочинений : в 6 томах. Т. 3. Комиссия : роман. М. : Художественная литература, 1990. 646 с.
- Ковтун Н.В.* «Беловодский метатекст» в современной русской прозе (к постановке проблемы) // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI веков. М. : Флинта: Наука, 2015. 382 с. С. 153–189.
- Лахманн Р.* Дискурсы фантастического. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 379 с.
- Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н.* Современная русская литература: 1950–1990-е годы : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений : в 2 томах. Т. 2: 1968–1990. М. : Издательский центр «Академия», 2003. 688 с.
- Непомнящих Н.А.* Беловодье как «общее место»: современные литературные и иные интерпретации // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI веков. М. : Флинта, 2015. С. 190–202.
- Папкова Е.А.* Образ Беловодья в произведениях сибирских писателей 1920-х гг. Повесть А. Караваевой «Золотой клюв» // Литература Сибири в социокультурном

- пространстве. Иркутск : Иркутский государственный университет, 2022. С. 138–146.
- Савина Л.Н. Идиллический хронотоп дворянской усадьбы и его отражение в автобиографических произведениях С.Т. Аксакова «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 4(68). С. 132–136.
- Силантьев И.В., Шатин Ю.В. «Якутия» А.Е. Строганова. Художественная деконструкция мифологической идиллии // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 137–147. DOI 10.17223/18137083/75/10
- Сыска К. Современные идиллии. Способы и функции обращения к идиллическому хронотопу в избранных произведениях новейшей русской литературы // Literatūra. 2016. № 57(5). С. 325–336. DOI 10.15388/Litera.2015.5.10222
- Фаликова Н.Э. Хронотоп как категория исторической поэтики // Проблемы исторической поэтики. 1992. Т. 2. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2358> (дата обращения: 22.03.2024). DOI 10.15393/j9.art.1992.2358
- Фомина М.Н., Воронченко Т.В., Борисенко О.А. Диалог культур в контексте философской компаративистики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-3(86). С. 202–204.
- Чернышева Т.А. Природа фантастики. Иркутск : Иркутский государственный университет, 1985. 336 с.
- Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М. : Наука, 1967. 341 с.
- Anaya R. Heart of Aztlan. Albuquerque : University of New Mexico Press, 1990.
- Anaya R., Lomeli F.A., Lamadrid E.R. Aztlán: Essays on the Chicano Homeland. Revised and Expanded Edition. Albuquerque : University of New Mexico Press, 2017.
- Leal L. Aztlán y Mexico. Perfiles literarios e historicos. Binghamton, New York : Bilingual Press, 1985.
- Lomeli F.A. A tribute recordando a Rudolfo A. Anaya: from Aztlán to Mictlán // Camino real: estudios de las hispanidades norteamericanas, Número especial. 2022. P. 65–70.
- Lomeli F.A., Urioste D.W., Villaseñor M.J. Aztlán, concept of // Historical dictionary of US Latino literature. Rowman & Littlefield. 518 p.
- Priewe M. Aztlán es una fábula : Navigating postnational spaces in Chicana/o culture // Routledge Handbook of Chicana/o Studies. London : Routledge, 2018. P. 253–265. DOI 10.4324/9781315726366-24
- Shaffer B.W. et al. The encyclopedia of twentieth-century fiction. Qxford : Blackwell Publishing, 2011.

References

- Anaya, R. (2002). Aztlán: a homeland without boundaries. *Perevodchik*, (3), 47–60. (In Russ.)
- Anaya, R. (1990). *Heart of Aztlan*. Albuquerque: University of New Mexico Press.
- Anaya, R., Lomeli, F.A., & Lamadrid, E.R. (2017). *Aztlán: Essays on the Chicano Homeland. Revised and Expanded Edition*. Albuquerque: University of New Mexico Press.
- Bakhtin, M.M. (1975). *Questions of Literature and Aesthetics. Studies of different years*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ. (In Russ.)
- Bogumil, T. (2018). Belovodie: a legend, mythologeme, brand. *Kul'tura i tekst*, (3), 89–102. (In Russ.)
- Chernysheva, T.A. (1985). *The nature of the fantastic*. Irkutsk State University Publ. (In Russ.)

- Chistov, K.V. (1967). *Russian Folk Utopia (genesis and functions of socio-utopian legends)*. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ. (In Russ.)
- Falikova, N.Je. (1992). Chronotope as a category of historical poetics. *Problemy istoricheskoy pojetiki*. DOI 10.15393/j9.art.1992.2358. (In Russ.) Retrieved from <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2358>
- Fomina, M.N., Voronchenko, T.V., & Borisenko, O.A. (2017). Dialogue of Cultures in the Context of Philosophical Comparativism. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, (12-3), 202–204. (In Russ.)
- Kovtun, N.V. (2015). Belovody metatext in modern Russian prose (to statement of a problem). In *Siberian identity in the reflection of a literary text: tropes, toposes, genre forms of the XIX–XXI centuries* (pp. 153–189). Moscow: Flinta: Nauka Publ. (In Russ.)
- Lakhmann, R. (2009). *Discourses of the fantastic*. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye Publ. (In Russ.)
- Leal, L. (1985). *Aztlan y Mexico. Perfiles literarios e historicos*. Binghamton, New York: Bilingual Press.
- Lejderman, N.L., & Lipoveckij, M.N. (2003). *Modern Russian Literature: 1950–1990s*. Moscow: Izdatel'skij centr Akademija Publ. (In Russ.)
- Lomelí, F.A. (2022). A tribute recordando a Rudolfo A. Anaya: from Aztlán to Mictlán. In *Camino real: estudios de las hispanidades norteamericanas* (pp. 65–70). Número especial.
- Lomelí, F.A., Urioste, D.W., & Villaseñor, M.J. (2016). Aztlán, concept of. In *Historical dictionary of US Latino literature* (p. 518). Rowman & Littlefield.
- Nepomnyashchikh, N.A. (2015). Belovodye as a topos: modern literary and other interpretations. In *Siberian identity in the reflection of a literary text: tropes, toposes, genre forms of the XIX–XXI centuries* (pp. 190–202). Moscow: Flinta Publ. (In Russ.)
- Papkova, E.A. (2022). The image of Belovodye in the works of Siberian writers of the 1920s. The story of A. Karavaeva *The Golden Beak*. In *Literature of Siberia in the socio-cultural space* (pp. 138–146). Irkutsk: Irkutsk State University. (In Russ.)
- Priewe, M. (2018). Aztlán es una fábula: Navigating postnational spaces in Chicana/o culture. In *Routledge Handbook of Chicana/o Studies* (pp. 253–265). London: Routledge. DOI 10.4324/9781315726366-24
- Savina, L.N. (2012). The idyllic chronotope of the noble estate and its reflection in S.T. Aksakov's autobiographical works *Family Chronicle* and *The Childhood Years of Bagrov-grandson*. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, (4), 132–136. (In Russ.)
- Shaffer, B.W. et al. (2011). *The encyclopedia of twentieth-century fiction*. Oxford: Blackwell Publishing.
- Silantyev, I.V., & Shatin, Y.V. (2021). Yakutia by A.E. Stroganov. Artistic deconstruction of a mythological idyll. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal*, (2), 137–147. (In Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/10
- Syska, K. (2016). Modern idylls. Methods and functions of referring to the idyllic chronotope in selected works of the latest Russian literature. *Literatūra*, (57), 325–336. (In Russ.) DOI: 10.15388/Litera.2015.5.10222
- Vasil'yeva, T. (2021). Geopoetics of water spaces in V. P. Sysoev's prose. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova*, (6), 40–50. (In Russ.) <https://doi.org/10.25587/w6694-2131-3884-k>
- Voronchenko, T.V. (2022). *At the Crossroads of Worlds: Mexican-American Literary Discourse of the XIX–XXI centuries*. Chita: Transbaikalian State University. (In Russ.)
- Zalygin, S.P. (1990). *Selected Works. The Commission*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ. (In Russ.)
- Zhirmunskiy, V.M. (1979). *Comparative literary studies. East and West*. Leningrad: Nauka Publ. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Воронченко Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы, Забайкальский государственный университет, Российская Федерация, 672000, Чита, ул. Александро-Заводская, д. 30. ORCID: 0000-0001-7913-3057; SPIN-код: 5296-7206. E-mail: tavoronch@mail.ru

Фёдорова Екатерина Владимировна, старший преподаватель кафедры европейских языков и лингводидактики, Забайкальский государственный университет, Российская Федерация, 672000, Чита, ул. Александро-Заводская, д. 30. ORCID: 0000-0001-8156-119X; SPIN-код: 8416-1377. E-mail: katyaz@bk.ru

Bio notes:

Tatiana V. Voronchenko – Grand PhD in Philology, Professor, Professor of the Literature Department, Transbaikal State University, 30 Aleksandro-Zavodskaya St, Chita, 672000, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-7913-3057; SPIN-code: 5296-7206. E-mail: tavoronch@mail.ru

Ekaterina V. Fyodorova, Senior Lecturer of the European Languages and Linguodidactics Department, Transbaikal State University, 30 Aleksandro-Zavodskaya St, Chita, 672000, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-8156-119X; SPIN-code: 8416-1377. E-mail: katyaz@bk.ru

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ

FOREIGN LITERATURES

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-1-66-79

EDN: TQJRMF

UDC 82.01

Research article / Научная статья

Main Characters in D. Tartt's Prose: Exploring the Hero

Kseniia M. Baranova^{id}✉, Nadezhda S. Shalimova^{id}

Moscow City University, Moscow, Russian Federation

✉baranovkm@mgpu.ru

Abstract. Examines various types and specifics of the protagonists' presentation in the novels *The Secret History*, *The Little Friend*, *The Goldfinch* by the contemporary Donna Tartt American writer. The purpose of the study is to analyze the way the process of growing up is shown in the author's works. The hero's formation impacts the leading motifs, the choice of a protagonist type (a child or a teenager) and a narrative mode (a first-person or third-person narrative mode with social and philosophical digressions), and ultimately gives the reader a possibility to make conclusions about the protagonist. Emphasizes a connection between Tartt's coming-of-age novels and the Young Adult fiction genre as well as points to symbolic connotations in the narrative that help the author create the protagonist's indirect characteristics. The contextual analysis of the three novels explains the specifics of the characters' inner world and their worldviews. Tartt and her characters are passionate about literature and art, thus the narration is firmly based on the principle of intertextuality. The study contributes to the development of literature theory in the field of poetics. The practical significance of the research results is determined by the possibility to use them in teaching American contemporary literature and stylistics.

Keywords: Donna Tartt, the protagonist, Young Adult fiction, intertextuality, coming-of-age novels

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Author's contribution. Development of the idea, data collection & analysis, manuscript writing and editing – Kseniia M. Baranova, Nadezhda S. Shalimova.

Article history: submitted May 14, 2024; revised June 20, 2024; accepted September 20, 2024.

For citation: Baranova, K.M., & Shalimova, N.S. (2025). Main Characters in D. Tartt's Prose: Exploring the Hero. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(1), 66–79. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-66-79>

Система персонажей прозы Д. Тартт: в поисках героя

К.М. Баранова , Н.С. Шалимова

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

 baranovkm@mgpu.ru

Аннотация. Изучаются различные способы репрезентации системы персонажей в романах «Тайная история», «Маленький друг» и «Щегол» современной американской писательницы Д. Тартт. Цель исследования – анализ проблемы взросления в произведениях автора. Доминанта внутреннего становления влияет на центральные мотивы, тип героя (ребенок или подросток), повествовательную технику (от первого или от третьего лица с психологическими и философскими отступлениями), что в конечном итоге дает читателю возможность увидеть внутренний мир центральных персонажей. Подчеркивается связь прозы Д. Тартт с жанром литературы для молодого читателя, выявляются коннотации и символика, с помощью которых создаются косвенные характеристики действующих лиц. Контекстуальный анализ трех романов позволяет выявить специфику внутреннего мира героев и особенности их мировоззрения. Прозаические образы Д. Тартт вписаны в мир литературы и искусства, поэтому особенностью нарратива является интертекстуальность. Настоящая статья вносит вклад в развитие теории литературы и поэтики. Практическая значимость результатов исследования определяется возможностью их использования в преподавании современной американской литературы и стилистики.

Ключевые слова: Д. Тартт, главный герой, литература для молодого читателя, интертекстуальность, произведения о взрослении

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Разработка идеи, сбор и анализ данных, написание и редактирование рукописи – К.М. Баранова, Н.С. Шалимова.

История статьи: поступила в редакцию 14 мая 2024 г.; отрецензирована 20 июля 2024 г.; принята к публикации 20 сентября 2024 г.

Для цитирования: Baranova K.M., Shalimova N.S. Main characters in D. Tartt's prose: exploring the hero // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 1. С. 66–79. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-66-79>

Introduction

Poetics, or the theory of literary techniques involved in composing prose and poetry, is one of the most important research topics within literary studies. Fictional discourse fascinates researchers with its distinctive style features,

symbolism, and imagination. It provides literary communication in which feelings, thoughts, ideas, descriptions of places or events are expressed. Analysis of main characters in fiction works allows both the researcher and the reader to understand stylistic idiosyncrasies and genre characteristics of contemporary literature.

Traditional coming-of-age stories (Boes, 2006, p. 245) are a staple of the American literature. Growing-up themes can be traced in the works of such distinguished authors as L.M. Olcott, M. Twain, J. London, T. Dreiser, F.S. Fitzgerald, H. Lee, T. Capote, J.D. Salinger, and R. Bradbury. Donna Tartt continues the national literary tradition that promotes the search for philosophical and existential meanings. This search is embodied in the characters growing up within the development of the plot (Cart, 2016, p. 16).

A key characteristic of the American literature is the themes of multiculturalism, memory, and history, as well as self-knowledge and personal autonomy. The protagonists in Tartt's novels are ethnically and socially diverse: Boris (*The Goldfinch*) has Ukrainian roots, Ida (*The Little Friend*) is African American, Henry (*The Secret History*) represents the aristocratic class, the Ratliffs (*The Little Friend*) have a criminal background. The events take place in a wide range of geographical locations, which are loosely defined by scholars as northern (*The Secret History*, *The Goldfinch*) or southern (*The Little Friend*) (Bone, 2005, p. 25).

The facts of the author's biography can be related to her creative activities. The narrative flows from descriptive passages to the characters' memories and interactions, which often veer into their philosophical and psychological portraits. The study considers Tartt's novels as coming-of-age stories and is aimed at analyzing their protagonists. We also analyzed the stylistic features of the novels, the interplay of voices belonging to the narrator and other characters, the specificity of the genre and its poetic qualities. The protagonists (their age, social status, worldviews, and lifestyles), the system of minor characters, narration types and the chronotope were examined, with comparative analysis and narrative analysis used as the main research methods.

Currently, there is no single, fundamental theory that would allow to generalize and organize all the available information on the main heroes in connection with poetic and genre characteristics of Donna Tartt's prose. An increased interest in teenagers as protagonists in modern literary studies can be explained by their significance in contemporary fiction and impact on the reader. According to some scholars (Byrnes, 2005), the child is an archetypal symbol in literature and this image is the foundation of Young Adult (YA) literature genre. For a long time, researchers have been pursuing attempts to define its specific features. Millard emphasizes that genre forms are mobile and can easily transform depending on the changes in the external sociocultural context (Millard, 2007, p. 14). A very interesting interpretation of the YA genre offered in literary theory links it to the Bildungsroman (Boes, 2006) with its specific poetic and linguistic characteristics: the type of the character, events,

types of narration and chronotope, intertextuality (Heineman, 2015) or phototextuality (Welch, 2019).

Byrnes (Byrnes, 2005) and Cart (Cart, 2016) describe the YA narration as the one that allows the writer to focus not only on protagonists' inner lives but also expand on the historical and cultural aspects of their surroundings. The main semantic dominant of the genre is the theme of growing up (Stratman, 2018). Maturity is achieved through overcoming trials: loneliness, loss of beloved ones, and struggles with evil. Experts in the field of YA fiction indicate that Tartt's aim is not only to depict the main characters but also show, from their point of view, the most significant elements of the environment – cultural and historical references, psychological and social meanings (Heineman, 2015; Millard, 2007; Pereira, 2018; Welch, 2019).

Millard and Cart describe plot-constructing elements of formation novels (Cart, 2016; Millard, 2007). Coming-of-age stories are likely to have a conventional system of characters (Boes, 2006), where all the minor characters to a certain degree become 'teachers' to the main one, which helps reveal the protagonists' inner world in a more comprehensive way (Heineman, 2015).

In one of her interviews Donna Tartt noted that her prose is highly autoreferential, and the coded language of her novels is aimed at sophisticated, erudite, and mature readers with expert knowledge in the sphere of philology (Neary, 2002). The motive of racial inequality in Tartt's prose is presented in the context of the 'southern' tradition (Bone, 2005) and the genre canon of Young Adult literature (Tarr, & White, 2018): historical and cultural contexts are inextricably intertwined (Boes, 2006) with the theme of growing-up in the atmosphere of social injustice, loss, loneliness, and depression (Pereira, 2018).

The use of these techniques creates a unique atmosphere in Tartt's novels, but also complicates their genre specifics. *The Little Friend* is written in third person and the narrative is linear. This choice of the narrative mode and structure makes the novel drastically different to retrospective and confessional narratives of *The Secret History* and *The Goldfinch*. The third person perspective allows the writer to show the protagonists' inner lives as well as to draw detailed psychological portraits of the minor characters and their families. The main semantic dominant in YA literature is the theme of growing up by overcoming trials inherited from the American literary tradition, and the same theme is of crucial importance for Tartt as a writer and a person. Thus, the three novels under study can be inscribed into the tradition of Young Adult literature (Afanasjeva et al., 2020; Stratman, 2018).

To achieve the goal of identifying specifics of the main characters created by Donna Tartt, we used comparative analysis, narrative analysis, and intertextual analysis as the main research methods. Various approaches to determining poetic characteristics of Young Adult fiction (namely, psychological and philosophical aspects of the characters' formation) have been the object of study for a number of literary theory schools (Boes, 2006; Bone, 2005; Byrnes, 2005; Cart, 2016; Millard, 2007; Stratman, 2018; Welch, 2019).

Tartt's novels *The Secret History*, *The Little Friend* and *Goldfinch* were chosen as the material for the study as they illustrate main tendencies in contemporary American literature.

The theoretical significance of the obtained results can be seen in identifying the specifics of protagonists in Tartt's prose, which contributes to the development of narrative studies and the theory of genres, highlighting existential experience, states and stages of adolescence by exploring teenage characters. The work also emphasizes the importance of Young Adult fiction in connection with the main trends in contemporary literature. The practical vector of the study allows one to use its results in teaching American literature and the theory of literature.

Results and Discussion

The title of the novel *The Secret History* is rather suggestive, symbolic and highly relevant to the story's plot. It refers to the work of Procopius of Caesarea, a Byzantine historian. Working as a military chronicler, he created eight-volume *History of the Wars*, which was translated into English from Greek as *The Secret History*. Written in first person, *The Secret History* presents an alternative, personal and accurate account of what is happening as the plot progresses. The novel was originally titled *The God of Illusions* – in many ways a metaphor for the entire book as the characters overcome illusory ideas about the state of the world. The prologue of the inverted detective story contains information about the plot-forming event which is Edmund “Bunny” Corcoran's murder: “The snow in the mountains was melting and Bunny had been dead for several weeks” (Tartt, 2017, p. 6). Bunny is the main character's friend. They are both classics students at an elite private college.

The novel is constructed as a retrospective narrative from the 28 year old man named Richard Papen. The main intrigue and the mystery of the novel are given to the reader on the first pages – Bunny is dead. The detective story is reminiscent of a typical Greek tragedy in its narrative techniques and sharp plot twists. The protagonist's exposition is done skillfully. Describing himself, Richard gives his name, age, place of birth and emphasizes the fact that he “grew up in Piano, a small silicon village in the north. No sisters, no brothers” (Tartt, 2017, p. 7). Thus, Richard has been alone all the time, and he feels like an orphan.

The narrative techniques are close to those of the ancient tragedy. Being the narrator, Richard takes up an ‘estranged’ position, typical for the chorus in Greek tragedies. His narration is objective, omniscient and dispassionate. The novel is characterized by the analytical composition (as in the Greek tragedy *Oedipus the King* by Sophocles) where appeals to the past are both a compositional and a cultural device. Confession is another important feature of the diegetic narrative. As Richard's personality is slowly shifting throughout the first-person narrative, the readers begin identifying themselves and sympathizing with him. By the finale, the protagonist comes to understand the true significance of humanity and life.

The story is set in a small liberal arts college in Vermont. At the age of nineteen the protagonist comes there to study classic Greek. The place has iconic significance for Tartt — it mirrors her own *alma mater* (Bennington college, Vermont) in many details and the descriptions of the university world are largely autobiographical. The main character is plunged into an elite circle of intellectuals who are united by the love for ancient literature, culture, and the Greek language. Richard succeeds in becoming a part of this closed and exclusive society after resolving a dispute devoted to the translation of a fragment from Homer, thus the Ancient Greek language and literature become the plot-forming motifs of the novel.

The action takes place on the campus, in a separate building called the Lyceum where the characters live. The six students seem to exist in a separate world perceiving everyday life as secondary and insignificant; they all have been handpicked to attend classes of the Classics professor Julian Morrow. Before the class Julian often says: “I hope we’re all ready to leave the phenomenal world, and enter into the sublime?” (Tartt, 2017, p. 38). This image of the professor falls into the traditional archetypal ‘teacher-student’ paradigm but seems more complicated and ambiguous. Subconsciously, the students consider themselves as a part of the elite clique given a privilege to learn about vital issues. It is Julian who inspires them with the idea of their own exclusiveness. The professor’s students are characterized by the sense of superiority. They highly estimate the fact they have been chosen to be in harmony with the ancient culture and aesthetics. Escapism through immersion into the language (the students spend most of their free time studying Classic Greek) elevates them above the daily routine. The harmony of the Greek philosophy where a person perceives oneself as a part of the society and an element of the universe is opposed to the characters’ self-position of being privileged and unique.

The group consists of Richard and his five friends: Henry, Bunny, Francis, and the twins — Camilla and Charles. The author adds some stylistic coloring and specific details to the portrait of each protagonist. Henry’s image is particularly remarkable. He is shown as a linguistic genius who speaks in multiple tongues, ancient and modern. The young man “had published a translation of Anacreon, with commentary, when he was only eighteen” (Tartt, 2017, p. 27). Another student, Bunny, draws the reader’s attention with his symbolic nickname. Bunny’s real name is Edmund. One of the meanings of the word *bunny* is “rabbit or baby rabbit” which brings an element of symbolism (Chupryna, 2022) into the context as rabbits are the symbol of Easter in the American culture. Thus, the motifs of sacrifice, innocence and purity are added to Bunny’s image, though they are often dissonant with the details of his external portrait and descriptions of his inner world: extravagance, disregard of personal hygiene, etc. Francis is portrayed as the boy who “was the most exotic of the set” (Tartt, 2017, p. 26). The young man was thin, had nervous hands and a shrewd look. His way of dressing compels the narrator to compare him to Alfred Douglas, Oscar Wilde’s friend. This adds some additional touches to his image which are later revealed

as relevant. Finally, Charles and Camilla are introduced as amazingly similar in their looks: “They looked very much alike, with heavy dark-blond hair and epicene faces as clear, as cheerful and grave, as a couple of Flemish angels” (Tartt, 2017, p. 30). In this description, Tartt uses a characterization technique typical for her later works – an allusive reference to fine arts – which will fully manifest itself in the novel *The Goldfinch*.

Intertextuality can be traced in the heroes’ descriptions, which is one of the author’s key poetic techniques. Richard says that his five friends didn’t seem to him as unusual people. However, when he had observed them for some time, he understood they were far from being common. The narrator emphasizes that such individuals are extremely rare in real life. Richard describes his impressions of communicating with the other members of the group as follows: “It was as if the characters in a favorite painting, absorbed in their own concerns, had looked up out of the canvas and spoken to me” (Tartt, 2017, p. 24). The plot-forming element of the novel is the story of formation, coupled with the motifs of *teachers* vs. *false teachers*, *destructive force of arts* vs. *creative force of arts*, and combining the genre features of a detective story, a university novel, psychological prose, and Young Adult fiction (Cart, 2016).

Donna Tartt’s novel *The Secret History* is an example of a complexly organized text representing a synthetic genre structure, non-linear narrative, and a diegetic narrative discourse. The multidimensionality of the text poetics is achieved by incorporating elements of the university novel genre, YA literature, inverted detective stories, as well as aesthetics and dramatization tools of Ancient Greek tragedies and ekphrastic digressions. The appeal to antiquity is embodied in the double encoding of the text. The reception of ancient culture is a key theme and a plot-forming device at different levels: surface-level events and deep philosophical contents of the novel.

The title of the novel *The Little Friend* is an apparent reference to Louisa May Olcott’s *The Little Women*. Correlations between the two novels, to a certain extent, also can be spotted on the plot development level. In *The Little Women*, the father of the family leaves home to participate in the American Civil War. In Tartt’s novel, the father abandons the family to work after the tragic death of the eldest child. In Olcott’s novel the protagonists feel lonely, while in Tartt’s work the family members emphatically support each other. The main character of the story is twelve-year-old Harriet Cleve who is investigating her brother Robin’s murder. The title of the novel *The Little Friend* is a reference to his life story. Harriet becomes obsessed with finding the murderer and decides to take revenge on young drug dealer Danny Ratliff, whom she blames for her brother’s death. But in fact, the young man didn’t kill Robin. Moreover, he was his true friend. The remarks made by the father visiting Harriet at hospital after the ordeal make the girl reconsider her own assumptions and Danny’s personality. The plot is complex, dynamic and full of unexpected twists. The author’s key message about the ambivalence of good and evil featured in all her works is vividly seen in this novel too.

The plot unfolds dynamically. Despite the fact that in retrospect the reader gets acquainted with the history of the three generations of the Cleve family, the plot of the novel is built around one summer when Harriet learns from Ida, the family's maid, about Danny Ratliff being somehow involved in her brother's murder and decides to investigate. It was quite natural of Harriet who "was wakeful and alert by nature" (Tartt, 2002, p. 25). The author conveys the character's feelings and emotions and exposes Harriet's social position. Harriet is a polar opposite to her elder sister Allison who is homely and obedient. According to the antithesis principle, Harriet is shown as a wild, unfriendly, and strange being, but she is smart, perceptive and courageous. Harriet was born shortly before Christmas, which might be significant for the author whose birthday is December 23. There's also a deeper metaphorical meaning behind the Christmas chronotope. Though Harriet has both parents, symbolically she is an orphan as her mother and father don't care about her.

The Ratliff family is portrayed as dysfunctional their main occupation is dealing drugs. In their environment, moral dilemmas and the distinction between good and evil become complicated, ambiguous and ambivalent. In addition to the criminal component, the family is characterized by a peculiar 'southern' attitude to religion, typical of the older generation of the American South. Southern mythologems in the narrative serve as references to the national American literature. They can be found in the imagery, the character system and the chronotope.

The action takes place in a provincial town in Mississippi where everyone knows each other, and rumors spread fast. The writer inherits this topos from Harper Lee, as well as the collective image of the townspeople. In Tartt's novels, urban areas aggravate the characters' feeling of isolation: the empty streets of Alexandria and overcrowded New York avenues emphasize not only the characters' loneliness but also their restlessness. Their emotions become the starting point for doubling plot situations. The novel is largely based on the juxtaposition of Harriet's and Danny's personalities and stories, but it soon becomes clear that they both suffer from alienation and misunderstanding. In this regard, the characters are similar to the children in *Nine Stories* by J.D. Salinger, who also fail to find any support in the adult world.

The image of the family home plays a plot-forming role in the poetics of the novel. The atmosphere in Harriet and Danny's homes is shown in detail. Harriet's house is filled with all sorts of useless things and feels sleepy and empty. Eventually it succumbs to stagnation and then destruction after Ida's leaving. Danny lives in a travel trailer; his home is run by Grandma Gum. The place is dirty and uncomfortable. In both homes children seem to have no place, they feel lonely and abandoned. Thus, the novel features elements of a family saga. The plot is revealed by referring to the chronotope of the house in crisis, a frequent archetype in the works by Margaret Mitchell and William Faulkner.

Following the footsteps of Mark Twain, Harper Lee and Harriet Beecher Stowe, Tartt touches upon one of America's most pressing issues – racial

inequality. It is no coincidence that the main character's name is Harriet. Both authors (Tartt and Beecher Stowe) ruminate on how true love and emotional attachment can collapse under the weight of racial prejudice. (Cf. also the pair Harriet and Ida to Scout and Calpurnia in Lee's *To Kill a Mockingbird*: in the novels the black maids were like mothers for the girls.) Ida is the provider of folk songs, lullabies, fairy tales that Harriet greatly enjoys. Genuine and profound love for Ida deepens the heroine's psychological portrait. The relationship between Harriet and Ida is one of the key storylines climaxing in a dramatic breakup in the chapter *The Red Gloves*.

In American literature, the topic of racial discrimination is a frequent plot-forming device. In contemporary fiction it is most prominent in stories set in southern states, for example, in the novel *The Help* by Kathryn Stockett. The states in the south if the US, Mississippi and Alabama in particular, belong to the topos of the so-called Deep South. Historically, this has been not only the most conservative part of the USA, but also most racially polarized. Racial segregation continued to exist up until the 1960s, and to the day the southern states are characterized by higher levels of conservatism and orthodoxy.

The plot focuses on the main character's formation. The author provides a convincing account of the protagonist's childhood and adolescence. Harriet "did not care for children's books in which the children grew up" (Tartt, 2002, p. 162). In the summer camp, where everything goes against Harriet's values and her usual way of carrying herself in the world, the girl realizes she is no longer a child. The heroine is a voracious reader, books become her faithful friends and a form of escape. Her worldview is characterized by a great devotion to literature. She sees her investigation as an exciting adventure inspired by the mysterious atmosphere of books by R. Kipling and R.L. Stevenson. One of Harriet's favorites is *The Jungle Book*. No wonder that the character resorts to literature at most difficult moments of her life. Like Peter Pan, she wants to mentally escape from reality by remembering something glorious.

The intertextual field of the novel is quite remarkable. For instance, the classic film about James Bond *From Russia with Love* gets mentioned twice. Another example of the intertextual technique is the phrase from the book Harriet has been reading – *Captain Scott's Diary*. The girl says she has fully grasped Captain Scott's secret message that implies that the victory is often no different from the defeat. Thus, intertextuality accompanies Harriet's reflections throughout the story. It's literature that somehow helps her understand what growing up means.

Phototextuality is another important poetic feature of the novel, photographs play a characterological role (Welch, 2019, p. 439). Harriet tries to learn more about her family's past and Robin's story by analyzing photographs. In the same way she also tries to understand her brother's personality. The pictures with Robin are especially important and sacred to the girl. Removed from the album and "kept separately on a shelf in Edie's closet inside a heart-shaped chocolate box" (Tartt, 2002, p. 77), the photos have become an ideal world for Harriet, a world of cloudless memories where she wants to return again and again. The

pictures help the heroine learn the story of her birth. They do not only convey the family warmth and serene happiness but also predict grief. For example, Allison, who buries her photo with a dead cat, metaphorically says goodbye to her own life.

In *The Little Friend* Tartt employs some genre and narrative tools of the 'southern' novel. The author relies on the topos of a provincial town (inherited from works by William Faulkner and Harper Lee), rebellion against the system (Harriet's own investigation), connection with the past (much attention in the novel is paid to the family chronicles, the grandmothers' life history in particular). The provincial southern town becomes an expressive background for the protagonist's growing up, while the main topos is Harriet's house. All these tools become the key features of the novel.

The theme of growing up plays a pivotal role in the poetics of the novel. By the end Harriet's antagonist Danny, who's been established as a lonely, misunderstood alien in his own family, reveals himself to be such many-sided a person that he rather becomes her double – a literary coeval of the main character. Simultaneously, the author introduces the theme of racial inequality, but does so in the context of the 'southern' tradition and the genre canon of Young Adult literature (Tarr, & White, 2018): historical and cultural contexts and the theme of growing up through experience of loss and loneliness are inextricably linked.

Donna Tartt's most recent novel *The Goldfinch* can be regarded as the pinnacle of the writer's creative talent. The book is rich in references to other coming-of-age stories where an orphaned main character is reaching maturity through spiritual development, including the works by Ch. Dickens, J.D. Salinger, J.K. Rowling, F. Dostoevsky (Heineman, 2015, p. 30). The key features of Tartt's creation are the cinematic technique of depicting the protagonist's surroundings, the three-part plot structure and the chronotope that indicates liminality (a transition between one stage and the next). In *The Goldfinch* the chronotope of the big city is shown through the protagonist's wanderings in New York, Las Vegas, and Amsterdam.

The liminal stage (the stage of ambiguity) in the main character's life is accompanied by indispensable, classic attributes of the initiation novel. As a young boy, the protagonist witnesses the death of his mother and then goes on a journey. The reader can visualize his experiences that can be described by some scholars as extreme states of mind (Pereira, 2018): post-traumatic syndrome and drug-induced delirium. In different periods of his life, the hero suffers through serious hardships, including addiction, which can be illustrated by the following metaphor: "Night seemed to fall in the middle of the afternoon" (Tartt, 2014, p. 232).

The protagonist's name is Theodore (Greek *God's gift*) Decker, in the narrative the name is shortened to Theo. The surname Decker has an additional connotation associated with a card deck as Theo perceives life as a game. The hero's life is about to change dramatically when his mother takes him to the exhibition of Dutch masterpieces in the Metropolitan Museum of Art to see

their favorite painting – *The Goldfinch* by Carel Fabritius. The painting is one of the few survived works by the famous artist who was Rembrandt's pupil. Almost all his paintings were destroyed in the Delft explosion in 1654, when the artist himself was killed. In the novel, an explosion takes place at the museum and Theo's mother dies. The boy survives, and while staggering through the destroyed halls, he feels compelled to take the painting with him. The masterpiece becomes truly sacred for the main character. The small Dutch Golden Age painting has both aesthetic and social functions. After his mother's death, Theodore roams around, changing foster homes across the US.

The novel opens in wintery Amsterdam where everybody is getting ready for Christmas, the festive atmosphere emphasizes the protagonist's loneliness and isolation. Theo's growing-up process is described with such words as *to wander*, *fog*, *dream*, alluding to the feeling of detachment and showing his homeless wanderings in a cold city. Tartt adopts Dickens' way of describing the character becoming mature through his perception of the big city (Heineman, 2015, p. 24). Soon after his mother's death, Theo stays with the Barbours, the rich family of his school friend Andy, on Park Avenue in New York. When he begins to emerge from his grief and gets back to life, his father shows up unexpectedly and takes him to Las Vegas where Theo enrolls to a local school and meets Boris Pavlikovsky, whom he describes as "one of the great friends of my life" (Tartt, 2014, p. 263). The boys become inseparable, spending a lot of time together, stealing food and experimenting with drugs and alcohol. This is an important stage of Theo's growing-up, a significant step in the 'ritual' of his initiation. When Theo's father gets killed in a car accident, Theo packs his things and leaves Vegas for New York, where his adult life begins.

During his journey Theodore changes names. One of the early nicknames he uses is *Potter*, which is an obvious reference to the *Harry Potter* novels by J.K. Rowling: "It was not the first time, in Vegas, I'd heard the Harry Potter comment. My New York clothes <...> made me look like a freak" (Tartt, 2014, p. 263). Harry Potter's *The Boy Who Lived* title is suitable for both characters as they escaped a certain death. Like Harry, Theo gets a magic object (the painting), which is typical of fairy tale characters.

An important element of the novel poetics is vivid memories of the protagonist's past personal experiences. Memories and recollections can serve as an extremely useful composition tool (Tivyaeva, 2020) to emphasize crucial moments in the narrative: "When I was little, four or five, my greatest fear was that someday my mother might not come home from work" (Tartt, 2014, p. 61). The main character's dreams are another way to explain him to the reader. These unconscious reflections are the key to understanding the boy's fears, his repentance and mental anguish. The novel is characterized by a confessional tone, which is achieved largely due to continuous dialogue between the narrator and the reader. This communication is critical for understanding the protagonist's internal identity. At the same time, Tartt interrupts the narration with flashbacks. This structure serves to depict Theo's internal evolution: the main character

functions as the narrator commenting on his own thoughts and intentions while the author works to convey the hero's emotions.

The poetics of *The Goldfinch* is multi-dimensional, enriched by intertextuality and intermediality: the novel is full of references to fine arts, music, cinema, and photography. One can also spot documentary elements in the overall artistic narrative. The narrator uses identical syntactic forms (parallel constructions) to both express his judgments and penetrate the other characters' minds. One point of view smoothly transitions into another. As the narrator is largely unreliable, the writer doesn't provide any objective portrait details of the hero's mother and the reader sees her exclusively through Theo's eyes.

The allusions to Russia are very important in the novel. The reader comes across such Russian words and phrases as *telik*, *angliyski*, *ty videsh*, *Ty menja dostal!* (Tartt, 2014, p. 298). Some characters have Russian names (*Boris*, *Theodore* ≈ *Fyodor*). The protagonists read works by Russian writers: "He stayed upstairs and out of the way, frowning over *The Idiot* in Russian" (Tartt, 2014, p. 317), which is not only an allusion but a reflection point. Theo accepts Dostoevsky's idea of the resurrection of a great sinner. It's quite evident why one of the key chapters of the novel is titled *The Idiot*. Relying on the perception of Dostoevsky's works the characters realize the circular plot of accepting life and atonement.

The theme of the protagonist's development and maturation takes a central stage in the novel *The Goldfinch*. The elements of intertextuality and intermediality help build up and add nuance to the main character's image. All in all, the novel follows traditional motifs of Young Adult literature: loss, death, illness, heartache, disappointment, and subsequent gradual self-discovery.

Conclusion

As a result, it was established what exactly goes into the writer's creation of protagonists in the novels, which inevitably involves exploring the hero. Donna Tartt's protagonists are characterized by loneliness which they feel in their own families, rejection by their surroundings (Richard in *The Secret History*, Harriet in *The Little Friend*) or a profound loss (Theo in *The Goldfinch*). Some of the character attempt to analyze and understand the world through art or an initiation process they go through in certain periods in their lives.

Tartt's novels can be regarded within the Young Adult fiction genre due to several reasons. Firstly, the main characters are young, and their coming-of-age is the basis for the plot. Secondly, motifs of loss, death, illness, anguish, disappointment, and gradual self-discovery, thematic complexes (the themes of friendship, love, loneliness), poetic and narrative techniques (autonomy of the first-person narrator or the third-person narration with social and philosophical departures) are typical for both YA literature and Tartt's novels. The age of Tartt's characters is also significant as they are all teenagers: Richard Papen is 17 years old; Harriet Cleve and Theo Decker are 13 at the beginning of their journey.

They are ostracized, torn away from home and family or lose them altogether. They face painful trials, experience frantic mental throwing, try on different social roles, and face death. Their struggles give a good insight into the characters' nature. They are real heroes due to their repentance, self-sufficiency, and redemption.

References

- Afanasjeva, O.V., Baranova, K.M., & Chupryna, O.G. (2020). Precedent Phenomena as Symbols of Cultural Identity in YA Fiction. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences* (pp. 1098–1106). London: European Publisher.
- Boes, T. (2006). Modernist Studies and the Bildungsroman: A Historical Survey of Critical Trends. *Literature Compass*, 3(2), 230–243.
- Bone, M. (2005). *The Postsouthern Sense of Place in Contemporary Fiction*. Baton Rouge: Louisiana State University Press.
- Byrnes, A. (2005). *The Child: An Archetypal Symbol in Literature for Children and Adults*. New York: P. Lang.
- Cart, M. (2016). *Young Adult Literature: From Romance to Realism*. Chicago: Neal Schuman Publ.
- Chupryna, O.G., & Baranova, K.M. (2022). Social and Cultural Values in American Web-Based Discourse. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, (4), 122–130.
- Heineman, H.K. (2015). David Copperfield and The Goldfinch: The coming-of-age novel in two centuries. *Midwest Quarterly*, 57(1), 23–36.
- Millard, K. (2007). *Coming of age in contemporary American fiction*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Neary, L. (2002). Author Donna Tartt discusses her literary career and her latest novel, The Little Friend. *Talk of the Nation*. <https://www.npr.org/programs/talk-of-the-nation>
- Pereira, H.C. (2018). The Weariness of the Hero: Depression and the Self in a Civilization in Transition. *Journal of Analytical Psychology*, 63(4), 420–439.
- Stratman, J. (2018). *Teens and the New Religious Landscape: Essays on Contemporary Young Adult Fiction*. Jefferson: McFarland.
- Tarr, A., & Donna R.W. (2018). *Posthumanism in Young Adult Fiction: Finding Humanity in a Posthuman World (Children's Literature Association Series)*. Jackson: University Press of Mississippi.
- Tartt, D. (2014). *The Goldfinch*. London: Abacus.
- Tartt, D. (2002). *The Little Friend*. London: Bloomsbury Publishing.
- Tartt, D. (2017). *The Secret History*. New York: Penguin Books.
- Tivyaeva, I.V. (2020). Structural organization of memory narrative. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, (1), 303–315.
- Welch, E. (2019). Etat present: Literature and photography. *French Studies*, 73(3), 434–444.

Bio notes:

Kseniia M. Baranova, Grand PhD in Philology, Professor, Head of the Department of English Philology, Moscow City University, 4 Vtoroy Sel'skokhozyaystvennyi proezd, Moscow, 129226, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-2740-1643; SPIN-code: 7744-4741. E-mail: baranovkm@mgpu.ru

Nadezhda S. Shalimova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of English Philology, Moscow City University, 4 Vtoroy Sel'skokhozyaystvennyi proezd, Moscow,

129226, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-9636-1262; SPIN-code: 1894-7562.
E-mail: shalimovans@mgpu.ru

Сведения об авторах:

Баранова Ксения Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии, Московский городской педагогический университет, Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4. ORCID: 0000-0002-2740-1643; SPIN-код: 7744-474. E-mail: baranovkm@mgpu.ru

Шалимова Надежда Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Московский городской педагогический университет, Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4. ORCID: 0000-0001-9636-1262; SPIN-код: 1894-7562. E-mail: shalimovans@mgpu.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-1-80-94

EDN: TTXNWS

УДК 821.411.21

Научная статья / Research article

Жанр «рихля» – от Средневековья к постмодернизму

В.Н. Зарытовская , А.М. Аль-Рахби

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

 al_rakhbi_a@pfur.ru

Аннотация. Арабский травелог – рихля – посвящен путешествиям восточного человека по миру. Цель исследования – показать роль данного жанра в развитии арабской национальной культуры на протяжении веков, его влияние на современную арабскую прозу. Авторы выделили отличительные черты рихли на фоне подобных записей путешествий в иных культурах и в других временных периодах, обосновав таким образом правомерность введения термина «рихля», несмотря на имеющиеся уже в научном обороте «литература путешествий», «описание путешествия», «травелог». Вместе с тем найдены параллели между арабской рихлей и «Хождением за три моря» Афанасия Никитина. Глубокое укоренение этого феномена в арабской культуре, его тесная связь с религией и наукой, по мнению авторов, не дали жанру исчезнуть в Средневековье. Поэтому одной из задач стало проследить и обобщить историю рихли в Новое время и позже. В работе обоснованы условия зарождения жанра, описана его трансформация к XIX веку, объяснена роль в появлении поздней национальной беллетристики и арабском возрождении в целом, показано развитие данного стиля в новейшей литературе, сделана попытка представить различные виды авторских реализаций травелога на материале произведений современных египетских писателей (Н. Махфуза, Г. Аль-Питани, Ю. Зейдана). Все это позволило выстроить единую нить истории жанра, показать, что на него во многом опирался зарождавшийся арабский роман, к нему предпочитали обращаться экспериментаторы арабского постмодернизма, совпавшего по времени с волной подъема национального самосознания. При этом связь современных произведений с жанром рихли устанавливается при сохранении одной из двух его важнейших характеристик – близостью к научной фактографии либо представлением физического путешествия как духовного испытания, духовного пути.

Ключевые слова: арабская литература, жанр, роман, травелог, рихля, арабский постмодернизм, наука, религия

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Разработка идеи, сбор и анализ данных, написание и редактирование рукописи – В.Н. Зарытовская и А.М. Аль-Рахби.

© Зарытовская В.Н., Аль-Рахби А.М., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 14 мая 2024 г.; отрецензирована 20 июля 2024 г.; принята к публикации 20 сентября 2024 г.

Для цитирования: Зарытовская В.Н., Аль-Рахби А.М. Жанр «рихля» — от Средневековья к постмодернизму // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 1. С. 80–94. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-80-94>

The Genre of Rihla from the Middle Ages to Postmodernizm

Victoria N. Zarytovskaya , Ahmed M. Al-Rahbi

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 al_rakhbi_a@pfur.ru

Abstract. The Arabic travelogue, rihla, is dedicated to the travels of an Eastern man around the world. The purpose of the study is to show the significance of this genre for Arabic national culture over the centuries, its influence on modern Arabic prose. The authors described the distinctive features of rihla against the background of similar travels in other cultures and in other time periods, thus substantiating the legitimacy of introducing the term ‘rihla’ itself, despite the already existing in scientific circulation terms ‘travel literature’, ‘travel description’, ‘travelogue’. At the same time, the authors draw parallels between the Arabic rihla and *A Journey Beyond the Three Seas* by Afanasy Nikitin. The deep rooting of the phenomenon of rihla in the Arab culture, and its close connection with religion and science, in the opinion of the authors, did not allow the genre to disappear in the Middle Ages. Therefore, one of the objectives of the work was to trace and generalize the history of rihla in the Modern era and later. The work substantiates the conditions for the formation of the genre, describes its transformation by the 19th century, explains the role in the emergence of late national fiction, found an appeal to it in the latest literature, an attempt was made to present various types of its authorial implementations based on the works of modern Egyptian writers (N. Mahfouz, G. Al-Gitani, Yu. Zeidan). All this allowed us to build a single thread of the genre’s history, to show that the emerging Arabic novel relied on it in many ways, and that the experimenters of Arabic postmodernism, which coincided in time with the wave of rising national consciousness, preferred to turn to it. At the same time, the connection between modern literature and the genre of richliis established preserving one of its two most important characteristics — closeness to scientific factography or the presentation of travel as a spiritual test.

Keywords: Arabic literature, genre, novel, travelogue, rihla, Arabic postmodernism, science, religion

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Author’s contribution. Development of the idea, data collection & analysis, manuscript writing and editing — Victoria N. Zarytovskaya, & Ahmed M. Al-Rahbi.

Article history: submitted May 14, 2024; revised June 20, 2024; accepted September 20, 2024.

For citation: Zarytovskaya, V.N., & Al-Rahbi, A.M. (2025). The Genre of Rihla from the Middle Ages to Postmodernizm. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(1), 80–94. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-80-94>

Введение

Средневековые арабские тексты, составленные в жанре описания путешествий, с одной стороны, представляют собой важнейший пласт словесного наследия арабов, с другой — изучаются историками разных стран, в том числе и России, в качестве источников, поскольку по некоторым вопросам истории, этнологии, географии и культуры они являются единственными документами. Их ценность сложно переоценить, учитывая, что они сыграли ведущую роль в установлении этногенеза (Ковалевский, 1950, с. 265). К тому же, с точки зрения лингвистического и литературоведческого изучения эти тексты далеко не все и далеко не полно изучены отечественными специалистами. Так, основатель советской школы арабистики И.Ю. Крачковский в предисловии к переводу «Путешествия Ибн-Фадлана на Волгу» (1939) — самому исследованному тексту жанра, писал, что проделанная им работа — только первый шаг, еще остается много вопросов, которые подлежат изучению, в том числе и филологами (Крачковский, 1939, с. 5). В дальнейшем в российской арабистике данное произведение прорабатывалось филологами скорее в направлении социолингвистики, чем литературоведения (Алнадаф, 2018; Аль-Рахби, Зарытовская, Фаизова, 2021). Возможно, если бы жанр «рихля» не стал основой новой арабской прозы и некоторые его каноны не были бы использованы классиками XX века как прием, то эти тексты представляли бы интерес исключительно для источниковедения. Однако историко-типологический и структурно-типологический анализ текстов, проведенный с целью выявления универсальных механизмов формирования и функционирования нарративов, традиций (исследования Ю.В. Манна, Г.С. Померанца и др.), учитывает опыт, накопленный исследователями жанра путешествия вообще (Пономарев, 2013; Шачкова, 2008) и рихли в частности (Halifi, 2002; Newman, 2019). Следовательно, можно проследить формирование жанра, обосновать место и время его зарождения, установить формальные и содержательные особенности на фоне других травелогов и обнаружить его дальнейшее, видоизмененное присутствие в новейшей литературе. Исторический подход позволяет представить рихлю как динамически развивающийся, «неугасаемый» для арабской литературы жанр. Авторы пытаются не описать то или иное произведение, а установить связь арабского Средневековья с постмодернизмом. Для анализа в качестве текстов, на которые жанр оказал прямое влияние, берутся хорошо изученные отечественными и зарубежными востоковедами-литературоведами, прежде всего В.Н. Кирпиченко и М.Н. Эль-Гибали, современные египетские романы, получившие широкую известность.

Результаты и обсуждение

Средневековье и расцвет жанра

Жанр «рихля» (от араб. — *путешествие, странствие*) сложился в арабской словесной традиции в раннем Средневековье, когда арабы стали вести активную торговлю с Востоком и Западом и, что не менее важно, когда ислам уже получил распространение на Ближнем Востоке, то есть не ранее IX в. (Halifi, 2022, p. 5). Устное народное творчество в виде рассказов купцов, караванщиков, паломников и путешественников при добавлении к ним фантастического элемента легло в основу волшебных сказок, а при внимании к научным (географическим, этнографическим и др.) фактам сгенерировало описание путешествия — рихлю. Жанр закономерно возник в среде кочевников, характер которой «специфическим образом отобразился во внутренней конфигурации исламского вероучения, predisposing к пространственной динамике мусульман» (Гусенова, 2022, с. 59). Неслучайно окончательное оформление жанра произошло в эпоху Халифата, раскинувшегося от Атлантического до Индийского океана, когда возникает понятие «умма» — нация как мусульманская наднациональная структура. В то время средневековая арабо-мусульманская цивилизация превращается в глобальный центр знаний не только для мусульманских, но и для ученых всего мира. Таким образом, путешествия в поисках знаний стали феноменом и нормативной чертой средневекового мусульманского образования (Гусейнова, 2022, с. 59).

Не всякое описание путешествия можно отнести к рихле. Иначе под этот жанр попал бы и такой древнеегипетский текст, как «Сказка о потерпевшем кораблекрушение» (XX–XVII вв. до н.э.), который считается прототипом авантюрного, приключенческого романа мировой литературы. Также невозможно сопоставить с арабской рихлей ни бродяжки сказки, распространенные в допетровскую эпоху на Руси, ни авторский ориентальный травелог, например «Очарованный странник» Н.С. Лескова.

Специалисты отмечают синтетичность (Шачкова, 2008, с. 280) и разнородность мировой литературы путешествий, подчеркивая, что она объединена скорее тематически, нежели структурно, потому не соответствует традиционным представлениям о литературном жанре, но может рассматриваться как «конгломерат жанров», пониматься как особое наджанровое образование с традиционными жанрами внутри системы (Пономарев, 2013, с. 10). К литературе путешествий относят хождения с их преимущественно религиозно-легендарным характером, деловые отчеты, статейные списки дипломатов, научные отчеты об экспедициях, путевые дневники и хроники, переписки, мемуары, всевозможные путеводители и справочники, художественные тексты с соответствующими сюжетами и др. (Русский травелог, 2016, с. 10). Примерами литературы путешествий служат «Одиссея» Гомера, заметки средневековых западных дипломатов

о России, «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» Н. Греча, изданные в 1839 г., «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, «Фрегат „Паллада“» И. Гончарова, написанный в 1854–1856 гг., и др.

Рихля, безусловно, относится к литературе путешествий и в рамках арабской национальной литературы представляет отдельный жанр. Можно утверждать, что за рихлей закрепился ряд особенностей, которые позволяют выделить ее в отдельный жанр с названием, не требующим перевода, подчеркивающим ее специфичность. Среди них — исключение элемента фикшна, строгий документализм, нарратив, тактика которого заключается в близкой к научным запискам фиксации увиденного, часто по датам, скрупулезное записывание географических точек (рек, гор, поселений), названий денежных единиц, племен, имен правителей, климатический условий и т.д. В сюжетном плане обязательно перемещение автора в пространстве, а в содержательном — выделение необычного, идущего в разрез с представлениями и убеждениями автора-мусульманина. При этом авторское «я» с его психологизмом, субъективизмом, интроспекцией минимизировано (Named, 1995). Повествование рихли ведется в прозе и напоминает летопись, где история ограничивается временем путешествия, а единственным субъектом выступает автор. Большую часть текстов этого жанра можно сравнить с путевыми заметками с уклоном в научные изыскания.

... Я видел дирхемы Бухары разных сортов, в том числе дирхемы, называемые ал-гитрифийа. Они состоят из меди, красной меди и желтой меди. Из них берется количество без веса, — сто из них за дирхем из серебра... Я видел, что дирхемы Хорезма обрезные и свинцовые, и неполновесные, и медные. Дирхем они называют «тазджа». Вес его четыре данака с половиной.

(пер. А.П. Ковалевского)

Немного позднее, со второй половины XII в., как указывают исследователи, рихля приобрела просопографический характер (Newman, 2009, p. 147) — акцент сместился на фигуры властителей определенной эпохи и местности.

Поскольку «странствие исконно имело особый смысл для арабов» (Abdunabiev, 2024, p. 30), так как воспринималось как исполнение долга мусульманина по поиску знаний, преодолению трудностей, приучению себя к смирности, а одним из столпов ислама является совершение паломничества в Мекку (хадж), рихля неизменно имела духовное измерение, и в ней автор к месту делился размышлениями о нравственности и морали. Исследователи подчеркивают, что в рихле «путешествующий пишет, ассоциируя себя не с той или иной этнической группой или регионом, а с исламом, то есть как мусульманин (Newman, 2009, p. 145).

Однажды, право же, напал на нас сильный холод. Текин ехал рядом со мной, а рядом с ним один человек из числа тюрок, который разговаривал с ним по-тюркски. И вот Текин засмеялся и сказал: «Право же, этот тюрк

говорит тебе: „Чего хочет господь наш от нас? Вот он убивает нас холодом, и если бы мы знали, чего он хочет, мы непременно это ему дали бы“. Тогда я сказал ему: «Скажи ему: „Он хочет от вас, чтобы вы сказали: „нет бога, кроме Аллаха“». Он же засмеялся...

(пер. А.П. Ковалевского)

Справедливости ради стоит заметить, что под обозначенный жанр рихли подпадает и средневековая литература путешествий на турецком и персидском языках. Поэтому корректно будет утверждать, что жанр был распространен на всем Ближнем Востоке, а не только на Арабском. Достаточно упомянуть жемчужину иранской литературы «Сафар-наме» — произведение, изложенное в XI веке Насиром Хосровом (1004–1088). Необходимо также сказать, что в классическом арабском литературоведении рихлю относят к разряду географической литературы и делят на подвиды по сугубо территориальному признаку — магрибская, хиджазская и др.

Среди известных текстов жанра его классического, средневекового периода — «Путешествие Саллама Таржемана» (IX в.), целью которого было отыскать легендарную стену, возведенную для защиты цивилизованного мира от набегов диких и свирепых племен Яджудж и Маджудж (библейские Гог и Магог); «Путешествие ас-Сирафи по морю в Индийский океан» (IX в.); «Путешествие просвещенного писателя, добродетельного, проникательного Абу-л-Хусайна Мухаммада ибн Ахмада ибн Джубайра...» (XII в.), принадлежащее поэту при дворе наместника Альмохадов в Гранаде, включившее хадж в Мекку, путешествия в Сирию, Палестину, Египет, на Сицилию и запечатлевшее борьбу мусульман с крестоносцами, историческую фигуру Саладина; «Марокканское путешествие» по северу Африки Мухаммада аль-Абдари (XIV в.); описание испанской Андалусии в «Усердии в умиротворении и джихаде» Ахмеда аль-Газзали (XVII в.) и др. В общей сложности, по некоторым данным, 48 путешественников оставили порядка 60 описаний путешествий по разным направлениям — не только в Европу, но и в Бразилию, Россию, Соединенные Штаты (Newman, 2009, p. 154).

Образцы жанра периода его расцвета, получившие мировую известность, — «Записка» — путешествие на Волгу Ахмеда ибн Фадлана, принятое в 921–922 гг. в качестве религиозной миссии в Волжскую Булгарию по поручению аббасидского халифа аль-Муктадира (дважды переведенное на русский — в 1939 г. академиком И.Ю. Крачковским и в 1956 г. профессором А.П. Ковалевским), «Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах странствий» Ибн Баттуты (1304–1377), который отправился в путь в 1325 г. из магрибского Танжера в Мекку и за 29 лет посетил множество стран, в том числе африканских, ранее не описанных, а также побывал в столице Золотой Орды (Новый Сарай) и якобы Волжской Булгарии. Стоит заметить, что оба знаковых для арабской литературы текста включают описания земель на территории России и в

источниковедении остаются важнейшими документами по ранней истории нашей страны.

Рихля о России и русский травелог

Что касается описания России, то кроме путешествий Ибн Фадлана, подробно остановившемся на обряде похорон руса, и Ибн Баттуты, упоминавшего славян, внимания достойны «Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию» (1652–1659), составленное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским, а также сочинение возглавлявшего кафедру арабского языка и словесности Петербургского университета шейха Мухаммада ат-Тантави (1810–1861) «Подарок смышленным с сообщениями про страну Россию».

Жанр описания странствий не был в той степени и в тех формах характерен для русской литературы. Но, пожалуй, уместно будет сравнить арабскую рихлю с «Хожением за три моря» Афанасия Никитина (1468–1474) как по обозначенным выше формальным признакам жанра (фактография, фиксация дат), так и в качестве текстов, отражающих средневековое мышление, отличающиеся в первую очередь религиозностью. Тетради, оставленные тверским купцом XV века, рассказывают о совершенном им по воле судьбы как физическом подвиге — многолетнем путешествии из родной Твери в Индию через арабские страны, в том числе Ирак, Ормуз и оманский, ныне не существующий после катастрофического землетрясения в XVI веке, Кальхат (у Афанасия Никитина — Галат), так и нравственном — сохранении своей веры, осмыслении ислама как веры в единого Бога, веры небесной и праведной, что было прорывом мышления для русского человека того времени. «Для Афанасия Никитина вера — символ родины. Он твердо держится ее на чужбине, но не осуждает и иноверцев» (Адрианова-Перетц, 1958, с. 117).

Рихля была не менее передовым направлением в средневековой литературе арабов, чем феномен «Хожения за три моря» в русской. Арабские критики в свою очередь подчеркивают, что жанр «рихля» предвосхитил социально-философское направление принятия другого (Halifi, 2022, р. 6), осмысления мультикультурности и разнообразия мира, выработку понятия толерантности. «Прослеживается у Ибн Фадлана и попытка найти точки соприкосновения с тюрками в понимании божественного. Для этого он при передаче слов героев повествования использует типичные религиозные формулы на арабском (например, ля илляхи илля алла вамухаммеду расул аллахи), либо переводит с языка тюрков нечто близкое к этому, либо обстоятельно поясняет, что это по большому счету одно и то же и по-арабски, и на языке тюрков (Аль-Рахби, Зарытовская, Фаизова, 2021, с. 763–764). Именно в рамках рихли египетский писатель и политический деятель прошлого века Мухаммед Хусейн Хейкаль (1888–1956) пишет свое произведение «Восток и Запад» о познании другого.

Новое время

Как мы уже указали, рихля оформилась на почве народного творчества и стояла особняком от других литературных жанров, что позволило ей органично стать предшественницей арабской беллетристики. Высокими жанрами арабской словесности на протяжении долгих веков признавались лишь жанры поэтические, стихами писали даже медицинские трактаты и лоции. «На общем фоне увлечения комментариями и обзорами выгодно выделяется историко-географическая литература, которая отходила от тяжеловесных форм со сложными грамматическими и синтаксическими конструкциями и различными стилистическими ухищрениями, тем самым способствуя появлению беллетристики», — писал отечественный историк-востоковед И.М. Фильштинский (Фильштинский, 1987, с. 404), фактически утверждая, что из рихли наряду со средневековым народным романом, который все-таки создавался для ритмизированной декламации, вытекает современная арабская беллетристика.

Веками представления о высоких и низких жанрах в арабской литературе не менялись, и сохранялась традиционная концепция стилей, поскольку не допускалась креативность, ее нарушающая. К концу XIX века арабская литература подвергается влиянию западноевропейского романа, и рихля заметно начинает тяготеть к беллетристике, «центр тяжести» из документалистики и хронологии смещается в сферу художественную. На этом фоне широкую известность получила книга, открывшая эпоху арабского возрождения (ан-Нахды), Рифаа ат-Тахтави «Извлечение чистого золота из краткого описания Парижа, или Драгоценный диван сведений о Париже» (1834). Автор в близкой к художественной форме рисует не только путь до Парижа, но и нравы, быт, законы французов, события современной ему европейской истории. Например, раздел шестой посвящен тому, «как французы после смуты насмеялись над Шарлем X и об их неудовлетворенности достигнутым»:

Знай, что незадолго до начала этой смуты пришло известие об овладении Алжиром. Французы восприняли известие без особого восторга, хотя и выражали радость по этому поводу. Глава вазиров Полиньяк, едва узнал о случившемся, приказал устроить палубу из праздничных пушек. Прав был, сказавший: «Как часто за радостью следуют печали, так уж устроен мир».

Он расхаживал по городу с гордым видом, словно желая показать всем, что именно благодаря ему и его правительству французы победили Алжир. Но прошло совсем немного времени, и французы одержали еще более великую победу над ним самим и над его королем. Так что об Алжире полностью забыли...

(Ат-Тахтави, 2009, с. 158)

К рихле именно этого периода справедливее всего отнести слова исследователей жанра о том, что «арабские путешественники возвращались на родину, наполненные идеями, как развивать свои страны. Они впитывали западный современный опыт и копировали лучшее из него»

(Abdunabiev, 2024, p. 32). В рихле Нового времени автор обращает внимание на технические и технологические новинки, западные идеи социального устройства, которые могли бы модернизировать арабские страны.

Таким образом, рихля сыграла свою роль в арабском возрождении, став проводником западной материальной и духовной культур и первой впитав каноны западного романа.

Новейшее время

До окончания второй мировой войны путешествие оставалось прерогативой арабских интеллектуалов и элиты. Пожалуй, последними из авторов рихли, близкой к ее классическому варианту с фиксацией фактов, заботе о сохранении веры, стремлением к познанию мира стал египтянин Мухаммад Табит (ум. в 1958), совершивший в период с 1926 по 1946 год порядка 8 поездок в европейские страны, Афганистан, Австралию, Гавайи и составивший об этом несколько книг.

Но жанр полностью не забывается с выходом беллетристики на первый план и в XX веке. Мысль В. Шкловского о том, что история литературы движется вперед по прерывистой переломистой линии (Шкловский, 1929, сс. 227–228), справедлива и по отношению к рихле. В арабской литературной традиции этот жанр был не только более распространен, чем травелоги в других национальных литературах, но и оказался более «живуч», в итоге трансформировавшись и став частью арабского постмодернизма, по крайней мере одним из его распространенных приемов.

В новейшей литературе жанр получает «второе дыхание» за счет того, что в условиях роста национального самосознания во второй половине прошлого века арабские авторы начинают экспериментировать. Как писала литературовед-арабист В.Н. Кирпиченко, «сейчас, когда нарастает лавина массовой культуры, когда в сознание людей усиленно внедряется культ индивидуализма, писатели многих стран обращаются к бесценному наследию своих народов, стараясь уберечь мир от утраты культурной памяти» (Кирпиченко, 1992). Представляется не лишним предположение, что структура рихли и ее инструменты позволили обогатить арабский постмодернизм, для которого она подходила как нельзя лучше: «Образ действительности воспроизводится как через призму другого текста с характерной для этого лексикой, стилистикой, фразеологией, интертекстуальностью, цитатностью, игрой с чужим словом, переименованием смысла, то есть тем, что считается характерными признаками литературы постмодернизма» (Кирпиченко, 1999).

Ярчайшие примеры — романы египетских классиков XX века: «Путешествие ибн Фаттумы» (1983) нобелевского лауреата по литературе 1988 г. Нагиба Махфуза (1911–2006); «Зов неведомого» (1992) Гамалы аль-Гитани (1945–2015); «Азазель» (2008) добившегося мирового признания лауреата арабского «Букера» Юсуфа Зейдана (р. 1958).

Н. Махфуз в «Путешествии Ибн Фаттумы» (1983) придает традиционному жанру «рихля» философско-социальное измерение. Сюжетная основа пространственного перемещения переосмысливается как путешествие во времени, по истории человеческой цивилизации, странствие по социальным формациям и др. Главный герой Кандиль, кругом наблюдающий пороки и несправедливость, пускается из страны Ислам по свету в поисках морального совершенства и проходит таким образом через все возможные социальные утопии человечества. Герой переживает одно разочарование за другим.

— Смотри, все дома одинаковы. Нет дворцов, нет особняков, нет домов побольше или поменьше. Разница в заработках незначительна. Все равны, кроме тех, кто отличился в работе. Самой маленькой зарплатой достаточно, чтобы уважаемый человек имел жилье, мог прокормиться, одеться, выучиться, посещать культурные заведения и развлекаться.

(Н. Махфуз, 2009, с. 126).

Однако восхищение героя вдруг сменяется ужасом: индивидуальная свобода карается смертью, полномочия главы государства безграничны, а история страны наполнена кровью.

Передвижение героя в его странствии — сюжетная находка для установления системно-синтаксических связей между локальными текстами — критикой того или иного общественного строя. Сюжет таким образом подчиняется не логике реального маршрута, а размышлениям, показывающим путь человечества от языческого поклонения к поклонению идеальному Создателю. «Бесплотная» техника Н. Махфуза (скудность деталей быта, исключение историзмов и архаизмов из словаря и другие приемы) заставляет читателя утратить пространственные и временные ориентиры, отчего создается иллюзия дня сегодняшнего в координатах средневекового жанра.

Гамаль аль-Гитани также обращается к рихле как духовному странствию длиною в жизнь. В его романе «Зов неведомого» (1992) герой надиктовывает летописцу описание своего фантастического путешествия через пустыню из Каира в Магриб, его стоянки — своеобразные поворотные точки в истории Египта. Фантастическое путешествие Ахмеда ибн Абдаллы через пустыню из Каира в Магриб восстанавливается им по памяти и записывается с его слов летописцем магрибского султана, а фактически другой ипостасью героя, его двойником Гамалем ибн Абдаллой. Джойсовский поток сознания и суфийское «видение» создают в своем сплаве образ духовного странствия. Время жизни тождественно пройденному пути. А остановки в «оазисе Умм ас-Сагир», в «краю птиц», где Ахмед был избран царем, в становище «костылятников», в «городе теней» — это и стоянки на пути к истине, и причудливо преломленные «видением» героя этапы истории Египта... Роман, безусловно, постмодернистский, гибридный, со множеством кодов: «образы древних преданий

и легенд, «Тысяча и одной ночи», суфийских сочинений, магические числа, волшебные талисманы, странные существа сплетаются в прихотливый узор, за вязью которого смутно улавливаются очертания и проблемы сегодняшнего мира, исторические реалии, моменты биографии автора романа, мотивы его более ранних произведений» (Кирпиченко, 1996, с. 46).

Другую задачу, как мы можем предположить, ставил перед собой известный египетский историк, руководитель Центра рукописей при Александрийской библиотеке Ю. Зейдан в романе «Азазель» о событиях первых веков христианства: воссоздать бытовой и этнический колорит эпохи жителей Египта и Восточного Средиземноморья. Исследователи отмечают, что автору «невероятно точно удалось осветить события христианского Египта того времени» (Тикаев, Эль-Гибали, 2012, с. 78). «Записки странствующего монаха позволили создать картины жизни некоторых мест V века нашей эры. На листах пергамента воссоздан быт людей разных сословий, поэтому эти сведения являются интересным историческим и этнографическим материалом» (Власова, Вавичкина, 2023, с. 51).

На рубеже веков глобализация, доступность информации, интернет, возможность путешествовать по всему миру, волны беженцев поставили вопрос о продолжении рихли (Uqeil, 2014), о том, какие тексты могут быть к ней отнесены. Упомянутые произведения, в которых мы увидели трансформацию данного жанра, сохраняют одно из основных измерений арабской рихли — духовное движение через созерцание социальных формаций, или личностный рост, или околонучный подход. Большая же часть художественных романов XXI века, в сюжет которых вшито путешествие, а иногда и переезд, склоняются к интроспекции, к описанию того, что чувствует, о чем думает главный герой, каким ему предстает западный мир («Иракец в Париже» (2005) Самуэля Шимона (р. 1956); «Чикаго» (2007) Аля аль-Асуани (р. 1957); «Лед» (2011) выпускника ВГИКа египетского писателя Саналлы Ибрагима (р. 1937); «Бруклин Хайтс» (2010) Мираль ат-Тахави (р. 1968) и др.), при этом пропускается материал познавательного характера, могут быть допущены фактологические искажения, что противоречит канонам. К жанру описания путешествия, не являясь рихлей в строгом смысле, примыкают публицистические заметки о жизни в других странах (образование, права человека, расизм и др.), которые получили популярность в конце прошлого столетия. Именно в этом секторе особенно ярко звучат голоса представительниц женской прозы — «Рихля. Дневник египетской студентки в Америке» (1987) писательницы и критика Радвы Ашур (1946–2014) и «Мои путешествия по миру» (1991) египетской феминистки, прозванной арабской Симоной де Бовуар, Наваль ас-Саадави (1931–2021).

Таким образом, тема путешествия в том или ином виде заметно присутствует в современной арабской беллетристике и публицистике. Более того, интерес к рихле в арабском мире поддерживается. Если на заре жан-

ра преобладали авторы из Северной Африки, а в эпоху арабского возрождения — из Египта, то в конце XX века о себе заявили путешественники из колыбели арабского мира — Аравийского полуострова. Среди них — саудовский историк и писатель Мухаммад Нассер аль-Абуди (1926–2022), составивший с 80-х годов порядка 120 описаний путешествий. Кроме того, что жанр обрел собственную премию (Ибн Баттуты, ОАЭ), учрежденную в 2003 году и присуждаемую за достижения в географической литературе, выдающиеся исследования жанра, переводы, а также современным произведениям, написанным в данном жанре, эмиратское издательство «Дар ас-Сувейди» запустило соответствующую жанровую серию как всемирно, так и мало известных памятников, которая по замыслу должна включить 100 книг.

Заключение

Таким образом, арабская (ближневосточная) рихля — часть мировой литературы путешествий. Вместе с тем ее выделяют в отдельный поджанр по ряду признаков, кроме ареала распространения и времени бытования. Главные среди формальных признаков — документальность, минимизация авторского «Я», научная (гуманитарная) направленность, фиксация исторических и других фактов. В содержании отображены взгляды и мировоззрение средневекового мусульманина, а путешествие воспринимается как его долг, личностный рост.

Рихля неслучайно возникла в среде потомков кочевников с расширением границ Халифата от моря до моря и веками — с IX по XVIII — сохраняла жесткие рамки жанра. Но и после этого она полностью не исчезла, сыграв огромную роль в развитии арабской национальной литературы и арабском возрождении. В Новое время рихля как прозаический описательный жанр стала тяготеть к беллетристике и составила основу современного романа. Позже, при следовании арабскими авторами новейшим тенденциям западноевропейской литературы, элементы рихли были использованы как художественный прием. Странствие становилось канвой для соединения несоединимого и создания многомерного текста в произведениях таких писателей второй половины XX века, как Н. Махфуз и Г. аль-Гитани. Вместе с тем благодаря рихле арабская литература оставалась оригинальной и сохраняла национальные черты. Тема путешествия даже в тех текстах, которые по канонам нельзя отнести к этому жанру или подражанию ему, заметно присутствует в современной арабской беллетристике и публицистике. Более того, общественные организации в арабских странах, в частности в ОАЭ, прилагают усилия, чтобы сохранить рихлю. Запускается серия переизданий наиболее ярких произведений, вводится система поощрения авторов, в нем работающих, переводчиков, передающих наследие другим народам, привлекающих таким образом мировое внимание к рихле.

Список литературы

- Адрианова-Перетц В.П. Афанасий Никитин — путешественник-писатель // Хождение за три моря Афанасия Никитина. М.—Л. : Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 98—125.
- Алнадаф С.Н. Культурная дифференциация в путешествии Ибн Фадлана // История повседневности. 2018. № 3(8). С. 98—108.
- Аль-Рахби А.М., Зарытовская В.Н., Фаизова Р.С. Тюрки в ранних арабских источниках: модусный анализ сочинения Ахмеда ибн Фадлана о путешествии на Волгу // Вестник КИГИ РАН. 2021. № 4. С. 758—769. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-758-769
- Власова Ю.Е., Вавичкина Т.А. Черты жанра «рихля» по мотивам романа Юсуфа Зейдана «Азазель» // Филология: научные исследования. 2023. № 12. С. 47—58. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.12.69417
- Гусенова Д.А. Концептуальные и догматические основания феномена «рихля» в исламе // Научная мысль Кавказа. 2022. № 3(111). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-i-dogmaticheskie-osnovaniya-fenomena-rihla-v-islame> (дата обращения: 08.07.2024).
- Кирпиченко В.Н. Загадки и символы (о романе Гамаля аль-Гитани «Зов неведомого») // Азия и Африка. 1996. № 11. С. 45—47.
- Кирпиченко В.Н. Об «арабских формах» арабского романа и о пище духовной // Россия — Восток — Запад. М., 1999. С. 265—278.
- Кирпиченко В.Н. Послесловие // Махфуз Н. Избранные произведения. М. : Панорама, 1992. 621 с.
- Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков : Изд-во АН СССР, 1956. 344 с.
- Ковалевский А.П. О степени достоверности Ибн Фадлана // Исторические записки. Т. 35. М. : Изд-во Института истории АН СССР, 1950. С. 265—293.
- Крачковский И.Ю. Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. М.—Л. : Издательство Академии наук СССР, 1939. 228 с.
- Махфуз Н. Путешествие Ибн Фаттумы. М. : Центр гуманитарного сотрудничества, 2009. 160 с.
- Пономарев Е.Р. Терминология. Путешествие как метажанр // Типология советского путешествия: «путешествие на Запад» в литературе межвоенного периода. СПб. : Изд-во СПбГУКИ, 2013. С. 8—16.
- Русский травелог XVIII—XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы : коллективная монография / под ред. Т.И. Печерской, Н.В. Константиновой. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2016. 462 с.
- Тикаев Г.Г., Эль-Гибали М.Н. Одноименные произведения российского и египетского писателей под названием «Азазель» // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2012. № 4. С. 75—84.
- Фильштинский И.М. Арабская литература // История всемирной литературы : в 8 томах. Т. 3. М. : Наука, 1987. С. 403—410.
- Шачкова В.А. Путешествие как жанр художественной литературы: вопросы теории // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Филология. Искусствоведение. 2008. № 3. С. 277—281.
- Шкловский В. Литература вне сюжета // О теории прозы. М. : Федерация, 1929. С. 227—228.
- Халифи Ш. Ар-рихля филь адабиль араби *يبرعل ببدالآ يف قلحلرا* [Рихля в арабской литературе]. Каир : Аль-Амаль, 2022. 529 с.
- Хамед Х. Джуграфия аль-вахмватарих аль-макянкыраат фи риваятхатиф аль-магиб ли джамаль аль-гытани *لامجل بي غملا فتاه قياور يف قيارق نالكملا خيراتو مهولا ايفار غج* [География иллюзии и история места в романе «Зов неведомого» Гамаля аль-Азиза] // География иллюзии и история места в романе «Зов неведомого» Гамаля аль-Азиза. М. : Изд-во РУДН, 2023. С. 123—134.

- аль-Гитани] // Низва. 01.01.1995. <https://www.nizwa.com/خييراتو-مولاي-فارغج-يف-ءارق-نالكمل> (дата обращения: 16.08.2024).
- Укейль Х. Адаб ар-рихля аль-арабийхадырфиз заика мутахаввильфирривая قلحلرل بدأ [Арабская литература о путешествиях вне времени, она трансформируется в романе] // Аль-Араб. 19.03.2014. <https://alarab.co.uk/خييراتو-مولاي-فارغج-يف-ءارق-نالكمل-يبرعلا-قلحلرل-ابدا> (дата обращения: 22.08.2024).
- Abdunabiev S.B. Features of the genre 'rihla' (travel story) in Arabic prose and its role in world literature // Current research journal of filological sciences. 2024. № 5(4). P. 28–34. DOI:10.37547/philological-crijps-05-04-06
- Newman D.L. Arabic travel writing // The Cambridge History of Travel Writing / Ed. by N. Dass and T. Youngs. Cambridge University Press, 2019. P. 143–158. <https://doi.org/10.1017/9781316556740>

References

- Abdunabiev, S.B. (2024). Features of the genre 'rihla' (travel story) in Arabic prose and its role in world literature. *Current research journal of filological sciences*, (5), 28–34. DOI:10.37547/philological-crijps-05-04-06
- Adrianova-Peretz, V.P. (1958). Afanasy Nikitin – a traveler-writer. *Voyage beyond three seas of Afanasy Nikitin* (pp. 98–125). Moscow–Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.)
- Alnaddaf, S.N. (2018). Cultural differentiation in the journey of Ibn Fadlan. *History of everyday life*, (3), 98–108. (In Russ.)
- Al-Rahbi, A.M., Zarytovskaya, V.N., & Faizova, R.S. (2021). The Turks in early Arabic sources: a modus analysis of the work of Ahmed ibn Fadlan about the journey to the Volga. *Bulletin of the KIGI RAS*, (4), 758–769. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-758-769
- Filshtinsky, I.M. (1987). Arabic literature. *History of world literature: in 8 volumes*. Vol. 3 (pp. 403–410). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Gusenova, D.A. (2022). Conceptual and dogmatic foundations of the 'rihla' phenomenon in Islam. *Scientific Thought of the Caucasus*, (3). (In Russ.) Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-i-dogmaticheskie-osnovaniya-fenomena-rihla-v-islame>
- Halifi, Sh. (2022). *Ar-rihla fil adabil arabiyy* [Rihla in the Arabic Literature]. Cairo: Al-Amal. (In Arab.)
- Hamed, H. (1995, January 1). Jughrafiya al-wahm wa tarikh al-makan qyraat hatif al-maghib li jamal al-gytani [The Geography of Illusion and the History of Place: A Reading of Gamal Al-Ghitani's Novel *The Sunset Phone*]. *Nizwa*. (In Arab.) <https://www.nizwa.com/خييراتو-مولاي-فارغج-يف-ءارق-نالكمل-يبرعلا-قلحلرل-ابدا>
- Kirpichenko, V.N. (1992). Afterword. *Mahfouz N. Selected Works*. Moscow: Panorama. (In Russ.)
- Kirpichenko, V.N. (1999). On the *Arabic Forms* of the Arabic Novel and on Spiritual Food. *Russia – East – West* (pp. 265–278). Moscow. (In Russ.)
- Kirpichenko, V.N. (1996). Riddles and Symbols (about Gamal Al-Ghitani's Novel *The Call of the Unknown*). *Asia and Africa*, (11), 45–47. (In Russ.)
- Kovalevsky, A.P. (1950). On the Degree of Reliability of Ibn Fadlan. *Historical Notes*, 35, 265–293. Moscow: Publishing house of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.)
- Kovalevsky, A.P. (1956). *The book of Ahmed Ibn Fadlan about his journey to the Volga in 921–922*. Kharkov: Publishing house of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.)

- Krachkovsky, I.Yu. (1939). *Ibn Fadlan's journey to the Volga*. Moscow–Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.)
- Mahfouz, N. (2009). *The Journey of Ibn Fattouma*. Moscow: Tsentr Gumanitarnogo Sotrudnichestva Publ. (In Russ.)
- Newman, D.L. (2019). Arabic travel writing. In N. Dass, & T. Youngs (Eds.), *The Cambridge History of Travel Writing* (pp. 143–158). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316556740>.
- Pecherskaya, T.I., & Konstantinova, N.V. (Eds.) (2016). *Russian travelogue of the 18–20th centuries: routes, topoi, genres and narratives: collective monograph*. Novosibirsk: NGPU Publishing House. (In Russ.)
- Ponomarev, E.R. (2013). Terminology. Travel as a metagenre. *Typology of Soviet travel: "journey to the West" in the literature of the interwar period* (pp. 8–16). Saint Petersburg: Publishing house of Saint Petersburg State University of Culture and Arts. (In Russ.)
- Shachkova, V.A. (2008). Travel as a genre of fiction: theoretical issues. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Philology. Art Criticism*, (3), 277–281. (In Russ.)
- Shklovsky, V. (1929). Literature outside the plot. *On the theory of prose* (pp. 227–228). Moscow: Federatsiya Publ. (In Russ.)
- Tikaev, G.G., & El-Gibali, M.N. (2012). Eponymous works of Russian and Egyptian writers entitled *Azazel*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, (4), 75–84. (In Russ.)
- Uqeil, H. (2014, March 19). Adab ar-rihla al-arabiy hadyr fiz zaiqa mutahawwil fir riwaya *أي اورل ايف ل و ح ت م ق ق ئ ا ذ ل ا ي ف ر ض ا ح ق ل ح ر ل ا ب د أ* [Arabic travel literature is present and transformed in the novel]. *Al-Arab*. (In Arab.) <https://alarab.co.uk/اي-برعلا-قل-حل-ابدأ>
- Vlasova, Yu.E., & Vavichkina, T.A. (2023). Features of the 'rihla' genre based on the novel by Yusuf Zeydan *Azazel*. *Philology: scientific research*, (12), 47–58. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0749.2023.12.69417

Сведения об авторах:

Зарытовская Виктория Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10. ORCID: 0000-0001-9910-7913; SPIN-код: 4434-9391. E-mail: widaad@yandex.ru

Аль-Рахби Ахмед Мохаммед, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10. ORCID: 0000-0003-4010-1634; SPIN-код: 4066-7669. E-mail: al_rakhbi_a@pfur.ru

Bio notes:

Victoria N. Zarytovskaya, PhD in Pedagogy, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, 10 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-9910-7913; SPIN-code: 4434-9391. E-mail: widaad@yandex.ru

Ahmed M. Al-Rahbi, PhD in Philology, Senior Lecturer of Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, 10 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-4010-1634; SPIN-code: 4066-7669. E-mail: al_rakhbi_a@pfur.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-1-95-104

EDN: TTYIV

UDC 811.621

Research article / Научная статья

Postcolonial Ecocriticism in Ratna Indraswari Ibrahim's *Lema Tanjung*

Kristiawan Indriyanto^{}, Depitaria Br Barus^{}

Faculty of Teacher Training and Education, Universitas Prima Indonesia, Medan City,
Indonesia

✉ kristiawanindriyanto@unprimdn.ac.id

Abstract. This study critiques the impact of development and anthropocentrism on postcolonial landscapes in Indonesia, focusing on Ratna Indraswari Ibrahim's novel *Lemah Tanjung*. The narrative vividly depicts the consequences of modernization, deforestation, and loss of green spaces, leading to a longing for the loss of emotional attachment to place. The narrative highlights the struggle to preserve green spaces in Malang City amidst urban development derived from capitalistic mindset. Using postcolonial ecocritical frameworks, the study critiques Western development paradigms that prioritize economic growth over ecological and social justice. The materials and methods include postcolonial ecocriticism literary analysis of *Lemah Tanjung*, examining its portrayal of land ownership, resistance, and generational disconnect in perceiving place. The results criticize development and anthropocentrism, emphasizing the novel's advocacy for ecological and social justice. It concludes how Ibrahim's novel contextualizes the dialectics of land ownership and presents contrasting perspectives on development and natural conservation.

Keywords: novel, nature, progress, urbanism, capitalism, social justice

Conflicts of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

Author's contribution. Development of the idea, data collection & analysis, manuscript writing and editing – Kristiawan Indriyanto, Depitaria Br Barus.

Article history: submitted May 14, 2024; revised June 20, 2024; accepted September 20, 2024.

For citation: Indriyanto, K., & Br Barus, D. (2025). Postcolonial Ecocriticism in Ratna Indraswari Ibrahim's *Lema Tanjung*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(1), 95–104. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-95-104>

Постколониальная экокритика в романе Ратны Индрасвари Ибрахим «Лема Танджун»

Кристиаван Индриянто^{id}✉, Депитария Бар Барус^{id}

*Факультет подготовки учителей и образования, Университет Прима Индонезия,
Медан, Индонезия*

✉kristiawanindriyanto@unprimdn.ac.id

Аннотация. Цель — раскрыть влияние антропоцентризма на постколониальную Индонезию на материале романа Ратны Индрасвари Ибрахим «Лема Танджун». В повествовании ярко изображены последствия модернизации, результатом которой стали вырубki лесов и потери зеленых зон, что вызывает чувство утраты эмоциональной привязанности к родным местам, показана борьба за сохранение зеленых насаждений в урбанистических капиталистических условиях. Используя постколониальные экокритические подходы, подвергаются анализу западные парадигмы развития, где приоритет отводится экономическому росту, а экологическая безопасность и социальная справедливость отодвигаются на задний план. Предмет исследования — экокритическая позиция, заявленная в романе «Лема Танджун», где поднимаются вопросы владения землей, сопротивления прогрессу и межпоколенческих противоречий, своих корней и места проживания. В заключении делается вывод, что произведение Ибрахим контекстуализирует диалектику владения землей и представляет противоположные точки зрения на идею прогресса и естественного консерватизма.

Ключевые слова: роман, природа, прогресс, урбанизм, капитализм, социальная справедливость

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Разработка идеи, сбор и анализ данных, написание и редактирование рукописи — Кристиаван Индриянто, Депитария Бр Барус.

История статьи: поступила в редакцию 14 мая 2024 г.; отрецензирована 20 июля 2024 г.; принята к публикации 20 сентября 2024 г.

Для цитирования: *Indriyanto K., Br Barus D. Postcolonial Ecocriticism in Ratna Indraswari Ibrahim's Lema Tanjung // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 1. С. 95–104. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-95-104>*

Introduction

In the contemporary context, development often perpetuates neocolonialism by prioritizing Western expertise and corporate interests over marginalized communities. Postcolonial critics highlight that Western development models, rooted in capitalist and industrial frameworks, emphasize economic growth and technological advancement at the expense of cultural and ecological considerations. These models frequently ignore local contexts, traditions, and

indigenous knowledge systems, leading to the marginalization of local practices and exacerbating social inequalities (Vadde, 2011, p. 253). The clash between ecological imperatives and late capitalist interests creates a dilemma for emerging economies, which must balance industrial expansion with environmental conservation (Sen, 2009, p. 378). This approach sustains the inherent ethnocentrism embedded in the neocolonial agenda, overlooking the unique needs and contexts of marginalized communities. It exacerbates the existing disparities caused by historical colonization, a line of argumentation addressed by Escobar: “Development was – and continued to be for the most part – a top-down, ethnocentric and technocratic approach, which treated people and cultures as abstract concepts, statistical figures to be moved up and down in the charts of progress” (Escobar, 1995, p. 44).

In postcolonial literature, geographical spaces highlight the ongoing history of colonialism and inequality rooted in marginalization and domination. These spaces, both physical and symbolic, actively shape by social change. This reflects how global spaces were altered and redefined by colonial and imperial discourses (Harvey, 1990, p. 264). These discursive spaces reveal the legacies of ecological exploitation, anthropocentrism, and socio-political inequalities from colonial and neocolonial eras. The role of space and spatiality is crucial in understanding the postcolonial condition, emphasizing the interconnectedness of colonial and colonized cultures. DeLoughrey and Handley further address how “the complexity of global environmental knowledge, traditions, and histories in a way that moves far beyond the discourses of modernization theory on the one hand, which relegates the global south to a space of natural poverty, and the discourse of colonial exploitation on the other, which relegates the global south to a place without agency, bereft of complicity or resistance” (DeLoughrey, & Handley, 2011, p. 18).

The prior quotation elaborates how colonial discourse often depicts the Global South as mere victims of exploitation, stripping them of agency and ignoring their capacity for resistance and complicity. In resisting these reductive narratives, literary works are strategically employed by authors to articulate their voices and assert their presence. Cultural productions, such as literature in postcolonial contexts, capture the complex interplay between culture, place, and narrative, as seen in contemporary Indonesian literature.

The concept of place in Indonesian literature is profoundly tied to the nation’s colonial past and its ongoing struggles with identity and modernization. Authors like Pramoedya Ananta Toer have historically depicted these themes, but recent developments show a shift towards ecological concerns intertwined with postcolonial discourse (Day, & Foulcher, 2002, pp. 1–17).

Contemporary Indonesian literature has increasingly embraced environmental themes, forming a collective movement known as *Sastra Hijau* or Green Literature, reflecting a growing awareness of ecological issues. This trend began in the early 20th century with Muhammad Yamin’s works, whose poetry

celebrated the beauty of nature and the homeland, as seen in poems like *Bukit Barisan*, *Gembala*, *Tanah Air*, and *Indonesia Tumpah Darahku*, and continues into the modern era (Dewi, 2017, p. 26). Alongside this evolution, Indonesian Literature for Children and Young Adults (LCYA) emphasizes plant ethics and botanical imagination through folklore, as seen in Maklis's *Irah Becomes a Flower Gardener* (Li, & Ryan, 2018, p. 230). Furthermore, contemporary Indonesian novels challenge patriarchal control over nature, the environment, and women. This is evident in Ayu Utami's *Bilangan Fu* series, set in Sewugunung Earth Park and the Calwanarang temple region during the New Order era (Wiyatmi et al., 2023, p. 254). It can be stated how Indonesian literature critiques development and anthropocentrism, highlighting deforestation, climate change, and pollution while celebrating indigenous resilience and connection to the land.

Ratna Indraswari Ibrahim, a sensitive writer on issues of nature, environment, and humanity, is one of Indonesia's prominent literary figures. Born on April 24, 1949, in Malang, she authored the novel *Lemah Tanjung* (2003), which narrates the threat of environmental degradation in Malang due to unsustainable development. Ratna's commitment to environmental issues is also reflected in her role as the chairperson of the Malang Entropic Society. *Lemah Tanjung* is an actual location in Malang, serving as a water catchment area and home to various bird species and plants, and it has now been transformed into a luxury housing complex. The novel's pro-environment characters, advocate for conservation, while the landowners aim to develop it into residential properties. Based on a true story, this novel integrates fictional elements to enhance its narrative (Arimbi, 2009, p. 92). At the same time, Ibrahim's work highlights the environmental crisis caused by the conservation of land for residential purposes, emphasizing the urgent need for sustainable approaches to development and conservation. The narrative explores environmental crisis questions emerging from urban space competition between environmental activists and business interests backed by authorities. These issues problematize the conflicts resulting from modernity and development in postcolonial Indonesia.

This study explores *Lemah Tanjung* as a critical lens through which to examine the intersections of postcolonial ecocriticism and the resistance in contemporary Indonesian literature. Focusing on the narrative's portrayal of the struggle to preserve *Lemah Tanjung* as a green space amidst urban development in Malang City, the study delineates the themes of cultural heritage, ecological sustainability, and the impact of anthropocentric development models. It analyzes how the novel articulates the generational disconnect in environmental stewardship and critiques the dominance of Western development paradigms that prioritize economic gain over environmental and social justice. By employing postcolonial ecocritical frameworks, this study aims to highlight how the narrative challenges hegemonic narratives of progress and advocates for a more balanced and inclusive approach to urban planning and environmental conservation.

Results and Discussion

Authors employ postcolonial ecocriticism to analyze how *Lemah Tanjung* criticizes modernity and the Western model of development. Postcolonial ecocriticism explores the relationship between humans, nature, and the environment shaped by colonialism and its legacies (Indriyanto, 2019, pp. 124–125). This criticism focuses on the cultural politics of representation and mediation processes, providing an anti-colonial critique (Cilano, & DeLoughrey, 2007, p. 79). It examines postcolonial literature to critique anthropocentric perspectives, highlighting the interdependence between humans and non-human entities. Moreover, postcolonial ecocriticism underscores the need for narratives of ecological sustainability to include representations of marginalized communities, mainly from the Global South. Indonesian literature, viewed through this perspective, addresses urgent issues of environmental preservation and sustainable development amidst colonial and neocolonial pressures.

Lemah Tanjung represents the struggle of environmental activists to preserve the urban ecosystem with a strong emphasis on place attachment at a local level. The area of Lemah Tanjung¹ represents the last green open space in Malang, a critical area that activists strive to protect. The novel depicts native residents of Malang, deeply connected to the city through family history, emotional bonds, and their relationship with the local environment. Gita, the main narrator, becomes involved in an environmental organization dedicated to saving this green space, threatened by influential developers planning to convert it into an elite residential complex. She raises awareness about the declining environmental conditions near her home and, along with her son Bonet, learns about the causes of the current environmental degradation in Malang. This narrative not only highlights the emotional and historical ties to the land but also critiques the power dynamics and bureaucratic influences that threaten ecological balance.

Ibrahim's novel captures a deep sense of nostalgia and longing for a lost connection to nature, emphasizing the postcolonial ecocritical theme of lost innocence. She laments the relentless march of modernity that has eradicated Malang City's last green zone in the name of development. This loss reflects the prevailing anthropocentric paradigm, which disconnects the city and its culture from the natural world, which is an issue that resonates with Raymond Williams' *The Country and the City* (Williams, 1975, p. 8). This generational divide is portrayed in the novel, where the older generation, represented by Gita, feels fortunate to have experienced Malang when its green scenery remains intact. Her lamentation of Malang's urban transformation is poignantly reflected in the following excerpt:

¹ In 2002, the 28.5 – hectare urban forest area of Lemah Tanjung was the only remaining green lung and served as a buffer zone for Malang. The former campus of the Agricultural Extension Academy was planned to be converted into luxury housing and a hotel. Students and environmental activists opposed the land swap or exchange of the urban forest. The resistance failed, and nowadays Lemah Tanjung has now become the prestigious Ijen Nirwana Residence, owned by the Bakrie Group.

From the car, I noticed the drastic changes Malang City has undergone. When I was a child, the blue mountains were visible from Jalan Kayutangan, but now they are obscured by new plazas replacing old buildings. The air isn't as cool anymore, likely because of the growing population and new factories. Indrokilo, the former city park, has been replaced by grand, ostentatious houses (Ibrahim, 2003, p. 223).

Ibrahim's novel underscores a profound intergenerational disconnect, suggesting that the balance of nature was a privilege of past generations. Contemporary generations are depicted as unable to experience the harmonious relationship between humans and nature due to the failure to preserve this balance. This notion is deeply tied to the concept of placelessness, representing a loss of connection to the world around us (Bryson, 2002, p. 180). The narrator, painfully aware of the traditions and culture sacrificed to commercialism and modernization, vividly portrays this loss. Malang City, stripped of its sense of community and belonging, offers nothing to its inhabitants in terms of connection to their surroundings; hence, it is detached from having a sense of place (Bryson, 2005, p. 13). It can be asserted how development and modernity have relegated the city's close connection to nature to the past. The older generation fears their descendants will only inherit memories and never experience them firsthand.

The area surrounding Lemah Tanjung is significant as a green heritage site for Malang, evoking a deep emotional connection among its residents. Ibrahim highlights how local Malang residents perceive places like Lemah Tanjung as pivotal historical landmarks in their lives (Ibrahim, 2003, p. 33). However, this emotional bond contrasts sharply with the anthropocentric mindset of capital owners who prioritize exploiting nature for long-term financial gain. Located centrally within Malang City and boasting green status, Lemah Tanjung attracts affluent individuals eyeing its potential for residential, commercial, and business development—a manifestation of capitalist profit motives. Working in tandem with the government, leading developers have alienated local supporters of Lemah Tanjung by erecting fences. Ibrahim remarks, "The developers have installed iron fences as a symbol of their triumph" (Ibrahim, 2003, p. 33). This fencing off of the area signifies victory for developers and underscores human culture's exploitative nature, prioritizing economic gain over emotional ties to the land. As Marzec argues, the act of enclosure, originating in England and spreading globally, serves as a mechanism of control essential for establishing comprehensive systems of land administration (Marzec, 2009, p. 422). This conflict vividly illustrates how legal entitlement can override emotional attachments to a place, instrumentalizing landscapes into mere commodities.

Representation of nature in literary works often legitimizes the anthropocentric principle of human sovereignty over nature. To challenge this human/non-human dichotomy, nature in Ibrahim's fiction is reconceptualized as an active setting and participant in social changes. Ibrahim foregrounds land as a disputed object of discursive management and material control while simultaneously positing a narrative of losses — both land and cultural heritage — and one of resistance. The dialectic of land ownership becomes a pivotal theme

in *Lemah Tanjung*, highlighting the prevailing anthropocentrism in the Indonesian government.

Lemah Tanjung focuses on the political agency of activists, lecturers of *Akademi Penyuluh Pertanian* (APP), residents, and conservationists working to preserve the last green area in Malang City. The residents around APP have long been accustomed to utilizing the land for cultivation and planting crops. Griffith (1997) argues that the claim of entitlement functions as a legislative mechanism that acknowledges emotional connections to land and place, which is validated by the historical continuity of association. However, as private developers now claim the land, these residents face accusations of land plundering. The novel explores themes of resistance against land ownership claims and the impact of development on communities. It specifically highlights how the lecturers and employees of APP actively resist the legal claim by choosing to remain in the disputed area.

In 1995, armed individuals forcibly relocated all the APP residents to Randu Agung and demolished their homes. I can't say how Bu Indri felt during that time, but despite everything, Mr. Rahmat and Bu Indri have continued to stay in Lemah Tanjung to this day (Ibrahim, 2003, p. 6).

The environmental activist movement was founded in 1995 in response to authorities and developers who aimed to convert the city forest land, where the APP campus was located, into residential areas. Lemah Tanjung shapes the image of Malang as a city rich in natural scenery and cool air. Ibrahim narrates how, “That’s why I feel I must stay here and defend this land. This land is a water catchment area filled with birds from 28 species and various rare plants” (Ibrahim, 2003, p. 3). In 1999, a land swap of the city park in Lemah Tanjung, Malang, took place between the Department of Agriculture and PT Bakrieland Development Tbk along with PT Duta Perkasa Unggul Lestari (DPUL). During the oppressive era of Soeharto’s New Order regime, this movement garnered widespread sympathy, especially among the youth and various civil society organizations, who later joined the cause. Numerous Non-Governmental Organizations (NGOs) became instrumental in advocating for the cancellation of the city forest development project. This resistance extended into the legislative sector through the House of Representatives/Dewan Perwakilan Rakyat (DPR).

The dialectics of land ownership and the critique of development through an emotional sense of place are exemplified in the debate surrounding Lemah Tanjung. The Department of Agriculture negotiated a land swap with the winning developer, PT Bangun Kerta, offering alternative land in Randu Agung on the outskirts of Malang. However, this land was deemed inadequate and incomparable to the historically and environmentally significant APP land. As Thayer Jr. argues, “Planners often forget that each of us constructs his or her reality, sense of place, feeling of well-being, and cultural identity as a combination of responses to physical characteristics of the land” (Thayer, 2003, p. 180). The DPR (House of Representatives) and the Minister of Environment have acknowledged that Lemah Tanjung, with its rare plants, should be preserved for educational

purposes. However, they lack the authority to cancel the development project. The House of Representatives states that the Department of Agriculture owns the land. This situation is exemplified in the following quote:

Ilham's head shook in disappointment, "They say only the authorities can cancel the development project. We have taken this issue to the DPR (House of Representatives). Both the DPR and Sarwono, the Minister of Environment at that time, acknowledged that this land, abundant with rare trees, should remain an educational medium". I could see the frustration in Ilham's expression as he spoke those words (Ibrahim, 2003, p. 6).

The Central House of Representatives expected to help resolve the issue, but it turned out to be focused solely on pragmatic matters, neglecting substantive environmental concerns. The DPR members only inquired about compensations and land replacements for the new APP campus, ignoring the necessity of conservation amidst a potential environmental crisis in Malang City. The city's only lung, the forest, is at risk of disappearing, and thousands of rare plant and bird species face extinction. The dialectics of land ownership thus function as a contested space where different spatial fantasies and paradigms are presented. The debate concerning the existence of Lemah Tanjung underscores an anthropocentric worldview. This perspective places human interests at the center of decision-making processes, which neglects the intricate interplay between human activities and the natural environment (Waage, 2005, p. 140). Moreover, technology is often blamed for creating a divide between humans and nature. Technological advancements are seen as the catalyst for humans acting unfairly towards other members of the ecosystem, as seen below:

But I often think that humans nowadays are separating themselves from nature, even though we are a part of it. Technology makes our lives easier, but at the same time, it distances us from nature, said Bu In (Ibrahim, 2003, p. 168).

Lemah Tanjung underlines the complexity of the landscape as a postcolonial space while simultaneously conveying the idea of resistance. It posits the nostalgia of loss of emotional connection toward the land, highlighting divide between younger and older generations, which cannot inherit a similar sense of place. Moreover, the narration contextualizes the political resistance against anthropocentric inclinations that drive development and land disputes in Malang City. Through the voices of activists, lecturers, and residents, the novel epitomizes the dialectics of land ownership between contrasting views of development and natural conservation. To conclude, this novel conjures critique toward the Western model of development and modernity, which disregards human and non-human close relationships.

Conclusion

Lemah Tanjung highlights the transformative impact of development and anthropocentric attitudes on postcolonial landscapes in Indonesia. Ibrahim's narrative vividly portrays the extensive repercussions of modernization,

deforestation, and the depletion of green spaces, evoking a deep longing and nostalgia for sustainable traditional lifestyles. These shared themes resonate within the broader discourse of Indonesian Green Literature, addressing critical concerns about development and its adverse environmental effects. The landscapes depicted in the novel serve as postcolonial spaces, illustrating their historical significance through a subjective exploration of ecological sites. Themes of nostalgia and lamentation over the loss of a sense of place are prominent throughout the narrative. The novel also explores the dialectics of land ownership and presents contrasting perspectives on development and natural conservation.

References

- Arimbi, D.A. (2009). *Reading contemporary Indonesian Muslim women writers representation, identity and religion of muslim women in Indonesian Fiction*. Amsterdam University Press.
- Bryson, J.S. (2002). Finding the Way Back: Place and Space in the Ecological Poetry of Joy Harjo. *MELUS: Multi-Ethnic Literature of the U.S.*, 27(3), 169–196.
- Bryson, J.S. (2005). *The West Side of Any Mountain*. University of Iowa Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctt20krzzh.9>
- Cilano, C., & DeLoughrey, E. (2007). Against Authenticity: Global Knowledges and Postcolonial Ecocriticism. *Interdisciplinary Studies in Literature and Environment*, 14(1), 71–87. <http://isle.oxfordjournals.org/>
- Day, T., & Foulcher, K. (2002). Postcolonial Reading of Modern Indonesian Literature: Introductory Remarks. In *Postcolonial Reading of Modern Indonesian Literature* (pp. 1–17). KITLV Press.
- DeLoughrey, E., & Handley, G.B. (2011). *Postcolonial Ecologies: Literature of the Environment*. Oxford University Press.
- Dewi, N. (2017). Ekokritik dalam Sastra Indonesia: Kajian Sastra yang Memihak. *Adabiyat: Jurnal Bahasa Dan Sastra*, 15(1), 19–37. <https://doi.org/10.14421/ajbs.2016.15102>
- Escobar, A. (1995). *Encountering Development : the Making and Unmaking of the Third World*. Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9781400839926>
- Griffiths, T. (1997). Ecology and Empire: Towards an Australian History to the World. In T. Griffiths, & L. Robin (Eds.), *Ecology & Empire L Environmental History of Settler Societies* (pp. 1–18). Keele University Press.
- Harvey, D. (1990). *The condition of postmodernity : an enquiry into the origins of cultural change*. Blackwell.
- Ibrahim, R.I. (2003). *Lemah Tanjung*. Gramedia.
- Indriyanto, K. (2019). Hawaii's Ecological Imperialism: Postcolonial Ecocriticism Reading on Kiana Davenport's Shark Dialogues. *International Journal of Humanity Studies*, 2(2), 123–133. <https://doi.org/https://doi.org/10.24071/ijhs.2019.020202>
- Li, R., & Ryan, J.C. (2018). Sowing Seeds: Phytocriticism and the Botanical Dimensions of Indonesian Literature for Children and Young Adults. In J.C. Ryan (Ed.), *Southeast Asian Ecocriticism: Theories, Practices, Prospects* (pp. 229–251). Lexington Books. <https://doi.org/10.5040/9781501305221.ch-004>
- Robert, P. Marzec. (2009). Speaking Before the Environment: Modern Fiction and the Ecological. *MFS Modern Fiction Studies*, 55(3), 419–442. <https://doi.org/10.1353/mfs.0.1632>
- Sen, M. (2009). Spatial justice: The ecological imperative and postcolonial development. *Journal of Postcolonial Writing*, 45(4), 365–377. <https://doi.org/10.1080/17449850903273507>

- Thayer Jr, R.L. (2003). *LifePlace: Bioregional Thought and Practice*. University of California Press.
- Vadde, A. (2011). Cross-pollination: Ecocriticism, zoocriticism, postcolonialism. *Contemporary Literature*, 52(3), 565–573. <https://doi.org/10.1353/cli.2011.0031>
- Waage, F. (2005). Exploring the “Life Territory”: Ecology and Ecocriticism in Appalachia. *Journal of Appalachian Studies*, 11(1/2), 133–163. <http://about.jstor.org/terms>
- Williams, R. (1975). *The Country and the City*: Oxford University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctvs09r93.6>
- Wiyatmi, W., Suryaman, M., Sari, E.S., & Dewi, N. (2023). Ecofeminist pedagogy in literary learning to cultivate environmental ethics awareness. *Journal of Turkish Science Education*, 20(2), 252–265. <https://doi.org/10.36681/tused.2023.014>

Bio notes:

Kristiawan Indriyanto, Lecturer, Faculty of Teacher Training and Education, Universitas Prima Indonesia, Medan City, 20118, Indonesia. ORCID: 0000-0001-7827-2506. E-mail: kristiawanindriyanto@unprimdn.ac.id

Depitaria Br Barus, Lecturer, Faculty of Teacher Training and Education, Universitas Prima Indonesia, Medan City, 20118, Indonesia. ORCID: 0000-0003-0400-5573. E-mail: depitariabarus@unprimdn.ac.id

Сведения об авторах:

Кристиаван Индриянто, преподаватель, Факультет подготовки учителей и образования, Университет Прима Индонезия, Медан, 20118, Индонезия. ORCID: 0000-0001-7827-2506. E-mail: kristiawanindriyanto@unprimdn.ac.id

Депитария Бар Барус, преподаватель, Факультет подготовки учителей и образования, Университет Прима Индонезия, Медан, 20118, Индонезия. ORCID: 0000-0003-0400-5573. E-mail: depitariabarus@unprimdn.ac.id

ЖУРНАЛИСТИКА
ТЕОРИЯ МЕДИА
JOURNALISM
THEORY OF MEDIA

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-1-105-117

EDN: TWGENM

УДК 327:316.77

Научная статья / Research article

**Информационное общество для неоглобального мира:
между конкуренцией постреальностей
и новой архитектурой медиа**

О.А. Дмитриев¹ , Д.Г. Евстафьев^{1,2}

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

²Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
oadmitriev@hse.ru

Аннотация. В связи с концептуальными изменениями в глобализированном информационном обществе авторы осмысливают дрейф от относительно свободной медийной системы с конкуренцией постправд и бытовой экспертностью к системам, регулируемым национальными законодательствами с опорой на ценностно-цивилизационные ориентиры. Исследовательский вопрос заключается в возможности сохранения прежней архитектуры медийного пространства на общемировом и национальном уровнях. В статье отмечается, что информационное пространство находится в фазе разрушения содержательного информационно-социального мейнстрима, когда принцип управления социумом работает через каскадирование нарративов в демедиатизированном пространстве. Авторы выявляют характерные черты трансформации модели управления социоинформационными процессами на фоне постреальности, предполагая более глубокую степень вмешательства в социальную жизнь человека и на уровне вовлеченных групп, и в индивидуальном плане. Реализация механизмов постреальности невозможна в условиях деградации медиа и демедиатизированного пространства. Выдвигается и проверяется следующая гипотеза: дальнейшее информационное «разгораживание» единого информационного пространства, которое утрачивает общемировую целостность, стратегически невозможно без частичной ремедиатизации. Процессы, характерные для современного этапа

© Дмитриев О.А., Евстафьев Д.Г., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

развития информационного общества, потребуют возвращения к медиаплатформам, вокруг которых и будут выстраиваться страновые (региональные) информационные сегменты.

Ключевые слова: медиaprостранство, регионализация, новая журналистика, каскадирование нарративов, альтернативные медиа, новая медийность

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Разработка концепции, сбор и анализ материалов, написание и редактирование текста — О.А. Дмитриев; разработка программы исследования, сбор и анализ материалов, написание рукописи — Д.Г. Евстафьев.

История статьи: поступила в редакцию 30 августа 2024 г.; отрецензирована 21 октября 2024 г.; принята к публикации 12 декабря 2024 г.

Для цитирования: Дмитриев О.А., Евстафьев Д.Г. Информационное общество для неоглобального мира: между конкуренцией постреальностей и новой архитектурой медиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 1. С. 105–117. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-105-117>

Information Society for the World of Neo-Global: Transition to the Competition of Post-Realities and a New Architecture of Media

Oleg A. Dmitriev¹, Dmitry G. Evstafiev^{1,2}

¹*HSE University, Moscow, Russian Federation*

²*RUDN University, Moscow, Russian Federation*

oadmitriev@hse.ru

Abstract. In connection with conceptual changes in the globalized information society, the authors comprehend the drift from a relatively free media system with competition of post-truths and everyday expertise to the systems regulated by national legislation based on value and civilizational guidelines. The research question is whether it is possible to preserve the former architecture of the media space at the global and national levels. The article notes that the information space is in the phase of destruction of the informational and social mainstream, when the principle of social management through the cascading of narratives in a demediatized space works. The authors identify the characteristic features of the transformation of the model of socio-informational processes management against the background of postreality, suggesting a deeper degree of intervention in human social life, both at the level of socially involved groups and individually. The implementation of postreality mechanisms is impossible in the conditions of media degradation and demediatized space. The following hypothesis is put forward and tested: further information demediatization of the unified information space, which is losing its global integrity, is strategically impossible without partial remediatization. The processes characteristic of the current stage of information society development will require a return to media platforms, country (regional) information segments will be built around them.

Keywords: media space, regionalization, new journalism, cascaded narration, alternative media, new media

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Authors' contribution. Development of the concept, data collection & analysis, text writing and editing — Oleg A. Dmitriev; development of the research program, data collection & analysis, text writing — Dmitry G. Evstafiev.

Article history: submitted August 30, 2024; revised October 21, 2024; accepted December 12, 2024.

For citation: Dmitriev, O.A., & Evstafiev, D.G. (2025). Information Society for the World of Neo-Global: Transition to the Competition of Post-Realities and a New Architecture of Media. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(1), 105–117. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-105-117>

Введение

В последние годы мы наблюдали развитие глобализированного информационного общества с опорой на различные социально-экономические и социально-политические институты не только как на ретрансляторы, но и как на инструменты перевода информационного воздействия в социальное. Влиянием в политических и социально-политических институтах, имеющих значительный медийный потенциал, объясняется сохранение у США широких возможностей информационно-политических манипуляций (Baysha, 2019). В ходе нынешней волны глобальных трансформаций формируется новая институциональная конструкция мира, неизбежно меняющая форматы реализации социоконструктивистского и управленческого потенциала информационного общества. Помимо англоязычных медиа в неанглоязычных странах, появляются трансмировые ресурсы, которые иницируют системное информационное противодействие англосаксонским медиа. Например, ТВ БРИКС (TV BRICS), кроме подготовки телевизионного контента, занимается медиаобразованием журналистов и просвещением населения в разных точках планеты. К подобным проектам присоединяются другие страны Глобального Юга (Яковлев, 2024). Например, одна из крупнейших медиагрупп Ирана вошла в сеть TV BRICS¹.

На этом фоне относительное доминирование Соединенных Штатов в мировом информационном пространстве становится критичным. Под вопросом возможности США использовать рычаги мягкой силы в тех же масштабах и с той же эффективностью, что и раньше. Это стало явным в июле 2024 года после покушения на Дональда Трампа и заявления Джо Байдена о том, что он не будет продолжать борьбу за пост президента США. Причем ответственность за сам факт покушения возлагалась на СМИ, демонизировавшие Трампа (Allsop, 2024). Такие инциденты заставляют правящие круги США искать новые инструменты влияния,

¹ См.: <https://tvbrics.com/news/odna-iz-krupneyshikh-mediagrupp-irana-voshla-v-set-tv-brics/> (дата обращения: 20.08.2024).

совершенствовать механизм управления информационным обществом, сохраняющим глобальный характер.

Одним из наиболее ярких примеров является мультимедийное пространство, формируемое вокруг американского тележурналиста Такера Карлсона, создавшего «СМИ одного человека» с максимальным использованием различных форматов. Феномен Карлсона основан на конкуренции постправд, адаптированных под целевые аудитории.

Другой пример — появление международных мультимедийных альтернативных англоязычных медиа в неанглоязычных странах: RT и *Sputnik* в России, Al Jazeera в Катаре, CGTN в Китае, NHK World в Японии, TRT в Турции. Там информационная повестка зависит от интересов государств и правящих кругов указанных стран, а также от потребностей глобальной целевой аудитории по всему миру. В 2022 году США и страны Европы заблокировали российские информационные ресурсы (Lendval, 2023), а в 2024-м российские СМИ получили отказ на освещение Олимпийских игр в Париже, что скомпрометировало американские и западноевропейские медиа. Зарубежные исследователи отметили сомнительность такой блокировки СМИ с точки зрения соответствия международным журналистским и медийным практикам (Gosztonyi, 2023).

Возникновение подобных разновекторных процессов в медиапространстве актуализирует изучение технологий политических манипуляций, в том числе механизмов постправды, для понимания мировой политики и экономики.

Методология исследования

Авторы применяли методы систематизации и моделирования. Цель исследования — переосмыслить понятие «социоинформационная среда» в контексте грядущего распада глобализованного информационного общества и выявить условия последующей ремедиатизации на базе новой конфигурации медиа. Исторические реминисценции из истории СМИ и пропаганды послужили отправной точкой для авторской рефлексии. В качестве эмпирических материалов использовались знаковые примеры современных медиаконфликтов.

Результаты и обсуждение

Определяющей чертой политики постправды является то, что участники различных политических кампаний придерживаются собственных тезисов, даже в случае публичного опровержения независимыми экспертами. Это происходит, когда ложь, сплетни и слухи в интернете через сеть пользователей распространяются с необычайной скоростью. Важное место занимает троллинг — агрессивная форма социального коммуникативного взаимодействия, цель которого — стимулировать негативные реак-

ции тех, кто принимает участие в дискуссии по актуальным политическим событиям (Внебрачных, 2012). В этой связи все чаще слышатся призывы развивать критическое мышление и у журналистов, и у читателей.

Если посмотреть на организацию пространства противоборства с Россией, то заметно, что западным элитам для значительной части политически и информационно вовлеченных слоев своих обществ удалось создать постреальность, которую можно маркировать так: «Цивилизованный мир против агрессивной России и сочувствующих ей стран». Она несет элемент ценностно-идеологического противопоставления с основой на технологии информационных манипуляций, опирается на легализованный в качестве инструмента ведения дискуссии социально-философский феномен постправды.

В 1960–1970-е годы холодная война СССР и США породила несколько мифов. Самый известный — *Russian connection* («русский след»), или связь с советскими службами. Впервые эта связь упомянута в показаниях убийцы Джона Кеннеди Ли Харви Освальда, якобы признавшегося, что часть его деятельности оплачивала советская разведка². Позднее данная знаковая реальность использовалась в описании мифа о советской военной угрозе. Миф о российском вмешательстве перешел в мейнстрим XXI века, когда во время теракта в Бостоне бывшие граждане СССР чеченской национальности братья Царнаевы обозначались как *Russians*. Также безосновательными, судя по результатам специальной правительственной комиссии, стали поиски «русского следа» в американских президентских выборах 2016 года: двухлетнее разбирательство состава преступления не обнаружило. При этом формируется ущербный имидж России: контент западных СМИ несет ассоциации, которые задают одностороннее восприятие России. Например, «большая старушка», «хромой медведь» (Постерняк, 2017).

Альтернативная историческая реальность, дополненная рядом актуальных обстоятельств, стала основой для конструирования новой глобальной системы международных отношений. При этом можно говорить уже не о постправде, а о новом феномене — постреальности. Параллельно в западном социальном и социально-политическом дискурсе началось обсуждение вопроса о посткапитализме (Болтански, Кьяпелло, 2010): сокращение рыночных факторов в пользу регулирования системы за счет политических и идеологических действий.

Предыдущий тезис доказывает, что происходит отход от канонов традиционной журналистики в информационном мейнстриме. Журналистика фактов подменяется журналистикой мнений. В качестве примера можно привести круглосуточный телеканал *Fox News*, выражающий установки республиканской партии, и его конкурента *MSNBC*, пропагандирующего взгляды сторонников ультралиберальной философии, которой

² Paid by Russians, Oswald Reported: Said to Have Left Notes on Link to Soviet Police. *New York Times Archives*. <https://www.nytimes.com/1964/06/28/archives/paid-by-russians-oswald-reported-said-to-have-left-notes-on-link-to.html>

придерживается демократическая партия США. Доля журналистики фактов по сравнению с журналистикой мнений постепенно уменьшается, сегодня она составляет примерно 30 к 70 (Newman, 2024). На сайтах и в сообществах соцсетей набирают популярность не сами новости, а то, как они преподносятся экспертами и комментаторами. Поэтому ведущие мировые СМИ (и мейнстримные, и альтернативные) активно используют колонки *Opinion* для популярности информационного ресурса.

Можно констатировать, что проблемы развития глобального мира, выявленные в начале 2010-х годов (Fuchs, 2012), разрешились. Классический капитализм поглощен социоинформационной средой, формируется некая гибридная сущность с выхолащиваемой коммерческой составляющей. Отметим, что нынешние тенденции развития информационного общества соответствуют политическому запросу в большинстве стран мира.

Росту количества медиа, не отражающих мейнстримовскую точку зрения, способствовало развитие интерактивности. Это было предсказано Тимом О'Райли (2005). Он предложил новую модификацию веб-ресурсов Web 2.0 с вовлеченностью пользователей в производство контента, с развитием платформ для популяризации пользовательского и профессионального контента, с усилением роли интеграции между производителями и потребителями медиа.

Развитие информационного общества на современном этапе носит относительно медленный, но внутренне противоречивый характер. Ключевые тенденции, которые мы приводим ниже, наблюдаются на фоне общего торможения технологического развития после резкого скачка 2010-х годов, связанного с технологиями коммуникационной мобильности (Урри, 2012).

- Доведение технологий кастомизации контента до уровня социальных групп разного охвата и разной направленности. Пока этот уровень кастомизации обкатывается на уровне коммерческого потребления, но в дальнейшем в конкурентных политических системах вполне может быть востребован и для политических коммуникаций.

- Генерация искусственным интеллектом устойчивых и, что важно, социально гармоничных систем образов как визуализированных (эстетизированных), так и текстовых (нарративных). Информационное пространство столкнулось с перспективой возникновения безлюдной коммуникационной среды, где в ряде случаев поисками важной для человека информации будут заниматься машинные (если не постчеловеческие, то как минимум нечеловеческие) сущности.

- Тиражирование гибридных социокоммуникационных форматов (Евстафьев, 2018), онлайн-коммуникации. Это означает возникновение вакуума управленческих сигналов, особенно в условиях относительного кризиса механизмов поддержания глобалистского мейнстрима только за счет информационных средств («каскадирование нарративов»), что компенсируется на низовом уровне (grass-root) активизацией традиционных

для данного пространства социальных институтов. Кризис потенциала информационного общества как инструмента стратегического управления обществом становится важнейшим аспектом его развития. Отчасти это возможно при дальнейшем применении технологий искусственного интеллекта для генерации информационного потока.

Эти тенденции являются среднесрочными, но могут быть изменены с появлением новых технологических решений, запрос на которые растет. Вероятно, что следующий технологический рывок будет реализован для наращивания возможностей среднесрочно живущей виртуальной реальности.

В числе социальных социокультурных тенденций, составляющих цивилизационный аспект процесса регионализации универсального общемирового информационного общества, выделим некоторые.

1. Выход процессов коммерциализации сферы коммуникаций на относительное плато, определяющее необходимость качественной структуризации, осуществляемой через экосистемы коммерческих структур, причем уже не только финансово-инвестиционных. Интересным моментом становится возникновение расчетных экосистем в геймерских пространствах, сравнительно быстро перерастающих в инструмент управления социально активными сообществами (Ветушинский, 2020).

2. Ценностное противоборство, реализуемое через коммуникационное доминирование. Внутри этой тенденции, существует важнейший элемент — запрос на визуализацию. За этим, очевидно, скрывается запрос на новую эстетику, которая во многом будет отрицанием эстетики постмодерна, но также будет гибридной, сочетая виртуальность и онлайнность.

3. Завершение процесса демедиатизации. Возникновение и масштабирование экосистем социального типа означает смерть классических медиа даже в цифровом формате, прямое сращивание процесса потребления информации с потреблением товаров и услуг. При этом предельная атомизация информационного пространства существенно снижает возможности социального управления. Эта противоречивая тенденция является, вероятно, одной из ключевых в формировании среднесрочных тенденций развития информационного общества и важнейшей, обуславливающей переход к управлению на базе технологий постреальности.

Авторы предполагают, что социокультурные тенденции развития информационного общества могут оказаться более устойчивыми, нежели технологические.

В результате наблюдаемых трансформаций глобального политического и экономического пространства, даже если они не приведут к фундаментальному изменению политической и экономической архитектуры, мы получим принципиально иную социоинформационную среду со следующими очевидными уже на нынешнем этапе элементами:

- начало формирования «ценностно обусловленных» сегментов информационного общества, не совпадающих, ни с границами национальных суверенитетов, ни с теоретическими границами макрорегионов;

- изменение требований (запроса) в отношении профессиональных, насколько этот термин в принципе применим к актуальному состоянию, участников медиапроцессов (актеров, ретрансляторов и интерпретаторов);
- изменение степени кастомизации коммуникаций и интрузивности влияния на человека, в том числе и с точки зрения механизмов обратной связи (O'Loughlin, 2020).

При развитии в рамках намеченной линии возникает вопрос о будущем глобального информационного общества как такового, о механизмах управления его развитием с целью минимизировать возможное негативное влияние для его систем. Авторы выносят на исследовательскую повестку гипотезу, что тенденции развития глобальной политической и экономической архитектуры диктуют необходимость усиления социально-конструктивистских аспектов информационного общества как эффективного инструмента сохранения целостности глобального политического и социокультурного мейнстрима. Постреальность можно определить как социоинформационную технологию, опирающуюся на высокий уровень социальной атомизации развитых обществ и возможности современных интегрированных цифровых коммуникаций, направленную на среднее и долгосрочное управление социальным поведением больших общественно значимых групп, а в идеале — общества в целом. Основанием становятся измененные, скорректированные исходные данные, то есть отрегулированное восприятие текущей социально-политической и социально-экономической реальности (в идеале).

Проявление в реальной жизни феномена постреальности соответствует возобновлению геоэкономической регионализации, затормозившейся в результате политических событий 2021–2024 годов. Принципиальной задачей американоцентричного мира становится восстановление возможностей стратегического управления в условиях высокого уровня социальной атомизации и кризиса созданной в период поздней глобализации каскадной институциональной системы — от глобальных институтов к их «репликам» на страновом уровне. Несмотря на доминирование в глобальных каналах коммуникаций и в ряде случаев использования относительно жесткого инструментария поддержания постреальности, Западу удалось удержать сконструированную реальность «Цивилизованный мир против агрессивной России» с 2019 по 2024 год.

К середине 2024 года распад антироссийской реальности даже в странах ядра американоцентричной глобализации не вызывает сомнений. Об этом свидетельствуют результаты выборных кампаний 2024 года во многих странах. Политически значимым становится разрыв между условно элитным уровнем постреальности (источниками) и основной частью общества (потребителями). Главными инструментами, удерживающими на момент написания статьи конструкцию в целом, выступают административно-правовые инструменты. Отчасти это происходит благодаря активной деятельности заблокированных и ограниченных в вещании россий-

ских и альтернативных медиа, таких как RT и *Sputnik* в Юго-Восточной Азии, Африке и в странах Латинской Америки. При этом все больше читателей в США потребляют альтернативный российский информационный контент на испанском языке (Iriarte, 2022).

Относительно быстрый распад антироссийской постреальности в ситуации, когда она была в наибольшей степени нужна для консолидации антироссийской коалиции, отражает объективный процесс кризиса общего видения будущего в мире глобализации и конкуренции ценностей.

Одна из причин относительной неудачи в формировании антироссийской постреальности — игнорирование тенденций развития информационного общества и информационного пространства как интерфейса и инструмента влияния на общество. Исходя из этого, вторая авторская гипотеза может быть сформулирована следующим образом: устойчивое удержание постреальности как пространства управления социальными (социально-экономическими и социально-политическими) процессами предполагает восстановление медийности в информационной среде, что подразумевает ее принципиальное изменение как на макро-, так и на микроуровне.

В последнее время мейнстримные новости постепенно теряют свое авторское начало. Вместо этого происходит ретрансляция общепринятой повестки. Нивелирование авторского начала приводит к изменению содержательной и стилистической сущности информационных текстов. Происходит псевдоунификация информационного воздействия, что открывает большие возможности для англоязычных альтернативных международных медиа в неанглоязычных странах по изменению формирования картины мира у потребителей новостей. Так, в материалах англоязычного портала *Sputnik International* за июль 2024 года три четверти материалов о международной жизни посвящены событиям и фактам, о которых не говорят в международном мейнстриме: повышение обороноспособности Российской Федерации, ранее неизвестные действия американских и мировых политиков, случаи сокрытия правды при освещении российской жизни. Используется креативный подход к визуализации информационного контента, что повышает доверие аудитории к альтернативной точке зрения.

Если верна гипотеза о переходе от постправды к постреальности, то *новая медийность* неизбежно станет доминирующим запросом в процессе переформатирования информационного общества. В связи с этим сформулируем четыре принципиальных вопроса, касающиеся трансформаций медиaprостранства.

1. Новая интерактивность в условиях постреальности. Постреальность в мейнстриме отныне не слишком способствует развитию интерактивности, что противоречит принципам интегрированных коммуникаций, где обратная связь является крайне важной встроенной функцией.

2. Новая мультимедийная журналистика. Формирующаяся информационная среда, особенно если она будет предполагать возвращение в той

или иной степени к медийности, обозначает новые взаимоотношения между создателями контента и его потребителями, отличающиеся от характерных и для до-сетевой эпохи, и для периода пика сетевизации, и де-профессионализации сферы коммуникаций. Особое внимание в этом случае сосредоточено на поиске сегментированной лояльной целевой аудитории.

3. Инструменты сохранения целостности многоуровневой постреальности. Можно сказать, что в условиях ценностной структуризации геоэкономических макрорегионов целостность региональной/коалиционной постреальности следует поддерживать с помощью частичного изменения сетевой структуры медиапространства на иерархическую. Это легко сделать на базе мультимедийных альтернативных медиаплатформ, которые успешно адаптируют восприятие глобальных реалий в региональной среде.

4. Конкуренция между медиапространством и пространством немедийных цифровых потребительско-информационных экосистем. Медиа понятны государству и более управляемы, при этом немедийные экосистемы позволяют обеспечивать естественное коммерческое наполнение коммуникаций и поддержание за счет собственных возможностей. Информационные ресурсы входят в популярные экосистемы и становятся частью развлекательного контента.

Возможные направления трансформаций медийного пространства будут в определенной мере отрицанием всего опыта поздней глобализации. Одновременно они впишутся в технологические тренды развития: с точки зрения среднесрочных тенденций, поскольку соответствуют задачам геоэкономической регионализации, прежде всего в контексте социальной составляющей. Фактически речь идет о возможности реализации на национальном или региональном уровне принципов новой медийности в условиях максимального уровня кастомизации контента и возможностей визуализации в условиях транссекторальной конкуренции.

Заключение

Постреальность нельзя оценивать только как медийный феномен. Это социоинформационная среда, отражающая как изменения контекста, в котором развивается информационное общество, пространство глобальной политики и экономики, так и востребованность отдельных инструментов внутри информационного общества. Постреальность — закономерный этап развития социально манипулятивного потенциала информационного общества, оказавшегося более чем востребованным на данном этапе исторического развития. Неизбежно обострение борьбы за национальные и региональные сегменты информационного пространства: и с точки зрения контроля структурных изменений, и на уровне трансляции контента.

Постреальность, на наш взгляд, это попытка управляемого демонтажа глобализированного постмодерна как социальной модели. При этом в

качестве основы социально-экономического пространства сохраняется постиндустриализм, хотя бы для части государств ядра глобализации, когда реиндустриализация провалилась практически везде, включая США. Постреальность как технология стратегического управления глобальными трансформациями имеет ограничения. Они связаны с двумя аспектами: в тактическом плане и в среднесрочной перспективе. Во-первых, легализуются административно-силовые методы управления социально-политическим пространством глобализации, что фактически похоронило концепт мягкой силы (Нье, 2018). Этот же аспект стимулирует и постоянную эскалацию политико-административного давления на СМИ. Во-вторых, возникает эффект подталкивания стран, претендующих на большую роль в неоглобальном мире, к суверенизации собственного социоинформационного пространства как на правовом уровне (принятие законов об ограничении внешнего влияния на медиа), так и через административно-политические рычаги.

В итоге вопрос заключается в запросе на принципиально иную, нежели в эпоху поздней глобализации, структуру информационного общества, способную поддерживать целостность цивилизационного мегамира, что выходит за рамки классической пропаганды и информационных манипуляций. Формирование подобной системы подразумевает возникновение *новой медийности*, восстанавливающей принцип управления информационным обществом через «повестку», но с использованием якорных информационных платформ и преодолением рудиментов конкуренции постправд, главным из которых была бытовая экспертность и относительно целостный глобальный информационный мейнстрим. Распад глобального информационного мейнстрима, построенного на базе регионально и национально адаптированных универсальных нарративов, вероятно станет отправной точкой для формирования новой медиасреды.

Список литературы

- Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 976 с.
- Ветушинский А.С. Больше, чем просто средство: новый подход к пониманию геймификации // Социология власти. 2020. Т. 32. № 3. С. 14–31.
- Внебрачных Р.А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Социология. Психология. Педагогика. 2012. № 1. С. 48–51.
- Евстафьев Д.Г. Социокоммуникационная гибридность как свойство современного информационного общества // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2018. Т. 3. № 4. С. 140–158.
- Кин Дж. Демократия и декаданс медиа / пер. с англ. Д. Кралечкина ; под науч. ред. А. Смирнова. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 312 с.
- Постерняк К.П. Репрезентация концепта «Россия» в британских СМИ 90-х годов // Язык, культура, коммуникация: изучение и обучение. Материалы II Международной научно-практической конференции. Орел : ОГУ им. И.С. Тургенева, 2017. С. 355–359.
- Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А. Лазарева. М. : Праксис, 2012. 578 с.

- Яковлев П.П. Глобальный Юг: концептуальные подходы и социально-экономические процессы // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021. Т. 14. № 2. С. 6–27. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-2-1>
- Allsop J. The cynicism of blaming the media for the Trump assassination attempt // *Columbia Journalism review*. 15.07.2024. URL: https://www.cjr.org/the_media_today/trump_attempt_assassination_blame_media.php
- Baysha O. *Miscommunicating Social Change. Lessons from Russia and the Ukraine*. Lanham, Boulder, New York, London : Lexington Books Publ. 2019. 246 p.
- Fuchs C. Capitalism or information society? The fundamental question of the present structure of society // *European Journal of Social theory*. 2012. Vol. 16. No. 4. P. 413–434. <https://doi.org/10.1177/1368431012461>
- Gosztonyi G. The Rise of Digital Authoritarianism Across the Globe // *Censorship from Plato to Social Media: The Complexity of Social Media's Content Regulation and Moderation Practices*. Springer International Publ., 2023. P. 157–162. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-46529-1>
- Iriarte D. RT en Español: How Russian Disinformation Targets 500 Million Spanish Speakers // *RT in Europe and beyond: The Wannabe Elite of the Anti-Elites*. Center for Democratic Integrity Publ. <https://democratic-integrity.eu/rt-en-espanol-how-russian-disinformation-targets-500-million-spanish-speakers/>
- Lendval G.F. Media in War: An Overview of the European Restrictions on Russian Media // *European Papers*. 2023. Vol. 8. No. 3. <https://doi.org/10.15166/2499-8249/715>
- Newman N. Journalism, media and technology trends and predictions 2024 // Reuters Institute. Internet source. <https://doi.org/10.60625/risj-0s9w-z770>
- Nye Jr. J.S. How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence // *Foreign Affairs*, January 24, 2018. <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power>
- O'Loughlin B. Media regime disruption and the conditions of public reflexivity // *International Journal of Communication*. 2020. Vol. 14. P. 6113–6132.
- O'Reilly T. What is Web 2.0. Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software. <http://oreilly.com/web2/archive/what-is-web-20.html>

References

- Allsop, J. (2024, July 15). The cynicism of blaming the media for the Trump assassination attempt. *Columbia Journalism review*. https://www.cjr.org/the_media_today/trump_attempt_assassination_blame_media.php
- Baysha, O. (2019). *Miscommunicating Social Change. Lessons from Russia and the Ukraine*. Lanham, Boulder, New York, London: Lexington Books.
- Boltanski, L., & Chiapello, E. (2010). *New Spirit of Capitalism*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russ).
- Evstafiev, D.G. (2018). Socio communicational hybridity as the essence of information society. *Communications. Media. Design*, 3(4), 140–158. (In Russ.)
- Fuchs, C. (2012). Capitalism or information society? The fundamental question of the present structure of society. *European Journal of Social theory*, 16(4), 413–434. <https://doi.org/10.1177/1368431012461432>
- Gosztonyi, G. (2023). The Rise of Digital Authoritarianism Across the Globe. *Censorship from Plato to Social Media: The Complexity of Social Media's Content Regulation and Moderation Practices* (pp. 157–162). Springer International Publ. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-46529-1>
- Iriarte, D. (2022). RT en Español: How Russian Disinformation Targets 500 Million Spanish Speakers. *RT in Europe and beyond: The Wannabe Elite of the Anti-Elites*. Center for

- Democratic Integrity Publ. <https://democratic-integrity.eu/rt-en-espanol-how-russian-disinformation-targets-500-million-spanish-speakers/>
- Kean, G. (2015). *Democracy and the media decadence*. (D. Kralechkin, Trans., A. Smirnov, Ed.). HSE University Publishing House. (In Russ.)
- Lendval, G.F. (2023). Media in War: An Overview of the European Restrictions on Russian Media. *European Papers*, 8(3). <https://doi.org/10.15166/2499-8249/715>
- Newman, N. (2024, January 9). Journalism, media and technology trends and predictions 2024. *Reuters Insitute. Internet source*. <https://doi.org/10.60625/risj-0s9w-z770>
- Nye Jr., J.S. (2018, January 24). How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence. *Foreign Affairs*. <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power>
- O’Loughlin, B. (2020). Media regime disruption and the conditions of public reflexivity. *International Journal of Communication*, 14, 6113–6132.
- O’Reilly, T. (2005). *What is Web 2.0. Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software*. <http://oreilly.com/web2/archive/what-is-web-20.html>
- Posternyak, K.P. (2017). Representation of concept “Russia” in the British media of 1990s. *Language, culture, communication: study and training. Proceedings of the II International scientific and practical conference* (pp. 355–359). Orel: Orel State University named after I.S. Turgenev Publ. (In Russ.)
- Urry, G. (2012). *Mobilities*. (A. Lazarev, Trans.). Moscow: Praxis Publ. (In Russ.)
- Vetushisky, A.S. (2020). More than just a waybo: the new approach to understanding gamification. *Sociology of power*, 32(3), 14–31. (In Russ.)
- Vnebrachnykh, R.A. (2012). Trolling as a form of social aggression in virtual community. *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*, (1), 48–51. (In Russ.)
- Yakovlev, P.P. (2021). Global South: Conceptual Approaches and SocioEconomic Processes. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 14(2), 6–27. (In Russ.) <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-2-1>

Сведения об авторах:

Дмитриев Олег Аркадьевич, кандидат филологических наук, профессор, заместитель директора института медиа НИУ «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 119028, Москва, Хитровский переулок, д. 2/8, стр. 5. ORCID: 0000-0001-9051-5988; SPIN-код: 4115-5052. E-mail: oadmitriev@hse.ru

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич, кандидат политических наук, профессор института медиа НИУ «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 119028, Москва, Хитровский переулок, д. 2/8, стр. 5; профессор кафедры правоведения и практической юриспруденции, Юридический институт, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-6276-0342; SPIN-код: 8135-4366. E-mail: devstafiev@hse.ru

Bio notes:

Oleg A. Dmitriev, PhD in Philology, Professor, Deputy Director, Media Institute, HSE University, 2/8 Khitrovsky Pereulok, bldg 5, Moscow, 109028, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-9051-5988; SPIN-code: 4115-5052. E-mail: oadmitriev@hse.ru

Dmitry G. Evstafiev, PhD in Political Sciences, Professor, Media Institute, HSE University, 2/8 Khitrovsky Pereulok, bldg 5, 109028, Moscow, Russian Federation; Professor, Department of Legal Studies and Practical Law, Law Institute, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, 117198, Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-6276-0342; SPIN-code: 8135-4366. E-mail: devstafiev@hse.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-1-118-129

EDN: UFFPGL

УДК 81-13

Научная статья / Research article

Мультимодальные тексты медиакommunikации: исследовательский инструмент для анализа видеопостов социальных цифровых медиа

Н.К. Радина

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний
Новгород, Россия*

*Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний
Новгород, Россия*

✉ rasv@yandex.ru

Аннотация. Поликодовые семиотически сложные мультимодальные тексты, в том числе и видео, требуют особых инструментов исследования. Ранее они изучались, опираясь преимущественно на качественную методологию и методы, которые позволяют получить описание медийных феноменов. Однако изучение закономерностей не входит в круг возможностей качественной методологии. В статье анализируются принципы, на основе которых строится новый исследовательский инструмент, характеризуется роль герменевтики в интерпретации мультимодального текста, разъясняется, как для анализа видеопостов может быть использована смешанная методология (Mixed Methods Research), которая предполагает интеграцию качественного и количественного подходов, позволяет перейти от описательного анализа к объяснительному. Авторами создан классификатор видеопостов социальных медиа на примере TikTok, с помощью которого можно провести свою систематизацию и проанализировать видео в рамках собственных исследований. Подчеркивается, что использование данного инструмента при кодировании видеоматериалов позволяет выйти в область смешанной методологии, определить закономерности в репрезентациях видеоконтента, что недоступно при ставке только на качественные методы.

Ключевые слова: видеоконтент, социальные цифровые медиа, кодирование, смешанная методология, TikTok

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-28-00204).

История статьи: поступила в редакцию 20 декабря 2024 г.; отрецензирована 6 января 2025 г.; принята к публикации 22 января 2025 г.

© Радина Н.К., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Радина Н.К. Мультимодальные тексты медиакommunikации: исследовательский инструмент для анализа видеопостов социальных цифровых медиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 1. С. 118–129. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-118-129>

Multimodal Media Communication Texts: A Research Tool for Analyzing Social Digital Media Video Posts

Nadezhda K. Radina

HSE University, Nizhny Novgorod, Russian Federation
Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation
✉ rasv@yandex.ru

Abstract. Multimodal texts are polycode semiotically complex media communication texts, including videos, requiring special research tools. Previously, multimodal texts were studied mainly based on qualitative methodology and methods that allow for a description of media phenomena. But the study of patterns is not included in the scope of qualitative methodology. This article analyzes the principles on which a new research tool is based, characterizes the role of hermeneutics in interpreting a multimodal text, and explains how mixed methods research can be used to analyze multimodal texts. Mixed methodology involves the integration of qualitative and quantitative approaches, which allows one to move from descriptive analysis to explanatory analysis. The authors have created a classifier of social media video posts using TikTok as an example, with the help of which you can carry out your own systematization and analyze videos as part of your own research. It is emphasized that the use of a classifier in coding video materials allows one to enter the field of mixed methodology and determine patterns in the representation of video content, which is not possible when relying only on qualitative methods.

Keywords: video content, social digital media, coding, mixed methods research, TikTok

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation (project No. 24-28-00204).

Article history: submitted December 20, 2024; revised January 6, 2025; accepted January 22, 2025.

For citation: Radina, N.K. (2025). Multimodal Media Communication Texts: A Research Tool for Analyzing Social Digital Media Video Posts. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(1), 118–129. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-118-129>

Введение

Социальные цифровые платформы, использующие видеоматериалы, весьма востребованы у пользователей интернет-коммуникаций и обладают уникальным содержанием, значимым для понимания новой цифровой

социальности. Однако исследователи медиа испытывают затруднения, анализируя видео, поскольку стандартный контент-анализ представляется недостаточным, следовательно, возникает потребность в поиске новых инструментов изучения такого контента. С точки зрения медиаисследований, видеоматериалы цифровых платформ — это мультимодальные тексты — сложные, семиотически нагруженные, интегрирующие несколько информационных кодов (Kress, 2009). Сложность и многозначность подобных текстов обуславливает эпистемологический вызов. С одной стороны, исследователям доступен весомый массив оцифрованных данных, а с другой — теоретический и инструментальный аппарат исследований в цифровой среде только складывается.

Данная статья посвящена осмыслению относительно нового способа анализа мультимодальных текстов при помощи кодирования (информации), который способен интегрировать и те данные, которые традиционно учитываются в контент-анализе, и те аспекты понимания текста, которые не имеют очевидных формальных репрезентаций. Цель — характеристика аналитического приема кодирования видеоматериалов цифровых платформ на примере классификатора видео социального медиа TikTok.

Теоретические основания

В социальных исследованиях методологические ориентиры, задающие координаты аналитических действий в области качественных исследований, не теряют актуальности. Обращаясь к единичным случаям, описывая феноменологию события или действия, акцентируя понимание и смысловую нагруженность объекта изучения, исследователи опираются на этнометодологию, феноменологию, герменевтику (Bengtsson, & Johansson, 2021; Henrickson, & Meroño-Peñuela, 2022; Lynch, 2017; Wibawa, 2024). И если феноменология сосредоточена на репрезентациях во всей их детализации и полноте, то герменевтика позволяет сконцентрироваться на понимании содержания.

Современная герменевтика — метанаука, востребованная не только социальными исследованиями, но и целым рядом других предметных полей, например медициной (медицинская герменевтика служит в качестве интерпретативного инструмента при анализе клинической картины заболевания). Кроме медицинской, актуальны библейская, философская, литературная, психологическая (психоаналитическая) герменевтика. В тех случаях, когда герменевтика касается эпистемологических вопросов (позволяет сформулировать, как мы понимаем мир и создаем новое знание — из области философии познания), то фокус в определении понятия сдвигается на авторские модели: герменевтика Хайдеггера, Рикера, Гадамера, Хабермаса (Henrickson, & Meroño-Peñuela, 2022).

Данная статья не претендует на «окончательное решение» эпистемологического вопроса относительно того, какая именно герменевтика ре-

левантна задачам медиаисследований, однако, с нашей точки зрения, многое в медиакommunikации объясняет герменевтика Хабермаса, ориентированная на коммуникативное действие субъектов и достижение понимания в контексте сложившейся коммуникативной ситуации. Тогда смысл (понимание) мультимодального текста в медиакommunikации возможно искать в контексте взаимодействия, не претендуя на идентификацию его онтологического измерения. Анализируя мультимодальный текст с опорой на герменевтику Хабермаса, медиаисследователь будет отвечать на вопросы, как понимать текст в конкретной коммуникативной ситуации.

Качественная методология служит основой для изучения новых пространств, которые еще не имеют количественных аналитических инструментов исследования. Новая реальность на первоначальном этапе требует детализированного описания, с чем успешно справляются качественные методы. На следующем этапе аналитики ожидается нечто новое, представляется важным определить закономерности, проверить эмпирические модели (возможно, изначально построенные на этапе качественного исследования), сформулировать прогнозы.

Смешанная методология (Mixed Methods Research) в настоящее время представлена в ряде научных проектов (Али-заде, 2020). Ее суть в том, что при использовании определенных техник анализа возможен переход от описательной стратегии (ставка на качественные методы) к объяснительной (ставка на количественные методы). Один из приемов перехода заключается в создании классификатора из описания по результатам качественного исследования (на базе выделенных характеристик). Классификатор позволяет от описания перейти к оценке феномена на основе биполярной дихотомической шкалы (да/нет). Далее созданный классификатор используется при кодировании изучаемого эмпирического материала: исследователь формирует цепочку кодов объекта. Результаты кодирования заносит в стандартные таблицы, которые на следующем этапе подлежат математической обработке.

От специфики созданного классификатора зависят акценты анализа. Чтобы не допустить субъективного перекоса, в подобных научных проектах к кодированию привлекают группу экспертов, тогда различия в интерпретациях компенсируются, то есть проявляются (становятся заметными) только те, которые совпадают у разных аналитиков. Таким образом, на первом этапе (в русле качественной методологии) создается описание изучаемого феномена, а далее (в русле смешанной качественно-количественной методологии) — модель функционирования феномена в медиапространстве, претендующая на репрезентацию закономерностей.

Материалы и методы

Под кодированием информации понимается перевод содержания, сосредоточенного в мультимодальном тексте, в форму, удобную для математической обработки при помощи кода, который задается на основе

классификатора. Если классификатор создается до исследования по предшествующим итогам, данный способ называется закрытым кодированием (Страусс, Корбин, 2001). Кодирование отличается от контент-анализа тем, что классификатор может включать шкалы, связанные с пониманием текста, не содержащие буквальных опор в материале. В качестве примеров существующих классификаторов рассмотрим два исследования, выполненных на материале мультимодальных текстов, а именно на материале карикатур.

В первом кодирование называется «методикой», вместо термина «мультимодальный» используется «креолизированный текст» (креолизация — смешение, соединение), а само исследование ориентируется на сравнительный анализ политических карикатур в контексте арабского и французского языков (Дугалич, 2018). Первым «пунктом», согласно методике, необходимо определить ситуацию, которую репрезентирует карикатура. Далее предполагается проанализировать иконический компонент мультимодального текста: определение объемности рисунка, цветового решения, шрифтового варьирования, плоскостного размещения надписей. Третий шаг — анализ вербального компонента. Необходимо идентифицировать, как представлен текст (монолог/диалог/полилог), определить наличие диалектной и эмотивной лексики, образных лингвистических средств, сложность перевода. Также следует ответить на вопросы: «Текст поддерживает изображение? Текст противопоставлен изображению? Текст и изображение существуют автономно?» (Дугалич, 2018). Кроме того, авторы считают важным внести такие элементы кода, как интертекстуальность и прецедентность.

Другой пример кодирования — исследование, содержащее анализ политических карикатур и называющее схему анализа мультимодальных текстов кодированием (закрытое кодирование на основе использования классификатора) (Радина, 2021). Как и в первом случае, классификатор раскрывает логику аналитической работы. Сначала рекомендуется зафиксировать метаданные (блок «Метаданные»: дата создания, ресурс размещения и т.п.), затем — блок с общей информацией, куда собираются показатели, характеризующие контекст (фоновые знания — требуются или нет; характер пресуппозиции; мишени карикатуры; тематика карикатуры; критический потенциал; соотнесенность визуальной и вербальной частей — соотнесение текста и изображения; использование метафор и юмора). Все ответы при кодировании формализованы, эксперт-аналитик отмечает их на шкалах. Третий блок с анализом вербального кода карикатуры включает идентификацию прецедентного текста и интертекстуальности, диалогичность, а также интенциональные особенности вербальной части политической карикатуры. Четвертый блок с анализом невербального кода предполагает определение характеристик цвета, маркеров для визуальной идентификации объекта (мишени) карикатуры (характерная внешность, контекст, символы и знаки, и т.д.), а также определение приемов

воображения для конструирования визуального образа (агглютинация, акцентирование, гипербола, типизация, литота, схематизация).

Данные кодировочные схемы взяты за основу при создании системы кодирования видеопостов социального медиа TikTok. Несмотря на то что и карикатуры, и видеопосты — мультимодальные тексты, они различаются по целому ряду параметров. Эти различия необходимо учитывать при создании классификатора для анализа видеоматериалов. Так, социальные цифровые платформы — особый тип инноваций с сетевыми эффектами и высокой скоростью распространения информации в социальной среде, использующий алгоритмизированные институты особого рода (Градюшко, 2023; Поляков, 2023; Рыжкова, Еремин, Бауэр, 2021). Наиболее распространенный вид цифровых платформ — социальные медиа, представленные в трех группах интернет-ресурсов (Асташкин, Бреслер, 2018, с. 814–822):

- ресурсы, ориентированные на общение и коммуникацию, — социальные сети, блоги, сайты отзывов и знакомств и др.;
- ресурсы для совместного действия — редактирования информации в «Википедии», «Яндекс.Карты» и др.;
- ресурсы для обмена мультимедийными файлами и их комментирования.

TikTok ориентирован на обмен короткими видеороликами, поэтому относится к третьей группе социальных медиа. В отличие от цифровой социальной сети, которая является комплексом «цифровых акторов», связанных системой отношений, TikTok ориентирован на обмен контентом, продвижение пользователей в иерархии популярности, сборе лайков и монетизации признания (Асташкин, Бреслер, 2018; Guinaudeau, Votta, & Munger, 2022; Muchitsch, 2024). Следовательно, при создании классификатора для анализа видеопостов в TikTok необходимо учитывать содержательную составляющую видео (продукта обмена), а также «знаки признания» (лайки, репосты, просмотры).

Результаты и обсуждение

Опираясь на примеры уже существующих классификаторов для анализа мультимодальных текстов, при создании нового первый блок формируется с метаданными видео TikTok. В него могут войти все значимые характеристики, сопровождающие видео (хештег, ID, дата публикации, продолжительность, домен, количество лайков, репостов, просмотров и комментариев). Метаданные раскрывают уровень популярности видео, а также некоторые формальные характеристики (продолжительность, домен и т.п.).

Классификатор для видеоматериалов, в отличие от классификатора для карикатур, имеет дело с видеотекстом — аудиовизуальным или видео-сообщением, которое может быть представлено как в формате истории

(нарратива), так и как часть повседневности вне наррации. Следовательно, второй блок с общей информацией должен включать элементы, связанные с идентификацией характера репрезентации. Например, включение в блок с общей информацией описания событийности может содержать как идентификацию связи контекста и события, так и признание наличия нарратива в видеосообщении: 1 — демонстрирует нечто конкретное (факт); 2 — указывает на контекст событий и отношений; 3 — интегрированы факт и контекст без нарратива; 4 — есть очевидный нарратив.

Поскольку код классификатора содержит элементы, непосредственно связанные с герменевтическим толкованием, в качестве интерпретатора для анализа данных необходим эксперт в той области, которая требует толкования. Например, если планируется изучить доминирующий интенциональный характер видеопостов TikTok, в классификатор для анализа видео вводится перечень интенций: 1 — удивление, вопрос; 2 — выражение несогласия/сомнение; 3 — выражение согласия, поддержка; и т.д. В качестве экспертов для анализа данных приглашаются лингвисты и психологи, понимающие, как определить интенции в тексте. Поскольку толкованию подлежит локальная коммуникативная ситуация, именно герменевтика Хабермаса наиболее адекватно разъясняет способы толкования.

Третий блок классификатора содержит те элементы анализа, которые определяют характер видеоряда. Если программа исследования сосредоточена на анализе визуального, в данной области классификатор может содержать более подробную «измерительную часть». Однако для исследований, где нет специальных задач, связанных с концентрацией на видеокодах, можно ограничиться определением способа построения видеоряда. Например, 1 — видео снято самостоятельно о себе (эго-документ); 2 — видео снято самостоятельно, как иллюстрация, репортаж; 3 — клип на основе нарезки из художественных фильмов и т.д.

Блок 4 (с вербальной и аудиосоставляющей) предполагает анализ интеграции музыкального и обычного вербального текста (устного или письменного). В этом блоке в классификатор включаются показатели, раскрывающие выбор языка в русскоязычном сегменте TikTok (1 — русский язык; 2 — английский язык и т.д.), популярные способы интеграции аудиоинформации (1 — формат аудио — устная речь; 2 — формат аудио — письменная речь и т.д.). Цифровая платформа TikTok изначально создавалась для обмена музыкальными файлами, следовательно, аудиосоставляющая в классификаторе может быть представлена более весомо, нежели другие блоки. Однако если дизайн исследования не предполагает детализации в изучении аудиоматериалов, возможно ограничиться идентификацией способа создания аудиотекста.

Поскольку классификатор интегрирует информацию метаданных и ту, что создается экспертом на основе герменевтического толкования (по типу закрытого кодирования), формируется единая база эмпирических данных, которая фиксируется в таблице для последующей обработки (рис.).

БЛОК 1. Метаданные										БЛОК 2. Общая характеристика																				
дата	время	домен	лайки	репост	интеракции	событийность сюжета				фокус поста				если это группа				как оценивается герой(герои) поста				1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	0	10 RU	3800000	28300	11700	33600000	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
1	0	88 RU	2700000	54100	50000	30400000	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
1	0	48 RU	2700000	204300	19500	42000000	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
1	0	298 RU	2900000	326400	28100	81800000	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
1	0	117 RU	3200000	88900	17100	40500000	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
1	0	8 KZ	3600000	70800	31900	53300000	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
1	0	13 RU	3900000	128900	36900	74500000	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
1	0	11 RU	4500000	192800	18400	75200000	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
1	0	27 RU	6700000	220000	0	1.57E+08	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
1	0	6 RU	2400000	16700	12500	40300000	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
1	0	33 RU	3200000	47900	31300	44400000	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	

Рис. Пример заполнения таблицы на основе классификатора типа «закрытое кодирование»

Источник: составлено Н.К. Радиной.

BLOCK 1. Metadatta							BLOCK 2. General characteristics																											
date	time	domain	likes	repost	comments	views	plot events			focus of the post			if it's a group			how is the hero/heroes of the post evaluated				1	2	3	4	5	6	7	8	9						
							1	2	3	4	1	2	3	1	2	3	1	2	3	4	1	2	3	4	5	6	7	8	9					
1	0	10 RU	3800000	28300	11700	33600000	1	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0				
1	0	88 RU	2700000	54100	50000	30400000	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0				
1	0	48 RU	2700000	204300	19500	42000000	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0				
1	0	298 RU	2900000	326400	28100	81800000	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0				
1	0	117 RU	3200000	88900	17100	40500000	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0				
1	0	8 KZ	3600000	70800	31900	53300000	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0				
1	0	13 RU	3900000	128900	36900	74500000	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0				
1	0	11 RU	4500000	192800	18400	75200000	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0				
1	0	27 RU	6700000	220000	0	1.57E+08	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0				
1	0	6 RU	2400000	16700	12500	40300000	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0				
1	0	33 RU	3200000	47900	31300	44400000	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0			

Figure. An example of filling out a table based on a classifier of the closed coding type

Source: completed by Nadezhda K. Radina.

В основе представления эмпирических данных в таблице используются дихотомические шкалы (да/нет), то есть отвечая на вопросы классификатора (да/нет или 1/0), эксперт создает цифровой код для каждого анализируемого видео и дальнейшей статистической обработки.

Обработка эмпирических данных позволяет ответить на многие вопросы, касающиеся цифрового взаимодействия и предпочтений, которые остро стоят при изучении социального контекста TikTok. Особый интерес представляют корреляционные связи между «объективными данными», фиксируемыми в блоке с метаданными (лайки, репосты, просмотры и т.п.), и суждениями экспертов герменевтического толка. Это, например, позволяет понять, какой интенциональный фон оценивается как привлекательный для тиктокеров, есть ли сильные корреляционные связи между темами (хештегами) и интенциями, как выстраиваются социальные идентификации и формируется поддержка на данной платформе. В результате, опираясь на смешанную методологию в отношении видеоматериалов, возможно не просто описать дискурс этой новой популярной цифровой платформы (как это было при ставке на качественную методологию), но также выйти на анализ закономерностей и моделей.

Заключение

Анализ видеоматериалов в современных медиаисследованиях крайне необходим, что позволяет рассматривать кодирование (закрытое кодирование с опорой на классификатор) как продуктивный выход из ситуации инструментальной неопределенности. При этом приветствуется разработка разнообразных классификаторов, в том числе созданных под одну проблему, для решения близких задач в различных медийных научных проектах. Сопоставление данных, полученных в разных проектах на схожем медийном материале, позволит преодолеть субъективность интерпретаций, понять закономерности функционирования цифрового медиапространства, идентифицировать новые феномены медиареальности. Сравнение ряда классификаторов для анализа видеотекстов — это возможность определить ключевые элементы, в том числе в контексте герменевтического подхода, для создания на этой основе программного обеспечения, которое может осуществлять автоматическое кодирование видеоматериала.

Современные социальные цифровые медиа, включая TikTok, предлагают массив оцифрованных видео, готовый для описания и анализа, но требующий новых аналитических инструментов для их обработки и интерпретации. Учитывая непрерывную активность и популярность TikTok, его использование разными субъектами в социальных и политических процессах, аналитикам нужны исследовательские инструменты, обеспечивающие реконструкцию научной картины мира, производную от мира

цифровых социальных отношений. Изучение видеопостов TikTok через кодирование способно ответить на большинство исследовательских вопросов о функционировании сложных, семиотически нагруженных мультимодальных текстов — видео — на современных социальных цифровых платформах.

Список литературы

- Али-заде А.А. Методология смешанных методов как новая исследовательская парадигма в общественных и гуманитарных науках // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 8: Науковедение. Реферативный журнал. 2020. № 4. С. 30–44.
- Асташкин А.Г., Бреслер М.Г. Социальные медиа в структуре современной сетевой коммуникации // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160. Кн. 4. С. 814–822.
- Градюшко А.А. Платформенная журналистика: специфика и тенденции развития // Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. 2023. № 1. С. 4–9.
- Дугалич Н.М. Реализация политической карикатуры в креолизованных текстах на материале арабского и французского языков : дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 291 с.
- Поляков М.Л. Взаимодействие цифровых платформ и государств: события и явления 2019–2022 гг. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2023. № 1. С. 116–120.
- Радина Н.К. Межпредметный классификатор для количественных медиаисследований на материале политических карикатур // Медиаскоп. 2021. № 3. <https://doi.org/10.30547/mediascope.3.2021.8>
- Рыжкова М.В., Еремин В.В., Бауэр В.П. Потребительское сопротивление на цифровой платформе: развертывание и преодоление // Информационное общество. 2021. № 6. С. 24–42. https://doi.org/10.52605/16059921_2021_06_24
- Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
- Bengtsson S., Johansson S. A phenomenology of news: Understanding news in digital culture // Journalism. 2021. Vol. 22. No. 11. P. 2873–2889. <https://doi.org/10.1177/464884919901194>
- Guinaudeau B., Votta F., Munger K. Fifteen Seconds of Fame: TikTok and the Supply Side of Social Video // Computational communication research. 2022. Vol. 4. No. 2. P. 463–485. <https://doi.org/10.5117/CCR2022.2.004.GUIN>
- Henrickson L., Meroño-Peñuela A. The Hermeneutics of Computer-Generated Texts // Configurations. 2022. Vol. 30. No. 2. P. 115–139. <https://doi.org/10.1353/con.2022.0008>
- Kress G. Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication. London : Routledge, 2009. 232 p.
- Lynch M. Media of Cooperation. Ethnomethodology, GPS, and Tacit Knowledge // Media in Action. Interdisciplinary Journal on Cooperative Media. 2017. No. 1. P. 149–154. <https://doi.org/10.25969/mediarep/16241>
- Muchitsch V. Sad Girls on TikTok: Musical and Multimodal Participatory Practices as Affective Negotiations of Ordinary Feelings and Knowledges in Online Music Cultures //

Popular Music and Society. 2024. Vol. 47. No. 2. P. 231–247. <https://doi.org/10.1080/03007766.2024.2320589>

Wibawa D. Ulama and Terrorism In Media: Phenomenology Research about the Perceptions of Ulama to Terrorism News in Indonesia Mass Media // *Asian Journal of Communication*. 2024. Vol. 34. No. 3. P. 353–366. <https://doi.org/10.1080/01292986.2023.2295852>

References

- Ali-zade, A.A. (2020). Mixed methods methodology as a new research paradigm in social sciences and humanities. *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 8: Science studies. INION RAN's Journals of Abstracts Collection*, (4), 30–44. (In Russ.)
- Astashkin, A.G., & Bresler, M.G. (2018). Social media in the structure of modern network communication. *Scientific notes of Kazan State University*, 160(4), 814–822. (In Russ.)
- Bengtsson, S., & Johansson, S. (2021). A phenomenology of news: Understanding news in digital culture. *Journalism*, 22(11), 2873–2889. <https://doi.org/10.1177/1464884919901194>
- Dugalich, N.M. (2018). *Realisation of Political Cartoons in Creolized Texts on the Material of the Arabic and French Languages* [Doctoral dissertation]. Moscow. (In Russ.)
- Guinaudeau, B., Votta, F., & Munger, K. (2022). Fifteen Seconds of Fame: TikTok and the Supply Side of Social Video. *Computational communication research*, 4(2), 463–485. <https://doi.org/10.5117/CCR2022.2.004.GUIN>
- Henrickson, L., & Meroño-Peñuela, A. (2022). The Hermeneutics of Computer-Generated Texts. *Configurations*, 30(2), 115–139. <https://doi.org/10.1353/con.2022.0008>
- Hradziushka, A.A. (2023). Platform journalism: Specifics and trends. *Journal of the Belarusian State University. Journalism*, (1), 4–9. (In Russ.)
- Kress, G. (2009). *Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication*. London: Routledge.
- Lynch, M. (2017). Media of Cooperation. Ethnomethodology, GPS, and Tacit Knowledge. *Media in Action. Interdisciplinary Journal on Cooperative Media*, (1), 149–154. <http://dx.doi.org/10.25969/mediarep/16241>
- Muchitsch, V. (2024). Sad Girls on TikTok: Musical and Multimodal Participatory Practices as Affective Negotiations of Ordinary Feelings and Knowledges in Online Music Cultures. *Popular Music and Society*, 47(2), 231–247. <https://doi.org/10.1080/03007766.2024.2320589>
- Polyakov, M.L. (2023). Interaction of digital platforms and states: events and phenomena 2019–2022. *Bulletin of Voronezh State University. Philology. Journalism Series*, (1), 116–120. (In Russ.)
- Radina, N.K. (2021) Interdisciplinary classifier for quantitative media research based on political cartoons. *Mediascope*, (3). (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/mediascope.3.2021.8>
- Ryzhkova, M.V., Eremin V.V., & Bauer V.P. (2021). Consumer resistance on the digital platform: deployment and overcoming. *Information Society*, (6), 24–42. (In Russ.) https://doi.org/10.52605/16059921_2021_06_24
- Strauss, A., & Corbin, J. (2001). *Fundamentals of Qualitative Research: Grounded Theory, Procedures, and Techniques*. Moscow: Editorial URSS Publ. (In Russ.)
- Wibawa, D. (2024). Ulama and Terrorism in Media: Phenomenology Research about the Perceptions of Ulama to Terrorism News in Indonesia Mass Media. *Asian Journal of Communication*, 34(3), 353–366. <http://dx.doi.org/10.1080/01292986.2023.2295852>

Сведения об авторе:

Радина Надежда Константиновна, доктор политических наук, профессор кафедры истории и теории международных отношений, Институт международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Российская Федерация, 603005, Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2; старший научный сотрудник лаборатории теории и практики систем поддержки принятия решений, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 603155, Нижний Новгород, ул. Б. Печерская, д. 25/12. ORCID: 0000-0001-8336-1044; SPIN-код: 6184-6314. E-mail: rasv@yandex.ru

Bio note:

Nadezhda K. Radina, Grand PhD in Political Sciences, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University, 2 Ulyanova St, Nizhny Novgorod, 603005, Russian Federation; Senior Researcher, Laboratory of Theory and Practice of Decision-Making Support Systems, HSE University, 25/12 B. Pecherskaya St, Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-8336-1044; SPIN-code: 6184-6314. E-mail: rasv@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-1-130-142

EDN: UHGNNQ

UDC 316.77:070

Research article / Научная статья

Visual Metaphor: Likeness of Unlike Things in Cartoons

Mohsen Zarifian

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ mohsen.zarifian@gmail.com

Abstract. The concept of metaphor is presented and analyzed in relation to the phenomenon of political cartoons. Guided by Conceptual Metaphor Theory, developed by Lakoff and Johnson as the theoretical framework, this study aims to examine how metaphors in political cartoons function as essential components in conveying complex socio-political messages. Through a meticulous exploration of the likeness between two seemingly unlike entities – perceiving one through the lens of the other – this study argues that cartoonists leverage visual metaphors, along with a diverse array of humor, symbolism, and irony, to illustrate societal conflicts and critique political realities, all while effectively conveying nuanced messages in a concise manner. A significant achievement of this study is the development of two comprehensive tables that categorize prevalent source and target domains in the metaphoric conceptualization of political cartoons, accompanied by relevant examples that elucidate their application in this context. The findings reveal how cartoonists utilize these domains to critique social realities and evoke cognitive responses from audiences. By categorizing and providing context for these metaphoric structures, this study not only enhances the understanding of visual metaphors but also contributes significantly to the scholarship on visual rhetoric in political communication.

Keywords: media, editorial cartoon, political cartoon, Conceptual Metaphor Theory (CMT), mass communications, journalism

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted September 4, 2024; revised September 27, 2024; accepted November 28, 2024.

For citation: Zarifian, M. (2025). Visual Metaphor: Likeness of Unlike Things in Cartoons. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(1), 130–142. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-130-142>

Визуальная метафора: сходство непохожего в карикатурах

М. Зарифиан

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

✉ mohsen.zarifian@gmail.com

Аннотация. Понятие «метафора» представлено и проанализировано применительно к феномену политической карикатуры. На базе концептуальной теории, разработанной Лакоффом и Джонсоном, изучено, каким образом метафоры функционируют в политических карикатурах, а также конструируются и транслируются сложные социально-политические послания. Благодаря тщательному исследованию сходства между двумя, казалось бы, непохожими объектами — восприятием одного через призму другого — показано, как карикатуристы используют визуальные метафоры, языковые символы и другие средства юмора и иронии, чтобы иллюстрировать социальные конфликты и критиковать политические реалии, передавая нюансы лаконично и эффективно. Значительным достижением исследования является разработка двух таблиц, где классифицируются преобладающие «источники и мишени» метафорической концептуализации, приводятся соответствующие примеры и объяснения контекста. Полученные результаты показывают, как критикуются социальные реалии, какие когнитивные реакции они вызывают у аудитории. Категоризация и анализ контекста не только углубляют понимание метафор, но и задают новую парадигму изучения визуальной риторики политических коммуникаций.

Ключевые слова: СМИ, редакционная карикатура, политическая карикатура, теория концептуальной метафоры, массовые коммуникации, журналистика

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 4 сентября 2024 г.; отрецензирована 27 сентября 2024 г.; принята к публикации 28 ноября 2024 г.

Для цитирования: *Zarifian M.* Visual metaphor: likeness of unlike things in cartoons // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 1. С. 130–142. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-130-142>

Introduction

Metaphor suggests perceiving one entity or concept through the lens of another, facilitating a comparison between two that are otherwise unrelated. Metaphor is a highly influential linguistic device that improves language by generating impactful and captivating effects on the audience. Through the creation of shocks and surprising connections, metaphor enhances language's expressive power and makes it easier to communicate feelings. By drawing comparisons between a complex subject or scenario with a more familiar one,

artists can express their creativity and persuade audiences to perceive it in a different light.

Metaphors are utilized across disciplines and genres, in order to achieve a variety of communication objectives, such as explaining objects to others (*the heart is a motor*), ascribing abstract concepts or intangible phenomenon to physical objects (*Life is a highway*), influencing individuals (*this automobile is as quick as a leopard*), or getting readers a bit carried away (*Her tears were a river flowing down her cheeks*). Metaphoric cognition is a fundamental aspect of human experience and nature and plays a crucial role in discourse. It can be used as the foundation for innovative theoretical ideas or as artistic and creative tools with a purposeful and communicative role (Downing, & Mujic, 2009; Hidalgo-Downing, & Mujic, 2020; Iriskhanova, 2011; Shilina, & Zarifian, 2023; Tabatabaei, & Ivanova, 2022; Tameryan et al., 2018; Zarifian et al., 2022).

There is widespread agreement on the fundamental structure of metaphor, notwithstanding the wide variety of theoretical viewpoints and assertions regarding metaphor interpretation. It's regarded as a rhetorical device when one specific entity, which is called the target, is perceived in terms of another entity, which is known as the source. Therefore, processing a metaphor entails comprehending or experiencing the target from the perspective of the source. Accordingly, the structure refers to at least two domains, X and Y, that share a metaphorical association (as opposed to a literal analogy): *X is Y*, where one domain (X) functions as the target and the other (Y) is the source and serves as the vehicle. This comprehension and experience are the result of two processes: firstly, the source and target of the two entities must be respectively distinguished, and secondly, to determine whether characteristics of the source are intended or designed to map onto the target, correspondences between the entities that originate from two diverse domains must be identified. The second process is typically referred to as cross-domain mapping.

With the pioneering research of Lakoff and Johnson (1980), metaphors have been considered a conceptual phenomenon rather than a language one. Burke (1969, p. 503) articulates metaphors as “devices for seeing something in terms of something else”. The simple framework of perceiving one entity through the lens of another, allowed researchers, notably in Lakoff and Johnson's studies, to advance metaphor terminology towards the “understanding and experiencing” processes (Lakoff, & Johnson, 1980, p. 5).

Through an exhaustive analysis, this article contributes to the fields of semiotics and linguistics by providing insights into the dynamic interplay between language, context, and social meaning. The forthcoming empirical analysis aims to further elucidate how cartoons fulfill distinct communicative functions and exhibit the application of specific metaphors that facilitate the mapping of complex political events into more familiar contexts, thereby enhancing our understanding of the power of visual rhetoric in political communication.

Materials and Methods

To determine an appropriate theoretical framework for investigating visual metaphors in political cartoons, this article will delve into the impact of Lakoff and Johnson's (1980) Conceptual Metaphor Theory (CMT) on the field of metaphorical research. This theory has led to a shift in focus from verbal to conceptual aspects of analysis. Within the framework of the CMT, which Lakoff and Johnson developed, metaphor has been extensively studied in the past several decades by other academics like Forceville and Urios-Aparisi (2009, p. 19).

The Conceptual Metaphor Theory is based on several key principles. Metaphor is primarily viewed as a cognitive mechanism that involves understanding a domain of experience, known as the target domain, in terms of a more concrete domain, referred to as the source domain. A metaphor is essentially a mapping, or a fixed set of conceptual correspondences, between the source and target domains, where one or more features of the source are projected onto the target (Benczes, 2021; & Kövecses, 2020).

Crisp (1996, p. 79) suggests that the utilization of CMT in the analysis of editorial and political cartoons becomes more complex due to the presence of visual metaphors. These forms present theoretical challenges for scholars who argue that metaphors are purely conceptual in essence, as highlighted by Gleason (2009, p. 438). The author emphasizes how the unique and spontaneous nature of visual metaphors gives them a foundation that is inherently uncertain. Turner (1991, p. 14) addresses this by advocating a reading of visual metaphors in accordance with classic literary theories of metaphor by claiming that their ownership of distinct languages leverages regular linguistic similarities, resulting in unique mental processes. Although the CMT framework will be employed later in the next analysis, the author agrees with Gibbs' (2011, p. 543) argument that conceptual metaphors alone do not create the fullest interpretations of all metaphors, partly due to the lexical, grammatical, socio-cultural, and visual restrictions that dictate in metaphorical discourse.

To recapitulate, according to Conceptual Metaphor Theory, metaphor assumes a decisive role in cognition and language by shaping human experiences through cognitive mechanisms, organizing our thoughts and knowledge. Consequently, metaphors not only shape the way we think but also possess the ability to influence our perception of reality, impacting how individuals approach and understand specific topics.

Results and Discussion

In the following, this article provides several examples to demonstrate how the metaphoric structure "X is Y" is wielded in political cartoons to create vivid comparisons that convey deeper meanings or critiques. This metaphoric conceptualization enables cartoonists to depict complex issues in a simplified manner, making them more accessible and engaging for the audience. The source domain constitutes a conceptual realm that is both familiar and comprehensible

to the audience. Kövecses (2010, p. 18) contend that the optimal source domains are those that are distinctly defined and readily recognizable to audiences. Typically, it encompasses a concrete, tangible notion derived from quotidian experiences. The target domain refers to the conceptual realm that the cartoonist intends to analyze or critique. This domain is frequently characterized by its abstraction or complexity, rendering it less accessible to the audience.

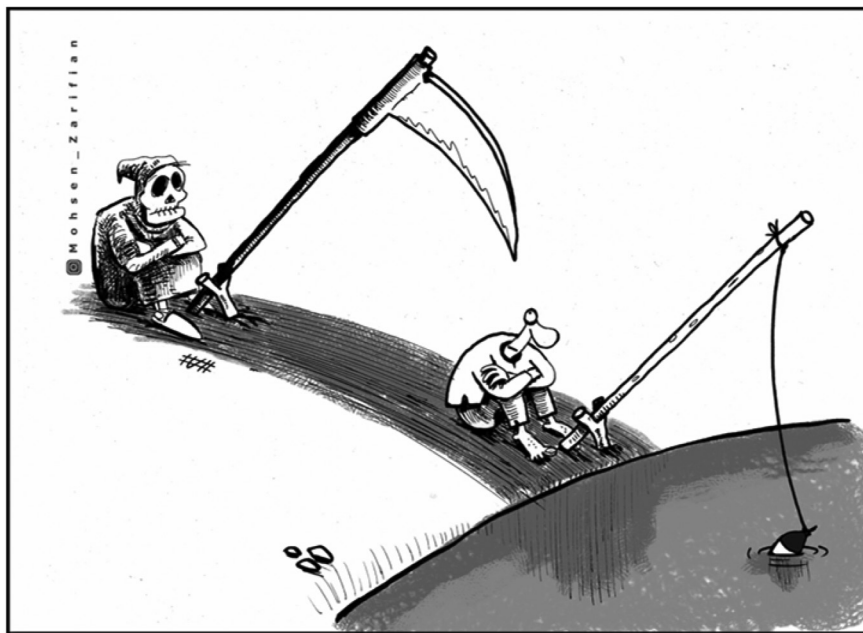

Figure 1. The concept of death is metaphorically depicted as a fisherman, while human is analogous to fish

Source: Cartoon by Mohsen Zarifian.

In a comprehensive approach, this study provides two tables that categorize prevalent source and target domains evident within the metaphoric conceptualization of political cartoons, accompanied by relevant examples that elucidate their application in this context¹. Table 2 illustrates the extensive range of target domains accessible to visual creators in articulating psychological or mental conditions, social groups, dynamics, or processes, and individual experiences or occurrences to audiences, enabling such intangible abstract concepts to resonate with audience interpretation².

As an instance, in a cartoon representation of a politician as a juggler, the source domain is identified as juggling, which is a well-known and tangible concept, while the target domain pertains to politics, a more abstract notion. The

¹ In the link below, table 1 presents a taxonomy of the dominant source domains in the metaphoric conceptualization of political cartoons and provides some illustrative examples. <https://drive.google.com/file/d/13xcRuGxnX7ZtmRxTrkIwv8SAc3Mm3jw5/view?usp=sharing>

² Table 2 in the provided link, presents a classification accompanied by illustrative examples of prevalent target domains in the metaphoric conceptualization of political cartoons. https://drive.google.com/file/d/1AohA0TA_i5RXVaYjWnacJH5VviXohQgu/view?usp=sharing

idea that the politician is attempting to balance several conflicting interests or obligations, much like a juggler who balances several balls, is highlighted by the mapping between the two domains. Figure 1 shows that the abstract notion of death (utilizing symbolism and the technique of personification), wielding a large scythe, is portrayed as a fisherman attempting to catch or “reap” human soul, which is conceptualized as fish. The metaphorical expression can be articulated as *Grim reaper (death) is fisherman* and *Human is fish*.

Figure 2. Cross-domain mapping; characteristics of the source domain (fly and soar) are designed to map onto the target domain (prisoner)

Source: Cartoon by Mohsen Zarifian.

The mise-en-scène depicted in Figure 2 exemplifies another instance of the likeness between two apparently unlike entities and perceiving one through the lens of the other. By emblazoning two wings on the wall of a prison, the cartoonist establishes a metaphoric connection between the depicted prisoner as target domain and a bird as source domain. The metaphorical expression is encapsulated by the phrase *The prisoner is bird*. This conceptual relationship gives rise to new meanings, commentary, and novel, multi-layered interpretations, suggesting that the prisoner will ultimately break free from the walls, be released, and soar.

In another cartoon (Figure 3), Mohsen Zarifian utilizes the “reversal” technique of ideation, which presents the opposite of the conventional sequence, hierarchical structure, and chronological order of events. By replacing a human figure with clothing and depicting it suspended on a hanger, the cartoonist articulates the metaphor that the *Human is attire*, underscoring the notion that in contemporary society, fashion may hold greater significance than foundational principles or ethical standards, thereby accentuating the displacement of values.

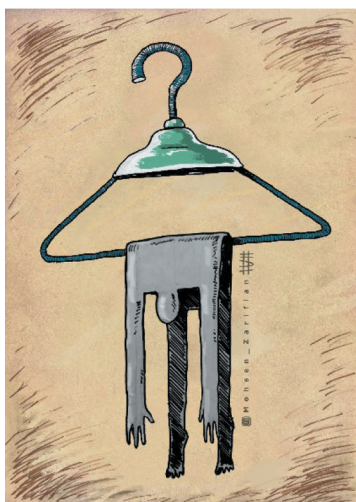

Figure 3. *Replacement and reversal technique of ideation*

Source: cartoon by Mohsen Zarifian.

Figure 4. *Metaphoric coexistence of two contradictory entities*

Source: cartoon by Mohsen Zarifian.

The article now explores the metaphoric interpretations of a cartoon depicting a tree with axes at the ends of its branches (Figure 4). The imagery evokes themes of tension between growth and destruction, the conflict between nature and humanity, and the duality of tools that can create or harm. The cartoonist articulates how this could reflect the idea that the products of our actions may be harmful and contradictory to their origins, prompting philosophical reflections on existence and progress. The metaphoric phrase is *Ax is fruit*, and in a deeper layer of interpretation, phrases are suggested to encapsulate these themes, such as *The fruit is a pest for the tree*, *Creation is a mirror that reflects unintended consequences*, *the result is a wolf disguised in the sheep's clothing of progress*, and *The creation is a double-edged sword*, emphasizing the complexity of intention and outcome in our creations.

According to Elisabeth El Refaie (2015, p. 9) (2003), people rely on their personal experiences of physical sensations and interactions to understand abstract and intangible concepts. This process of “embodiment” is crucial in creating meaning and is even fundamental to the way we use linguistic metaphors. In other words, our bodily experiences and sensory perceptions serve as a foundation for making sense of complex and abstract ideas. Kövecses (2010) suggests that by using such domains, image creators help viewers come close to the reality their metaphors are meant to represent. The simplistic depictions of this universe allow audiences to access areas of relevance when creating more abstract and sophisticated concepts. Nevertheless, the extent of synthesis achieved by the two domains may constrain the ultimate visual representation, referencing Laura Downing and Blanca Mujic’s hypothesis that partial correspondences accentuate particular attributes of the source domain while obscuring those that do not align with the creator’s focus and interest (2009, p. 63).

The conceptual nature of metaphor indicates that, in addition to language, images, sounds, and gestures may all trigger metaphors and serve as starting points for metaphoric conceptualization. The concept of the form is extended to “the mechanism or lens through which the topic is perceived” by Foss (2004, p. 299) in order to explain how visual metaphors are able to produce semantic links between topic and communicative vehicle. By combining “aphoristic and judgmental” visuals or text, political cartoon metaphors can be concurrently multi-modal, according to Dominguez (2015, p. 435). Bounegru and Forceville took a more radical approach, subdividing the form into mono and multi-modal forms depending on the topic’s relationship to the associated communicative vehicle. Metaphors can be thought of as being mono-modal by projecting their concepts into the visuals of the cartoon; both the topic and the vehicle are “predominantly cued in the visual mode” (Bounegru, & Forceville, 2011, p. 212). Bounegru and Forceville’s sub-division of metaphor will boost reader comprehension of the form’s informative capacity in reinforcing knowledge and opinion, in tandem with its ability to engage uninformed audiences through creative expressions delivered via covert, persuasive methods.

At this juncture, the discussion focuses on laying the cognitive and linguistic groundwork for understanding the use of metaphors in editorial cartoons. Echoing the views of Feldman and Narayanan (2004) and Forceville (2006), this approach considers form a rhetorical, flexible force that is beneficial to imagery and larger society. To characterize the predominant generic structure of metaphoric conceptualizations in cartoons, examine how visual metaphors are used to make a point stance or convey a point of view, and adopt a discourse pragmatic approach that emphasizes the communication objectives of cartoonists when choosing various metaphoric expressions, efforts will be made in these directions. By doing this, the forthcoming study and subsequent empirical analysis aim to elucidate how cartoons fulfill distinct communicative functions and to exhibit the application of specific metaphors that facilitate the mapping of complex political events into more familiar contexts. This process enables creators to depict the unfamiliar or concealed (target domains) through familiar and observable concepts as source domains (Reeves, 2005, p. 23–30).

The immediate social context, encompassing the aspects of life that typically center on notions such as gender, socioeconomic status, social class, occupation, education, and similar themes, can undoubtedly have a profound impact on metaphorical conceptualization (Kövecses 2020, p. 96). In view of this, the present paper advocates for a reconsideration and reevaluation of the contextual factors that influence metaphor usage and delve into how metaphors emerge in response to the unprecedented challenges posed by emergency situations, such as the pandemic, while analyzing their contextual and modal dimensions.

Having said that, some studies argue that metaphors are not merely linguistic expressions but are deeply rooted in social and cultural contexts, which shape their meaning and effectiveness (Semino, 2021). Cartoonists creatively utilized metaphors to convey the absurdities and challenges of the COVID-19 pandemic.

As is observable in Table 2, political cartoons can offer metaphoric conceptualization like pandemic as a war, illustrating the virus as an invading army, with health officials portrayed as soldiers on the front lines, engaging in combat against the unseen enemy. These cartoons provided a relatable lens through which audiences could navigate the complexities of lockdowns and social distancing. They illustrated themes of isolation and uncertainty through imagery like empty streets and masked figures, using humor to cope with fear and anxiety (Seixas, 2021; Wang, 2021).

Scholars examine various metaphorical constructions deployed in public discourse regarding COVID-19, highlighting the role of context in how these metaphors shape public perception and behavior (Abdel-Raheem, 2021). Furthermore, this article underscores the complexity of the situation, noting that the choice of metaphor can significantly influence the emotional and cognitive responses of individuals and communities. It is imperative to acknowledge that comprehending these dimensions may deepen our understanding of the mechanisms by which metaphors contribute to the construction of societal narratives in times of crisis.

Political cartoons serve as a powerful medium for articulating complex political sentiments through visual metaphors. The prevalent source domains utilized in political cartoons provide a complex array of imagery that deepens the comprehension of political narratives, concerns, and issues. The taxonomy in Table 1 reveals dominant source domains such as *Everyday Life*, *Nature*, and *Abstract Concepts*, which facilitate a nuanced understanding of political dynamics. Drawing upon animals, machines, buildings, and journeys, cartoonists effectively create metaphors that resonate with the audience by linking familiar experiences to complex political phenomena. For instance, metaphors drawn from domestic life, such as a political figure depicted as a chef stirring a pot labeled “National Budget”, illustrate the intricacies of financial management and personal gain in governance, serves to critique their ability to blend various fiscal ingredients without losing control, thus making abstract economic concepts more relatable. In a comparable manner, Utilizing the competitive nature of games and sports – portraying elections as races or boxing matches – highlights the antagonistic character of political contests, demonstrating the strategies, competitiveness, and risks inherent in the political arena.

Nature as a source domain delivers captivating pictures for depicting societal instability or disasters. By depicting issues like the refugee crisis as a flood or political controversies as storms, cartoonists highlight the widespread and chaotic nature of these events, capturing the urgency and emotional weight behind them. Similarly, metaphors involving animals allow for the characterization of nations and their leaders, imbuing abstract political entities with personality traits that reflect their perceived global roles and behaviors, such as representing the USA as a bold eagle, representing freedom and courage, or Russia as a bear, symbolizing its power.

The use of machines as a source domain adds another layer of meaning, illustrating governance as a large, malfunctioning system that emphasizes

bureaucracy's challenges. By depicting politicians as robots, cartoonists can critique the perceived lack of empathy and emotional connection within political systems. Furthermore, metaphors involving buildings imply the structural integrity – or lack thereof – of political apparatus, with cartoons like a house of cards symbolizing instability and vulnerability, while bridge-building metaphors carry connotations of dialogue, cooperation, and reconciliation.

This study expounds that in the realm of political cartoons, the utilization of target domains serves as vital frameworks for encapsulating complex societal issues into visually vivid and memorable images. Each target domain highlights a specific area of concern, allowing cartoonists to engage with audiences by drawing striking analogies between abstract ideas (target domains) and familiar concepts (source domains). Table 2 expands on this analysis by categorizing the prevalent target domains in political cartoons, revealing how politicians can be portrayed in various roles, including as puppets controlled by external forces or as professionals like chefs or doctors who are responsible for societal well-being.

Depicting politicians through various occupations, such as chefs or doctors, not only serves to humanize them but also critiques their roles and responsibilities in addressing societal problems like public policy and public health. For instance, the portrayal of politicians as animals (technique of zoomorphism) grants cartoonists a superiority stance and the power to degrade the depicted person and harshly criticize. Also, cartoonists might draw politicians as jugglers to critique their behaviors and decisions, while metaphors related to economics and social issues highlight the complexities of governance and societal challenges. Likewise, portraying political figures as puppets accentuates themes of agency and manipulation, implicitly criticizing the hidden forces that manipulate and exert control over decision-makers. This framing facilitates critical commentary on their effectiveness and accountability.

It is important to stress that the interplay between source and target domains in political cartoons not only enriches public discourse but also invites audiences to uncover underlying meanings and assumptions, as well as to distinguish the power dynamics among various social groups, political figures, and institutions. Furthermore, it encourages the analysis of the dominant ideologies that are being promoted or challenged. By means of this intricate web of metaphors, political cartoonists shed light on the complexities of political life, fostering a deeper understanding of the dynamics at play in governance and society. The effectiveness of this medium lies in its ability to provoke thought, inspire dialogue, and critique authority while remaining accessible to a broad audience.

Conclusion

By exploring the evolution of metaphor, this article demonstrated how the form has been developed a simplistic comparison presupposition into an intensive, modern language that can be effectively used in both verbal and visual contexts. In outlining the functions and rationale of metaphor, as a replacement

for “seeing something in terms of something else”, discussions endeavored to prove that could be regarded as “bringing together the whole of one thing with the whole of another, so that each is looked at in a different light”. Such objectives are accomplished via conceptual mappings of the source and target domains, and the resulting object, which in this paper is the focus of the cartoon, signifies a variety of cognitive pathways carried within each domain in conjunction with the metaphorical orientation supported by the metaphor builder.

In conclusion, this study emphasizes that metaphors assume a decisive role in political cartoons as a sophisticated mechanism for conveying complex socio-political messages. The study also demonstrated how the explanatory power of a CMT-driven framework aids in identifying the broadest range of conceptual pathways available to and employed by cartoonists. This theoretical framework facilitates a closer examination of the non-verbal motivating factors that underlie cartoon metaphors. By employing Conceptual Metaphor Theory as a guiding framework, this research contributes to the discourse on visual metaphor analysis, highlighting the dynamic interplay between humor, critique, and cognition in cartoons, which serve to critique societal conflicts and political realities. The conceptual mapping between source and target domains serves as a fundamental process through which cartoonists communicate nuanced ideas, allowing audiences to grasp abstract concepts through familiar and tangible representations.

A significant contribution of this study is the detailed categorization presented in two tables. The first table outlines dominant source domains, while the second identifies prevalent target domains, providing illustrative examples that demonstrate how the metaphoric structure “X is Y” is employed to create vivid comparisons and convey deeper meanings. The introduction of metaphoric domains in two comprehensive tables enriches our analytical endeavors, illustrating how structured mappings facilitate the audience’s understanding of intricate issues.

Framing political actors and movements as journeys taps into the narrative of progress and overcoming obstacles, inviting audience empathy for the challenges faced by politicians and constituents alike. Together, these diverse source domains enrich the metaphoric landscape of political cartoons, enabling audiences to engage with intricate political issues in a more tangible and accessible manner. By means of these striking depictions, cartoonists formulate persuasive analyses and reflections that mirror and shape societal attitudes and discussions. Overall, the diverse target domains leveraged in political cartoons allow for multi-layered commentary, making complex topics more digestible and prompting critical thinking among the audience.

Ultimately, the intricate interplay of visual and verbal elements in political cartoons serves as a testament to the enduring significance of metaphors in shaping public opinion and fostering engagement with socio-political issues. Through this exploration, we gain valuable insights into how political cartoons not only reflect but also shape the socio-political landscape, making them an indispensable component of contemporary discourse.

References

- Abdel-Raheem, A. (2021). Where Covid metaphors come from: reconsidering. *Social Semiotics*, 33(5), 971–1010. <https://doi.org/10.1080/10350330.2021.1971493>
- Benczes, R. (2021). Review of Kövecses (2020): Extended Conceptual Metaphor Theory. *Review of Cognitive Linguistics*, 19(1), 266–271. <http://dx.doi.org/10.1075/rcl.00084.ben>
- Bounegru, L., & Forceville, C. (2011). Metaphors in Editorial Cartoons Representing the Global Financial Crisis. *Journal of Visual Communication*, 10(2), 209–229. <https://doi.org/10.1177/1470357211398446>
- Burke, K. (1969). *A Grammar of Motives*. Berkeley: University of California Press.
- Crisp, P. (1996). Imagism's Metaphors: A Test Case. *Language and Literature*, 5(2), 79–92. <https://doi.org/10.1177/096394709600500201>
- Dominguez, M. (2015). On the Origin of Metaphors. *Metaphor and Symbol*, 30(3), 240–255. <https://doi.org/10.1080/10926488.2015.1049858>
- Downing, L.D., & Mujic, B.K. (2009). Infectious diseases are sleeping monsters: Conventional and Culturally Adapted New Metaphors in a Corpus of Abstracts on Immunology. *Iberica*, 17(17), 61–82.
- El Refaie, E. (2015). Reconsidering “Image Metaphor” in the Light of Perceptual Simulation Theory. *Metaphor and Symbol*, 30(1), 63–76. <https://doi.org/10.1080/10926488.2014.948799>
- Feldman, J., & Narayanan, S. (2004). Embodied Meaning in a Neural Theory of Language. *Brain and Language*, 89(2), 385–392. [https://doi.org/10.1016/S0093-934X\(03\)00355-9](https://doi.org/10.1016/S0093-934X(03)00355-9)
- Forceville, C. (2006). Non-Verbal and Multimodal Metaphor in a Cognitive Framework: Agendas for Research. In G. Kristiansen, M. Archard, R. Dirven, & F.R. de Mendoza (Eds.), *Cognitive linguistics: Current Applications and Future Perspectives* (pp. 379–402). New York: Mouton de Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110197761.5.379>
- Forceville, C., & Urios-Aparisi, E. (2009). *Multimodal Metaphor*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Foss, S.K. (2004). *Rhetorical Criticism: Exploration and Practice*. 3rd. Illinois: Waveland Press.
- Gibbs, R.W. (2011). Evaluating Conceptual Metaphor Theory. *Discourse Processes*, 48(8), 529–562. <https://doi.org/10.1080/0163853X.2011.606103>
- Gleason, D.W. (2009). The Visual Experience of Image Metaphor: Cognitive Insights into Imagist Figures. *Poetics Today*, 30(3), 423–470. <https://doi.org/10.1215/03335372-2009-002>
- Hidalgo-Downing, L., & Mujic, B.K. (Eds.) (2020). *Performing Metaphoric Creativity across Modes and Contexts*. John Benjamins Publ. <https://doi.org/10.1075/fl1.7>
- Iriskhanova, O.K. (2011). Metaphor as an act of linguosemiosis: at the intersection of the conceptual and linguistic. *Cognitive Research of Language*, 9, 78–95. (In Russ.)
- Kövecses, Z. (2020). *Extended Conceptual Metaphor Theory*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108859127>
- Kövecses, Z. (2010). *Metaphor: A Practical Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago: Chicago University Press.
- Reeves, C. (2005). *The Language of Science*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203597125>
- Seixas, E.C. (2021). War Metaphors in Political Communication on COVID-19. *Frontiers in Sociology*, 5. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2020.583680>
- Semino, E. (2021). “Not Soldiers but Fire-fighters” – Metaphors and COVID-19. *Health Communication*, 36(11), 1–9. <https://doi.org/10.1080/10410236.2020.1844989>
- Shilina, M.G., & Zarifian, M. (2023). Re-thinking Semiotics: A New Categorization of a Sign? *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 305–313. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-305-313>

- Tabatabaei, S., & Ivanova, E.A. (2022). Comparative Study of Emotional Metaphor in Persian and English as a Human Conceptual Framework in Cultural Anthropology. *Proceedings of the 3rd International Conference on Language, Communication and Culture Studies (ICLCCS 2022)*, pp. 3–11). Atlantis Press. <https://www.atlantis-press.com/proceedings/iclccs-22/125977881>
- Tameryan, T.Y., Zheltukhina, M.R., Slyshkin, G.G., Abakumova, O.B., Volskaya, N.N., & Nikolaeva, A.V. (2018). Metaphor in Political Media Discourse: Mental Political Leader Portrait. *Online Journal of Communication and Media Technologies*, 8(4), 377–384. <https://doi.org/10.12973/ojcm/3958>
- Turner, M. (1991). *Reading Minds: The Study of English in the Age of Cognitive Science*. Princeton: Princeton University Press.
- Wang, Y.Q. (2021). The Metaphors and Its Critical Analysis in COVID-19-Related Cartoons. *Open Journal of Modern Linguistics*, 11, 539–554. <https://doi.org/10.4236/ojml.2021.114041>
- Zarifian, M., Volkova, I., & Lazutova, N. The Evolution of Cartoons Throughout the History of Mass Communication. *International Journal of Media and Information Literacy*, 7(2), 629–638. <https://doi.org/10.13187/ijmil.2022.2.629>

Bio note:

Mohsen Zarifian, Teacher Researcher, Cartoonist, Department of Mass Communication, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-7363-0263; SPIN-code: 1339-8991. E-mail: mohsen.zarifian@gmail.com

Сведения об авторе:

Зарифиан Мохсен, преподаватель-исследователь, карикатурист, кафедра массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0001-7363-0263; SPIN-код: 1339-899. E-mail: mohsen.zarifian@gmail.com

НЕЙРОСЕТИ И МЕДИА NEURAL NETWORK AND MEDIA

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-1-143-160

EDN: ULWXCP

УДК 303.642.022/023:070

Научная статья / Research article

Искусственный интеллект в журналистике: библиометрический анализ публикационной активности

В.А. Зорина

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
zorina-val@rudn.ru

Аннотация. Искусственный интеллект меняет алгоритмы развития различных сфер общества, активно внедряется в медийную отрасль, продуцируя новые возможности и социальные риски. Проблемные вопросы данного тематического поля вызывают интерес академического сообщества, что приводит к росту соответствующих научных публикаций. В июне–декабре 2024 года на основе базы данных РИНЦ, интегрированной с *eLibrary*, проведен количественный и качественный анализ структуры и динамики научных исследований особенностей искусственного интеллекта в контексте журналистики. Выявлены публикации по следующим параметрам: общее число по годам; тип публикации; вуз автора; наиболее активные и цитируемые авторы. Эмпирическая база — 216 статей с 2013 по 2024 год. Отбор проводился по тематике «массовая коммуникация — журналистика — средства массовой информации» и ключевым словам: искусственный интеллект, журналистика, медиа, фейки, дипфейки, новые медиа, журналистское образование, СМИ. Обнаружено, что с 2017 года постепенно увеличивается число публикаций, резкий скачок — в 2020 году. Это отражает события в мире: начало использования нейросетей в СМИ, активное развитие генеративных моделей и появление ChatGPT, пандемия COVID-19. Определены вузы с наибольшим количеством публикаций по теме, также выявлены наиболее цитируемые авторы. Отмечено, что внедрение искусственного интеллекта в образовательный процесс, появление факультетов и программ, связанных с ИИ, государственные меры поддержки исследований в области ИИ способствовали интенсификации публикационной активности.

Ключевые слова: нейросети, медиа, журналистское образование, университеты, статьи молодых ученых

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Зорина В.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 30 ноября 2024 г.; отрецензирована 29 декабря 2024 г.; принята к публикации 6 января 2025 г.

Для цитирования: Зорина В.А. Искусственный интеллект в журналистике: библиометрический анализ публикационной активности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 1. С. 143–160. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-143-160>

Artificial Intelligence in Journalism: Bibliometric Analysis of Publication Activity

Violetta A. Zorina

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ zorina-val@rudn.ru

Abstract. Artificial intelligence is changing the algorithms for the development of various spheres of society, is actively being introduced into the media industry, producing new opportunities and social risks. The problematic issues of this thematic field arouse the interest of the academic community, which leads to an increase in relevant scientific publications. In June–December 2024, based on the Russian Index of Science Citation database integrated with *eLibrary*, a quantitative and qualitative analysis of the structure and dynamics of scientific research on the features of artificial intelligence in the context of journalism was carried out. The publications were identified by parameters: the total number by year, the type of publication, the author's university, the most active and cited authors. The empirical base includes 216 publications from 2013 to 2024. The selection was conducted on the topic of *mass communication – journalism – mass media* and the keywords *artificial intelligence, journalism, media, fakes, deepfakes, new media, journalistic education, mass media*. It was found that the number of publications has been gradually increasing since 2017, with a sharp jump in 2020. This reflects events in the world: the beginning of the use of neural networks in the media, the active development of generative models and the emergence of ChatGPT, the COVID-19 pandemic. The universities with the largest number of publications on the topic were identified, and the most cited authors were also identified. It was noted that the introduction of artificial intelligence into the educational process, the emergence of AI-related faculties and programs, and government measures to support AI research contributed to the intensification of publication activity.

Keywords: neural networks, media, journalism, journalism education, university, publication activity, articles by young scientists

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted November 30, 2024; revised December 29, 2024; accepted January 6, 2025.

For citation: Zorina, V.A. (2025). Artificial Intelligence in Journalism: Bibliometric Analysis of Publication Activity. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(1), 143–160. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-143-160>

Введение

Исследовательская компания *Gartner* в августе 2024 года представила очередной график развития новых технологий (*Hype Cycle for Emerging Technologies*), которые в ближайшие годы значительно повлияют на бизнес и общественную жизнь¹.

Для нас примечательна позиция генеративного искусственного интеллекта (ИИ), который прошел пик завышенных ожиданий (рис. 1) и с которым мы активно взаимодействуем: он может генерировать текст, музыку, изображения, видео, создавать новый контент, изучать языки и др. Среди популярных зарубежных моделей – ChatGPT, Google Bard, OpenAI, Dall-e, Stable Diffusion, Midjourney. Они позволяют решать разнообразные задачи, однако большинство доступны по платной подписке и не распространяются свободно на территории Российской Федерации. Среди отечественных моделей ИИ выделяются YandexGPT, GigaChat, Kandinsky и «Шедеврум». Отметим, в 2024 году Россия вошла в число мировых лидеров по внедрению технологий ИИ, а по числу генеративных моделей страна занимает четвертое место в мире².

В сентябре 2024 года в Санкт-Петербургском государственном университете на международной конференции «Диалог ректоров: искусственный интеллект и трансформация будущего университетов и высшего образования» обсуждалась роль искусственного интеллекта в изменении образовательных подходов и трансформации высшего образования. При этом для вузов России применение ИИ в рамках обучения не является чем-то новым.

Первым вузом, который регламентировал использование искусственного интеллекта в учебном процессе, стал Московский городской педагогический университет (МГПУ)³. В Российском экономическом университете имени Г.В. Плеханова действует Центр перспективных исследований в искусственном интеллекте, в Российском университете дружбы народов имени П. Лумумбы в мае 2024 года открылся факультет искусственного интеллекта⁴.

¹ Hype Cycle for Emerging Technologies Highlights Developer Productivity, Total Experience, AI and Security // Gartner. 2024, 21 August. URL: <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2024-08-21-gartner-2024-hype-cycle-for-emerging-technologies-highlights-developer-productivity-total-experience-ai-and-security> (accessed: 26.12.2024).

² Минэкономразвития: Россия вошла в топ 10 стран по внедрению ИИ // Ведомости. 2024, 13 марта. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2024/03/13/1025039-reshetnikov-rossiya-voshla-v-top-10-stran-po-vnedreniyu-ii> (дата обращения: 26.12.2024).

³ Допускается использование нейросетей для анализа контекста, подбора идей и материала при выполнении учебных заданий. Обучающиеся обязаны самостоятельно анализировать, оценивать источники, выполнять работы, используя данные, полученные с помощью ИИ, как отправную точку для собственных исследований (см. приказ от 04.09.2023 № 663).

⁴ Автор статьи активно применяет технологии ИИ в рамках обучения студентов по дисциплинам «Online-журналистика» и «Графический дизайн» на филологическом факультете РУДН.

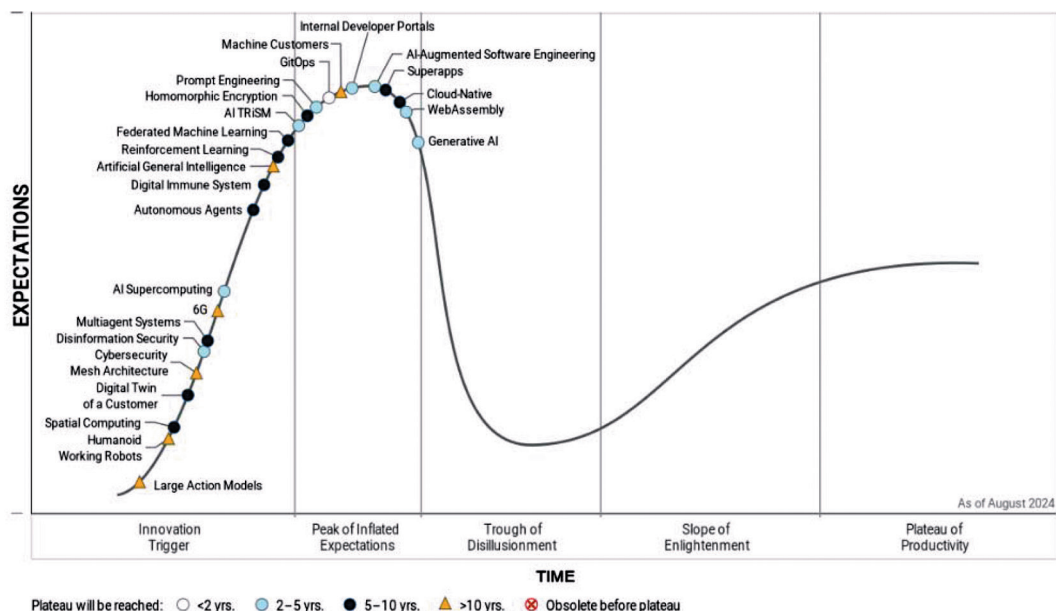

Рис. 1. Модель зрелости новых технологий, 2024

Источник: Hype Cycle for Emerging Technologies Highlights Developer Productivity, Total Experience, AI and Security // Gartner. 2024, 21 August. URL: <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2024-08-21-gartner-2024-hype-cycle-for-emerging-technologieshighlights-developer-productivity-total-experience-ai-and-security> (accessed: 26.12.2024).

Figure 1. Hype cycle for emerging technologies, 2024

Source: Gartner. (2024, August 21). Hype Cycle for Emerging Technologies Highlights Developer Productivity, Total Experience, AI and Security. <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2024-08-21-gartner-2024-hype-cycle-for-emerging-technologieshighlights-developer-productivity-total-experience-ai-and-security>

По количеству публикаций в научных журналах по тематике искусственного интеллекта, по версии *SCImago Journal & Country Rank* (рис. 2), Россия находится в числе двадцати стран-лидеров⁵. По словам Владимира Путина, произнесенным на международной конференции *AI Journey* в декабре 2024 года, развитие искусственного интеллекта должно опираться на прочный фундамент разработок представителей научной и гуманитарной сферы.

В свою очередь, интерес научного сообщества к теме ИИ в рамках журналистики начал расти с 2015 года (Calvo-Rubio, & Ufarte-Ruiz, 2021). Был отмечен стремительный рост публикационной активности с 2019 по 2020 год в базах данных *Scopus* и *Web of Science*, что можно объяснить пандемией COVID-19, когда ИИ стал играть ключевую роль во многих аспектах реагирования на кризис (Зорина, Осиповская, 2021).

⁵ Информация Национального центра развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/investitsionnaya-aktivnost/2023_informacionno-analiticheskaya_spravka_sravnitelnyy_analiz_osnovnyh_pokazateley_razvitiya_tehnologiy_iskusstvennogo_intellekta_v_rossiyskoy_federacii_i_veduschih_stranah_po_rezulytatam_2022-2023_gg_ncrri/ (дата обращения: 26.12.2024).

Страна	Россия	Китай	США	Индия	Велико-британия	Германия	Южная Корея	Канада	Франция	Япония
Количество публикаций в области ИИ, ед.	1962	13 765	7 263	23 089	5 132	4 241	2 593	2 977	2 619	4 064

Рис. 2. Общее количество публикаций в научных журналах в области ИИ за 2022 год

Источник: SCImago Journal & Country Rank. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/investitsionnaya-aktivnost/2023_informacionno-analiticheskaya_spravka_sravnitelnyy_analiz_osnovnyh_pokazateley_razvitiya_tehnologiy_iskusstvennogo_intellekta_v_rossiyskoy_federacii_i_veduschih_stranah_po_rezulytatam_2022-2023_gg_ncrii/ (accessed: 25.12.2024).

COUNTRY	RUSSIA	CHINA	USA	INDIA	GREAT BRITAIN	GERMANY	SOUTH KOREA	CANADA	FRANCE	JAPAN
NUMBER OF AI PUBLICATIONS, UNITS	1962	13 765	7 263	23 089	5 132	4 241	2 593	2 977	2 619	4 064

Figure 2. Total number of publications in scientific journals in the field of AI in 2022

Source: SCImago Journal & Country Rank. https://ai.gov.ru/knowledgebase/investitsionnaya-aktivnost/2023_informacionno-analiticheskaya_spravka_sravnitelnyy_analiz_osnovnyh_pokazateley_razvitiya_tehnologiy_iskusstvennogo_intellekta_v_rossiyskoy_federacii_i_veduschih_stranah_po_rezulytatam_2022-2023_gg_ncrii/

В рамках темы ИИ в журналистике авторы применяют термины «автоматизированная журналистика», «роботизированная журналистика», «алгоритмическая журналистика». Несмотря на то что каждое направление подразумевает использование ИИ определенным образом, можно говорить о синонимичности понятий.

Теоретическую базу исследования составили труды российских и зарубежных авторов. Они изучали различные аспекты темы: специфику автоматизированной журналистики (Болдина, 2024; Иванов, 2015; Kunert, 2020); особенности алгоритмической журналистики (Brlek, & Trivundza, 2019); особенности роботизированной журналистики (Сорокин, 2023; Черноусов, 2023); правовые аспекты применения ИИ и авторства (Кишкембаев, 2024; Кокорева, 2024; Kalpokas et al., 2024; Lewis et al., 2019); влияние ИИ на современную журналистику (Бейненсон, 2023; Велитченко, 2024; Иляхина, Деева, 2024; Chetouani, 2024; Gutiérrez-Caneda et al., 2023).

Материалы и методы

В продолжение исследования *Literature Review on Artificial Intelligence in Journalism: A Bibliometric Analysis of Publications Indexed in the Web of Science and Scopus* (Zorina, & Osipovskaya, 2021) было принято решение провести библиометрический анализ публикаций, индексированных российским индексом цитирования (РИНЦ), которые размещены на ресурсе *eLibrary* — веду-

шей электронной библиотеки научной периодики на русском языке в мире. Цель — выявление динамики публикационной активности исследователей по проблемам искусственного интеллекта в области журналистики с 2013 по 2024 год. Статьи анализировались по следующим показателям: общее количество публикаций за год; тип публикации; вуз автора; наиболее активные и цитируемые авторы по количеству публикаций. Поиск проводился с 23 июня по 25 декабря 2024 года по типам публикаций «статьи в журналах», «материалы конференций» и параметру «искать в ключевых словах». Тематика — «Массовая коммуникация. Журналистика. СМИ». Ключевое словосочетание — «искусственный интеллект». К сожалению, фильтрация базы данных платформы *eLibrary* недостаточно релевантна, потому понадобился дополнительный ручной отбор публикаций по дополнительным ключевым словам: журналистика, медиа, фейки, дипфейки, новые медиа, журналистское образование, СМИ. Поскольку у материалов несколько ключевых слов, достаточно было наличия одного (журналистика) или двух дополнительных, чтобы попасть в авторскую подборку. Среди других сложностей отбора — несоответствие заголовка статьи ее аннотации. Всего за указанный период выявлено 1769 публикаций, среди которых 309 статей попали в первичный корпус. После дополнительного качественного анализа количество максимально релевантных исследованию статей составило 216 публикаций.

Результаты и обсуждение

Выявлено, что самая первая, отвечающая всем требованиям фильтрации, статья была датирована 2013 годом. При этом в подборке отсутствуют публикации за 2014–2015 годы, поскольку они не соответствуют критериям отбора (рис. 3).

На диаграмме видно, что число публикаций начало постепенно расти с 2017 года. Динамика отражает общемировые тенденции использования ИИ: в 2016 году в ходе Олимпийских игр в Рио-де-Жанейро в *The Washington Post* были удачные эксперименты с автоматизацией публикаций новостей (роботизированная журналистика). После этого другие крупные зарубежные издания стали применять ИИ в своих ньюсрумах. Возможности ИИ тогда были ограничены, а индустрия только начинала осваивать новую технологию⁶. В 2017 году Владимир Путин в ходе открытого урока «Россия, устремленная в будущее» отметил, что искусственный интеллект — это будущее всего человечества⁷, а уже в 2019 году было утверждено национальное на-

⁶ Итог 2017 года: искусственный интеллект больше не волшебная палочка // IT Expert. 2017, 19 декабря. URL: <https://www.it-world.ru/cionews/2k5zo4epqkg0gwc80gko4000scgwg08.html> (дата обращения: 25.12.2024).

⁷ Путин назвал условия появления будущего властелина мира // РБК. 2017, 1 сентября. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/01/09/2017/59a947189a79470f49873a14 (дата обращения: 25.12.2024).

правление развития искусственного интеллекта до 2030 года. Стратегия включает формирование необходимой инфраструктуры, содействие научным исследованиям и разработку российских технологий.

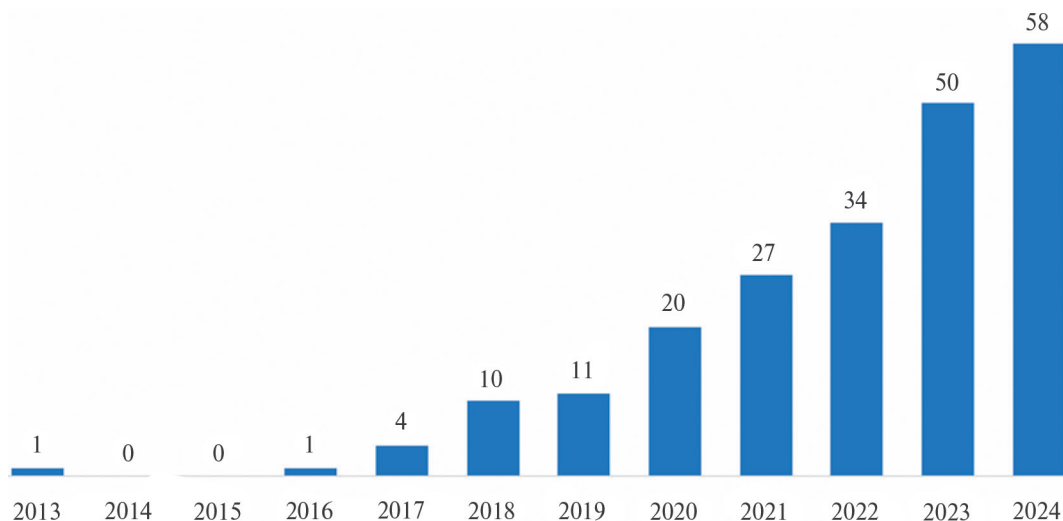

Рис. 3. Число публикаций по ИИ в журналистике в базе данных eLibrary по годам
 Источник: составлено В.А. Зориной.

Figure 3. Number of publications on AI in journalism in the eLibrary database by year
 Source: compiled by Violetta A. Zorina.

В 2022 году был запущен чат-бот с генеративным искусственным интеллектом ChatGPT, который позволяет генерировать тексты, отвечать на вопросы, передавать сложную информацию и многое другое на разных языках, включая русский, в диалоговом режиме. Система быстро обрела популярность, на старте она была доступна бесплатно.

В 2023 году в Москве произошел резонансный случай: студент РГГУ написал диплом с помощью ChatGPT⁸. Ситуация подтолкнула вузы к пересмотру политики проверки знаний студентов, а также подняла вопрос регуляции в области использования ИИ в образовательном процессе.

Резкий рост публикационной активности в 2023 году можно связать с медийной популярностью ИИ: мировые СМИ, новостные паблики пишут о нейросетях, специалисты в различных сферах активно осваивают ИИ для ускорения работы, а крупные IT-компании выпускают свои модели генеративного ИИ. Была выпущена новая модель GPT-4, которая превосходила предшествующую (GPT-3.5, на базе которой создавался ChatGPT). Более того, слова «искусственный интеллект» и «нейросети» стали словами года по данным британского словаря *Collins*⁹ и Института русского языка

⁸ Московский студент написал диплом с помощью нейросети // Москва24. 2023, 1 февраля. URL: <https://www.m24.ru/news/obrazovanie/01022023/546627> (дата обращения: 25.12.2024).

⁹ Словарь Collins Dictionary признал словом года AI — «искусственный интеллект» // Интерфакс. 2023, 1 ноября. URL: <https://www.interfax.ru/world/928581> (дата обращения: 25.12.2024).

им. А.С. Пушкина¹⁰. Поскольку нейросети продолжают совершенствоваться, рост количества публикаций по теме продолжится. Так, по мнению экспертов отраслевого портала *Marketing Interactive*, можно ожидать подъем эффективности медиа за счет ИИ¹¹.

В рамках данного исследования выбрано только два типа публикаций — «статья в журнале» и «материалы в сборнике конференций». Выбор был неслучайным. Именно там чаще всего публикуются не только состоявшиеся ученые, но и магистранты, аспиранты, представители поколения Z, обладающие продвинутыми цифровыми компетенциями и особыми ценностями (Волкова, 2013; Глухов, 2019; Солдатова и др., 2011; Roger, 2024). По результатам анализа выявлен общий рост количества статей, при этом публикации в журналах занимают 48% (103) от общего числа (216), а материалы конференций — 52% (113) (рис. 4).

Рис. 4. Соотношение типов публикаций

Источник: составлено В.А. Зориной.

Figure 4. The ratio of publication types

Source: compiled by Violetta A. Zorina.

Данное соотношение объяснимо: академические журналы, как правило, имеют ежеквартальную периодичность и долгое рецензирование, срок ожидания публикации может занимать от шести месяцев до полутора лет. В свою очередь, конференции проводятся чаще, критерии отбора материалов менее жесткие, скорость публикации выше. Всего в подборке их 85, многие — ежегодные. Среди конференций по теме искусственного интеллекта в журналистике следует выделить несколько (табл. 1)¹².

¹⁰ Институт Пушкина назвал главное слово года в русском языке // РБК. 2023, 18 декабря. URL: <https://www.rbc.ru/society/18/12/2023/657ffc1d9a79472cfba66e12> (дата обращения: 25.12.2024).

¹¹ Защитить и удивить: 10 медиатрендов 2024 года // ForbesClub. 2024. URL: <https://club.forbes.ru/practicum/zashhitit-i-udivit-potrebitelya-10-mediatrendov-2024-goda> (дата обращения: 25.12.2024).

¹² В выборку не попала XV Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы» (2024, РУДН), одно из направлений которой полностью посвящено ИИ. На момент подготовки статьи сборник материалов не выпущен.

Мы выявили топ-3 научных журналов с наибольшим количеством публикаций по интересующей теме: «Вопросы теории и практики журналистики» (8), «Знак: проблемное поле медиаобразования» (6), «Успехи гуманитарных наук» (5).

Таблица 1

Российские конференции с наибольшим количеством публикаций по теме ИИ в журналистике

Название конференции	Год проведения	Вуз-организатор	Количество публикаций по теме
V Международная научная конференция «MEDIAОбразование: медиа как тотальная повседневность»	2020	Челябинский государственный университет	6
VI Международная научная конференция «MEDIAОбразование: медиавключенность vs медиаизоляция»	2021		2
Всероссийская научно-практическая конференция «Региональные СМИ: пути взаимодействия с аудиторией»	2022	Забайкальский государственный университет	2
VII Международная научная конференция «MEDIAОбразование: цифровая среда в условиях вынужденной метаморфозы»	2022	Челябинский государственный университет	3
IV Международная студенческая научно-практическая конференция «Журналистика в глобальном мире»	2022	Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)	2
Международная научно-практическая конференция, посвященная 60-летию со дня рождения В.Р. Вашкевича «Корпоративные стратегические коммуникации: тренды в профессиональной деятельности»	2023	Белорусский государственный университет	2
I научная конференция «Журналистика XXI века: взгляд молодых ученых. Год педагога и наставника»	2023	Московский педагогический государственный университет	2
VI Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная памяти Г.М. Соловьёва «Журналистика, мультимедиа: информационный и социокультурный потенциал»	2023	Кубанский государственный университет	3
Международная научно-практическая конференция, посвященная 80-летию факультета журналистики Белорусского государственного университета «Журналистика в цифровую эпоху: технологии и методология творчества»	2024	Белорусский государственный университет	5
VIII Международная научная конференция «MEDIAОбразование. цифровая среда: между позитивом и деструкцией»	2024	Челябинский государственный университет	3
III Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Журналистика и медиакommunikation в цифровой среде – 2024»	2024	Российский государственный гуманитарный университет	3
Международный научный форум «Медиа в современном мире. 63-и петербургские чтения»	2024	Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ	7
Международная научно-практическая конференция «Журналистика и PR в условиях формирования новой медиасреды: традиции и новаторство»	2024	Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского	2

Источник: составлено В.А. Зориной.

Table 1

**Russian conferences with the largest number of publications
on the topic of AI in journalism**

Conference	Year	University	Number of publica- tions
V International Scientific Conference <i>MEDIAEducation: Media as Total Everyday Life</i>	2020	Chelyabinsk State University	6
VI International Scientific Conference <i>MEDIA-Education: Media Inclusion vs Media Isolation</i>	2021		2
All-Russian Scientific and Practical Conference <i>Regional Mass Media: Ways of Interaction with Audience</i>	2022	Transbaikal State University	2
VII International Scientific Conference <i>MEDIA-Education: Digital Environment in Forced Metamorphosis</i>	2022	Chelyabinsk State University	3
IV International Student Scientific and Practical Conference <i>Journalism in the Global World</i>	2022	Rostov State University of Economics	2
International Scientific and Practical Conference dedicated to the 60th anniversary of V.R. Vashkevich <i>Corporate Strategic Communications: Trends in Professional Activity</i>	2023	Belarusian State University	2
I Scientific Conference <i>Journalism of the XXI century: the view of young scientists. The Year of Educator and Mentor</i>	2023	Moscow State Pedagogical University	2
VI All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of G.M. Soloviev <i>Journalism, Multimedia: Information and Socio-Cultural Potential</i>	2023	Kuban State University	3
International Scientific and Practical Conference dedicated to the 80th anniversary of the Faculty of Journalism of the Belarusian State University <i>Journalism in the Digital Age: Technologies and Methodology of Creativity</i>	2024	Belarusian State University	5
VIII International Scientific Conference <i>MEDIAeducation. digital environment: between positivity and destructiveness</i>	2024	Chelyabinsk State University	3
III All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation <i>Journalism and Media Communications in the Digital Environment – 2024</i>	2024	Russian State University for the Humanities	3
International Scientific Forum <i>Media in the Modern World. 63rd St. Petersburg Readings</i>	2024	School of Journalism and Mass Communications, SPbSU	7
International Scientific and Practical Conference <i>Journalism and PR in the New Media Environment: Traditions and Innovation</i>	2024	Lobachevsky University	2

Source: compiled by Violetta A. Zorina.

Вуз автора. При анализе статей с коллективным авторством указывалось учреждение только первого автора, поэтому данный параметр нельзя считать полностью достоверным, тем не менее общую картину он демонстрирует. Согласно графику (рис. 5) наибольшее количество

авторов, интересующихся применением ИИ в области журналистики, — в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова и его филиале в Севастополе. Среди университетов, представленных на графике, три присутствуют в топ-500 *QS World University Rankings 2024*: МГУ имени М.В. Ломоносова (87-е место), СПбГУ (315-е место), РУДН имени П. Лумумбы (342-е место). Всего в корпусе — 93 университета.

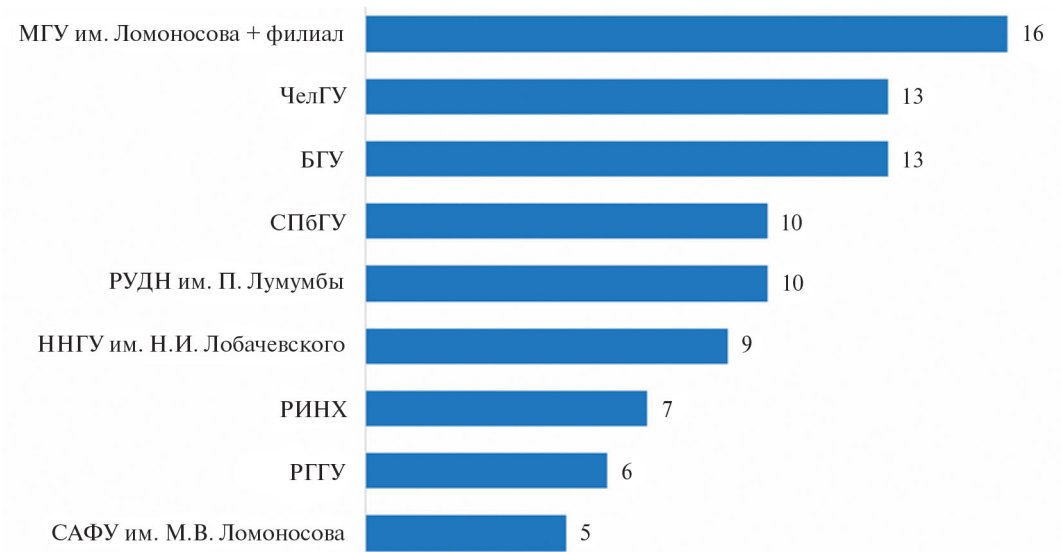

Рис. 5. Топ вузов с наибольшим количеством публикаций

Источник: составлено В.А. Зориной.

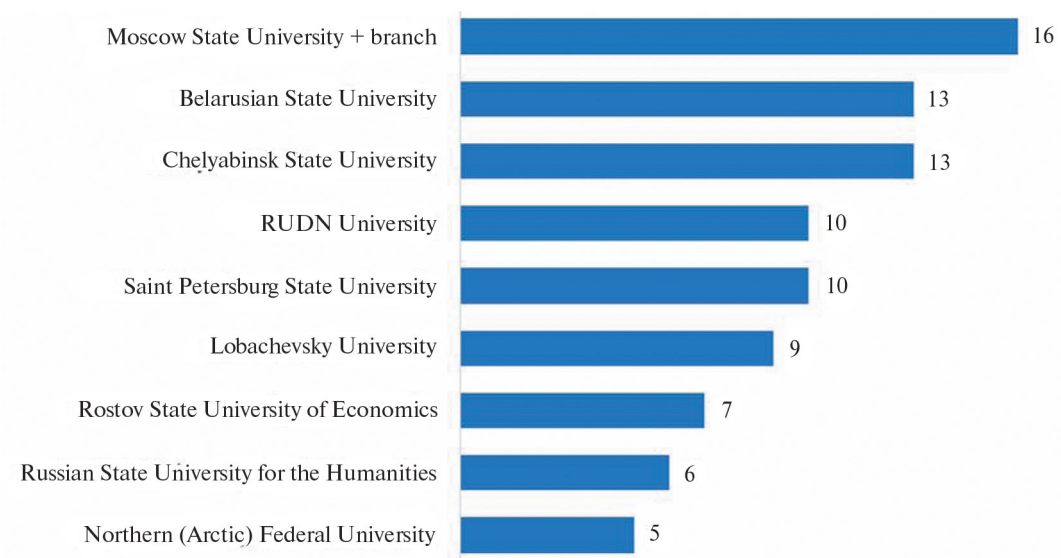

Figure 5. Top universities with the largest number of publications

Source: compiled by Violetta A. Zorina.

Активные авторы. Анализ публикационной активности автора позволяет оценить степень интереса к проблемам ИИ в журналистике, а также выявить тех ученых, которые непосредственно работают с этим тематическим

направлением. По результатам анализа выявлен топ-10 авторов (3 и более публикаций), при этом цитируемость их статей в целом ранжируется иначе (табл. 2).

Таблица 2

Топ-10 российских авторов с наибольшим количеством публикаций по теме ИИ в журналистике

Автор	Количество тематических публикаций	Общая цитируемость публикаций
Морозова А.А.	8	24
Арсентьева А.Д.	6	8
Бейненсон В.А.	5	22
Неренц Д.В.	5	3
Зорина В.А.	4	4
Замков А.В.	4	117
Крашенинникова М.А.	4	94
Лукина М.М.	3	94
Кунакова П.О.	3	2
Шнайдер А.	3	1

Источник: составлено В.А. Зориной.

Table 2

Top 10 Russian authors with the most publications on the topic of AI in journalism

Author	Number of topical publications	Total citation rate of publications
Morozova A.A.	8	24
Arsentieva A.D.	6	8
Beynenson V.A.	5	22
Nerents D.V.	5	3
Zorina V.A.	4	4
Zamkov A.V.	4	117
Krasheninnikova M.A.	4	94
Lukina M.M.	3	94
Kunakova P.O.	3	2
Schneider A.	3	1

Source: compiled by Violetta A. Zorina.

В ходе сбора корпуса публикаций из базы *eLibrary* отмечено, что несмотря на высокую публикационную активность, цитируемость этих работ в основном отсутствует или цитирование менее 10. Всего за 2013–2024 годы по изучаемой тематике опубликовано 216 работ, из которых только 49 цитировались. В таблице 3 представлены 13 статей с наибольшим количеством цитирования (более 10).

Как видно из таблицы, большая часть цитируемых публикаций вышла в 2019 году, когда новые технологии активно осваивались и проникали в различные сферы. Некоторые авторы, которые попали в топ-10 с наибольшим числом публикаций (табл. 2), имеют низкую цитируемость статей с единоличным авторством: это аргумент в пользу коллективного авторства.

Таблица 3

**Публикации по ИИ в журналистике (2013–2024), имеющие высокий уровень цитирования
(данные на 26.12.2024)**

Рейтинг	Год публикации	Цитируемая статья	Количество цитирований
1	2017	<i>Замков А.В., Крашенинникова М.А., Лукина М.М., Цынарева Н.А.</i> Роботизированная журналистика: от научного дискурса к журналистскому образованию // Медиаскоп. 2017. № 2	58
2	2019	<i>Чертовских О.О., Чертовских М.Г.</i> Искусственный интеллект на службе современной журналистики: история, факты и перспективы развития // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8. № 3. С. 555–568	49
3	2019	<i>Суходолов А.П., Бычкова А.М., Ованесян С.С.</i> Журналистика с искусственным интеллектом // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8. № 4. С. 647–667	46
4	2018	<i>Третьяков А.О., Филатова О.Г., Жук Д.В., Горлушкина Н.Н., Пучковская А.А.</i> Метод определения русскоязычных фейковых новостей с использованием элементов искусственного интеллекта // International Journal of Open Information Technologies. 2018. Т. 6. № 12. С. 99–105	29
5	2022	<i>Лукина М.М., Замков А.В., Крашенинникова М.А., Кульчицкая Д.Ю.</i> Искусственный интеллект в российских медиа и журналистике: к дискуссии об этической кодификации // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11. № 4. С. 680–694	25
6	2019	<i>Сальникова Л.С.</i> Роботы против журналистов: есть ли у журналистики будущее? // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8. № 4. С. 668–678	23
7	2019	<i>Замков А.В.</i> Новостной медиаробот: теоретические аспекты интеллектуальной системы генерации контента // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8. № 2. С. 260–273	23
8	2020	<i>Шестерина А.М., Шестерин Н.О.</i> О корректности использования термина «искусственный интеллект» в медиасфере // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2020. № 4(29). С. 5	18
9	2021	<i>Морозова А.А., Попова С.Н.</i> Феномен искусственного интеллекта в современной науке: понятие, векторы и проблемы применения в сфере массмедиа // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2021. № 4(42). С. 41–52	15
10	2019	<i>Богатырева В.Н.</i> Искусственный интеллект в журналистике как современный медиатренд // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 8(36). С. 203–206	14
11	2023	<i>Бейненсон В.А.</i> Применение генеративных нейросетей в журналистике: проблемы и перспективы // Динамика медиасистем. 2023. Т. 3, № 1. С. 352–359	13
12	2019	<i>Гикис С.Н.</i> Информационные технологии в журналистике: вызовы XXI века (на примере работы глобальных агентств новостей) // Вестник Пятигорского государственного университета. 2019. № 1. С. 98–101	11
13	2023	<i>Давыдов С.Г., Замков А.В., Крашенинникова М.А., Лукина М.М.</i> Использование технологий искусственного интеллекта в российских медиа и журналистике // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2023. № 48(5). С. 3–21	11

Источник: составлено В.А. Зориной.

Table 3

**Publications on AI in journalism (2013–2024) with a high citation rate
(data as of 26.12.2024)**

Rating	Year of publication	Article cited	Number of citations
1	2017	Zamkov, A.V., Krasheninnikova, M.A., Lukina, M.M., & Tsynareva, N.A. (2017). Robotic journalism: from scientific discourse to journalism education. <i>Mediascope</i> , (2). (In Russ.)	58
2	2019	Chertovskikh, O.O., & Chertovskikh, M.G. (2019). Artificial intelligence in the service of modern journalism: history, facts and prospects of development. <i>Theoretical and Practical Issues of Journalism</i> , 8(3), 555–568. (In Russ.)	49
3	2019	Sukhodolov, A.P., Bychkova, A.M., & Hovhannisyan, S.S. (2019). Journalism with artificial intelligence. <i>Theoretical and Practical Issues of Journalism</i> , 8(4), 647–667. (In Russ.)	46
4	2018	Tretyakov, A.O., Filatova, O.G., Zhuk, D.V., Goruskikh, N.N., & Puchkovskaya, A.A. (2018). Method for determining Russian-language fake news using elements of artificial intelligence. <i>International Journal of Open Information Technologies</i> , 6(12), 99–105. (In Russ.)	29
5	2022	Lukina, M.M., Zamkov, A.V., Krasheninnikova, M.A., & Kulchitskaya, D.Y. (2022). Artificial intelligence in Russian media and journalism: to the discussion on ethical codification. <i>Theoretical and Practical Issues of Journalism</i> , 11(4), 680–694. (In Russ.)	25
6	2019	Salnikova, L.S. (2019). Robots vs. Journalists: does journalism have a future? <i>Theoretical and Practical Issues of Journalism</i> , 8(4), 668–678. (In Russ.)	23
7	2019	Zamkov, A.V. (2019). News media robot: theoretical aspects of the intellectual system of content generation. <i>Theoretical and Practical Issues of Journalism</i> , 8(2), 260–273. (In Russ.)	23
8	2020	Shesterina, A.M., & Shesterin, N.O. (2020). On the correctness of using the term <i>artificial intelligence</i> in the media sphere. <i>Memoirs of NovSU</i> , (4), 5. (In Russ.)	18
9	2021	Morozova, A.A., & Popova, S.N. (2021). Phenomenon of artificial intelligence in modern science: concept, vectors and problems of application in the field of mass media. <i>Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya</i> , (4), 41–52. (In Russ.)	15
10	2019	Bogatyeva, V.N. (2019). Artificial intelligence in journalism as a modern media trend. <i>Skif. Voprosy studentcheskoj nauki</i> , (8), 203–206. (In Russ.)	14
11	2023	Beynenson, V.A. (2023). Application of generative neural networks in journalism: problems and prospects. <i>Dynamics of Media Systems</i> , 3(1), 352–359. (In Russ.)	13
12	2019	Gikis, S.N. (2019). Information technologies in journalism: challenges of the XXI century (on the example of the work of global news agencies). <i>Pyatigorsk State University Bulletin</i> , (1), 98–101. (In Russ.)	11
13	2023	Davydov, S.G., Zamkov, A.V., Krasheninnikova, M.A., & Lukina, M.M. (2023). The use of artificial intelligence technologies in Russian media and journalism. <i>Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika</i> , (48), 3–21. (In Russ.)	11

Source: compiled by Violetta A. Zorina.

Заключение

Активный рост публикационной активности академических ученых и преподавателей вузов в сфере искусственного интеллекта и журналистики начался в 2018 году. Итоговая выборка в 216 статей показала соотноше-

ние разных типов научных изданий, в которых размещены публикации. Небольшой перевес (2%) у сборников материалов конференций, порог вхождения туда ниже и публикационный цикл короче, чем у журналов. Лидер — журнал «Вопросы теории и практики журналистики» Байкальского государственного университета. Он включен в ведущие системы цитирования (РИНЦ, ВАК, *Scopus*, *WoS*), находится в «белом списке» российских научных журналов. Среди вузов наибольшее количество публикаций по изучаемой теме у факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. Самые цитируемые статьи находятся у истоков развития темы, их авторы в свое время обозначили вектор научного поиска и определили сферы применения ИИ в журналистике. Наиболее часто цитируемая отечественная публикация за период 2013–2024 годы — статья А.В. Замкова, М.А. Крашенинковой, М.М. Лукиной и Н.А. Цынаревой «Роботизированная журналистика: от научного дискурса к журналистскому образованию», опубликованная в 2017 году в электронном научном издании «Медиаскоп» (факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова).

Следует подчеркнуть, что с активным внедрением практик работы с нейросетями в образовательный процесс, а также открытием факультетов и подразделений по ИИ в вузах, можно ожидать повышения публикационной активности исследователей по проблемам применения ИИ в медиа в различных учебных заведениях высшего образования.

В настоящее время в мире активно обсуждают GPT-5 — следующее поколение генеративной модели, которое приблизит мир к появлению AGI (Artificial General Intelligence) — сверхумной нейросети, сравнимой с человеческим мозгом. Появление подобной модели вызывает тревогу: есть опасность потери контроля над нейросетью. Развитие возможностей искусственного интеллекта требует системных исследований в разных сферах и, как следствие, количество научных публикаций будет расти.

Список литературы

- Бейненсон В.А. Применение генеративных нейросетей в журналистике: проблемы и перспективы // Динамика медиасистем. 2023. Т. 3. № 1. С. 352–359.
- Болдина К.А. Риски автоматизации новостной журналистики на основе ИИ // Успехи гуманитарных наук. 2024. № 3. С. 7–14. <https://doi.org/10.58224/2618-7175-2024-3-7-14>
- Велитченко С.Н. К вопросу о применении технологий искусственного интеллекта и нейросетей в СМИ // Общество и человек. 2024. № 1(48). С. 36–40.
- Волкова И.И. Поколенческая специфика восприятия игрового медийного контента // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 775. URL: <https://science-education.ru/en/article/view?id=11154>
- Глухов А.П. Цифровая грамотность поколения Z: социально-сетевой ракурс // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 52. С. 126–137. <http://dx.doi.org/10.17223/1998863X/52/13>

- Иванов А.Д. Роботизированная журналистика и первые алгоритмы на службе редакций международных СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2015. Т. 2. № 16. С. 32–40.
- Иляхина А.А., Деева И.В. Перспективы применения технологий искусственного интеллекта в журналистике // Вестник науки. 2024. Т. 3. № 1(70). С. 580–588.
- Кишкембаев М. Актуальные проблемы защиты авторских прав на объект, созданный искусственным интеллектом // Вестник Торайгыров университета. Юридическая серия. 2024. № 3. С. 75–86. <https://doi.org/10.48081/ZUSZ1934>
- Кокорева А.Р. Правовое регулирование использования технологий искусственного интеллекта при создании авторского контента // Научный аспект. 2024. Т. 11. № 7. С. 1353–1363.
- Солдатова Г.В., Зотова Е.Ю., Чекалина А.И., Гостимская О.С. Пойманные одной сетью : социально-психологическое исследование представлений детей и взрослых об интернете. М. : Фонд развития интернета, 2011. 176 с.
- Сорокин Н.С. Роботизированная журналистика в России: есть ли перспектива // Мир науки, культуры, образования. 2023. Т. 1. № 98. С. 335–337. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-198-335-337>
- Черноусов Д.А. Риски использования систем искусственного интеллекта в роботизированной/цифровой журналистике // Труды по интеллектуальной собственности. 2023. Т. 44. № 1. С. 96–103. <https://doi.org/10.17323/tis.2023.16887>
- Breke S.S., Trivundza I.T. Algorithmisation of a National Press Agency: the case of STA // Javnost – The Public. 2019. Vol. 26. No. 1. P. 62–81.
- Calvo Rubio L., Ufarte Ruiz M.J. Artificial intelligence and journalism: Systematic review of scientific production in Web of Science and Scopus (2008–2019) // Communication & Society. 2021. Vol. 34. No. 2. P. 159–176. <https://doi.org/10.15581/003.34.2.159-176>
- Chetouani N. Exploring Changing Practices and Influence of Artificial Intelligence on Modern Journalism // DIROSAT: Journal of Education, Social Sciences & Humanities. 2024. Vol. 2. No. 4. P. 329–341. <https://doi.org/10.58355/dirosat.v2i4.111>
- Gutiérrez-Caneda B., Vázquez Herrero J., García X. AI application in journalism: ChatGPT and the uses and risks of an emergent technology // El Profesional de la información. 2023. Vol. 32. No. 5. <https://doi.org/10.3145/epi.2023.sep.14>
- Kalpukas I., Šalaševičiūtė V., Lipskė M. Technology as a Threat or a Solution? The Challenges of Responding to Synthetic Media // Baltic Journal of Law & Politics. 2024. Vol. 16. P. 1–22. <https://doi.org/10.2478/bjlp-2023-0010>
- Kunert J. Automation in Sports Reporting: Strategies of Data Providers, Software Providers, and Media Outlets // Media and Communication. 2020, Vol. 8. No. 3. P. 5–15. <https://doi.org/10.17645/mac.v8i3.2996>
- Lewis S.C., Sanders A.K., Carmody C. Libel by Algorithm? Automated Journalism and the Threat of Legal Liability // Journalism and Mass Communication Quarterly. 2019. Vol. 96. No. 1. P. 60–81. <https://doi.org/10.1177/1077699018755983>
- Monti M. Automated Journalism and Freedom of Information: Ethical and Juridical Problems Related to AI in the Press Field // Opinio Juris in Comparatione. 2019. Vol. 1. No. 1. P. 1–17.
- Roger A. The secret digital behaviors of Gen Z // Business Insider. URL: <https://www.businessinsider.com/gen-z-most-trusted-news-source-online-comment-sections-google-2024-6>
- Zorina V.A., Osipovskaya E.A. Literature Review on Artificial Intelligence in Journalism: A Bibliometric Analysis of Publications Indexed in the Web of Science and Scopus // Theoretical and Practical Issues of Journalism. 2021. Vol. 10. No. 4. P. 734–744. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(4\).734-744](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(4).734-744)

References

- Beynenson, V.A. (2023). Application of generative neural networks in journalism: problems and prospects. *Dynamics of Media Systems*, 3(1), 352–359. (In Russ.)
- Boldina, K.A. (2024). Risks of news journalism automation on the basis of AI. *Modern Humanities Success*, (3), 7–14. (In Russ.) <https://doi.org/10.58224/2618-7175-2024-3-7-14>
- Brek, S.S., & Trivundza, I.T. (2019). Algorithmisation of a National Press Agency: the case of STA. *Javnost – The Public*, 26(1), 62–81.
- Calvo Rubio, L., & Ufarte Ruiz, M.J. (2021). Artificial intelligence and journalism: Systematic review of scientific production in Web of Science and Scopus (2008–2019). *Communication & Society*, 34(2), 159–176. <https://doi.org/10.15581/003.34.2.159-176>
- Chernousov, D.A. (2023). Risks of using artificial intelligence systems in robotic/digital journalism. *Proceedings on Intellectual Property*, 44(1), 96–103. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/tis.2023.16887>
- Chetouani, N. (2024). Exploring Changing Practices and Influence of Artificial Intelligence on Modern Journalism. *DIROSAT: Journal of Education, Social Sciences & Humanities*, 2(4), 329–341. <https://doi.org/10.58355/dirosat.v2i4.111>
- Glukhov, A.P. (2019). Generation Z's digital literacy: a social network view. *State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 52, 126–137. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.17223/1998863X/52/13>
- Gutiérrez-Caneda, B., Vázquez Herrero, J., & García, X. (2023). AI application in journalism: ChatGPT and the uses and risks of an emergent technology. *El Profesional de la información*, 32(5). <https://doi.org/10.3145/epi.2023.sep.14>
- Ilyakhina, A.A., & Deeva, I.V. (2024). Prospects of application of artificial intelligence technologies in journalism. *Vestnik nauki*, 3(1), 580–588. (In Russ.)
- Ivanov, A.D. (2015). The robotic journalism and the first algorithms on service of editions of the international mass media. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija*, 16(2), 32–40. (In Russ.)
- Kalpokas, I., Šalaševičiūtė, V., & Lipskė, M. (2024). Technology as a Threat or a Solution? The Challenges of Responding to Synthetic Media. *Baltic Journal of Law & Politics*, 16, 1–22. <https://doi.org/10.2478/bjlp-2023-0010>
- Kishkembayev, M. (2024). Actual problems of copyright protection for the object created by artificial intelligence. *Bulletin of Toraigrov University. Law series*, (3), 75–86. (In Russ.) <https://doi.org/10.48081/ZUSZ1934>
- Kokoreva, A.R. (2024). Legal regulation of the use of artificial intelligence technologies in the creation of author's content. *Scientific aspect*, 11(7), 1353–1363. (In Russ.)
- Kunert, J. (2020). Automation in Sports Reporting: Strategies of Data Providers, Software Providers, and Media Outlets. *Media and Communication*, 8(3), 5–15. <https://doi.org/10.17645/mac.v8i3.2996>
- Lewis, S.C., Sanders, A.K., & Carmody, C. (2019). Libel by Algorithm? Automated Journalism and the Threat of Legal Liability. *Journalism and Mass Communication Quarterly*, 96(1), 160–81. <https://doi.org/10.1177/1077699018755983>
- Monti, M. (2019). Automated Journalism and Freedom of Information: Ethical and Juridical Problems Related to AI in the Press Field. *Opinio Juris in Comparatione*, 1(1), 1–17.
- Roger, A. (2024). The secret digital behaviors of Gen Z. *Business Insider*. <https://www.businessinsider.com/gen-z-most-trusted-news-source-online-comment-sections-google-2024-6>
- Soldatova, G.V., Zotova, E.Yu., Chekalina, A.I., & Gostimskaya, O.S. (2011). *Caught with one network: a socio-psychological study of the perceptions of children and adults of the Internet*. Moscow: Foundation for Internet Development Publ. (In Russ.)

- Sorokin, N.S. (2023). Robotic journalism in Russia: is there a prospect. *The world of science, culture and education*, 1(98), 335–337. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-198-335-337>
- Velitchenko, S.N. (2024). Toward the application of artificial intelligence technologies and neural networks in the media. *Society and Man*, 48(1), 36–40. (In Russ.)
- Volkova, I.I. (2013). Generational specifics in perception of gaming media content. *Modern problems of science and education*, 6, 775. (In Russ.) <https://science-education.ru/en/article/view?id=11154>
- Zorina, V.A., & Osipovskaya, E.A. (2021). Literature Review on Artificial Intelligence in Journalism: A Bibliometric Analysis of Publications Indexed in the Web of Science and Scopus. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 10(4), 734–744. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(4\).734-744](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(4).734-744)

Сведения об авторе:

Зорина Виолетта Александровна, преподаватель кафедры массовых коммуникаций, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-2464-9168; SPINE-код: 4260-3376. E-mail: zorina-val@rudn.ru

Bio note:

Violetta A. Zorina, Lecturer, Department of Mass Communications, Faculty of Philology, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-2464-9168; SPINE-code: 4260-3376. E-mail: zorina-val@rudn.ru

МЕДИАПОЛИТИКА

MEDIA POLICY

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-1-161-171

EDN: UODKFE

УДК 327

Научная статья / Research article

Президентские выборы в Турецкой Республике в информационном пространстве стран Балканского полуострова: медиагеографический анализ

А.А. Мулина^{id}✉, Т.С. Якова^{id}

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
✉ bogdanovich-arina@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования информационного пространства Балканских государств, проведенного во время президентских выборов в Турции в 2023 году. Авторы обратились к этому периоду как к одному из самых ярких политических событий страны за последние пять лет. Цель работы — установить уровень интереса к внутриполитическим событиям Турции как со стороны жителей Балканского полуострова, так и со стороны национальных СМИ Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины, а также сравнить полученные данные, выявить корреляцию между ними. Выдвигается гипотеза, что граждане балканских государств уделяют большое внимание вопросам внешней и внутренней политики Турции. Однако уровень их интереса — анализ больших данных в пространственно-временной системе координат (медиагеографический подход). Ранговый и медиаметрический анализ позволяют проследить динамику изменения количества запросов по темам «Турция» и «Реджеп Тайип Эрдоган» — основным маркерам президентской гонки. Результаты второго этапа исследования (контент-анализ публикаций национальных массмедиа Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины) позволяют сопоставить итоги двух этапов анализа. Авторы приходят к выводу, что интернет-пользователи балканских государств не проявили значительного интереса к политической жизни Турецкой Республики и рассматривали указанную страну в большей степени как место для туризма и отдыха, в то время как национальные СМИ этого региона значительно чаще обращались к политической жизни Турции, чем к другим темам.

Ключевые слова: Балканы, Турция, политика, большие данные, ранговый анализ, медиагеографический подход

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Мулина А.А., Якова Т.С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов. Сбор исследовательских материалов, анализ данных, написание рукописи — А.А. Мулина; анализ данных и редактирование рукописи — Т.С. Якова.

История статьи: поступила в редакцию 7 июля 2024 г.; отрецензирована 12 сентября 2024 г.; принята к публикации 28 сентября 2024 г.

Для цитирования: Мулина А.А., Якова Т.С. Президентские выборы в Турецкой Республике в информационном пространстве стран Балканского полуострова: медиагеографический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 1. С. 161–171. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-161-171>

Presidential Elections in the Republic of Turkey in the Information Space of the Balkan Countries: Media Geographical Analysis

Arina A. Mulina^{}, Tamara S. Yakova^{}

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 bogdanovich-arina@mail.ru

Abstract. Presents the results of a study of the information space of the Balkan states conducted during the presidential elections in Turkey in 2023. The authors referred to this period as one of the most striking political events in the country over the past five years. The purpose of the proposed work is to identify the level of interest in Turkey's domestic political events both from residents of the Balkan countries and from the national media of Serbia, Croatia, Bosnia and Herzegovina, as well as to compare the data obtained and identify a correlation between them. It is hypothesized that the inhabitants of the Balkan states pay great attention to the issues of Turkey's foreign and domestic policy. The level of interest of residents of these states is revealed based on the analysis of big data in the spatial-temporal coordinate system (media geographic approach). Ranking and media metric analysis made it possible to trace the dynamics of changes in the number of requests on the topics *Turkey* and *Recep Tayyip Erdogan* (the main markers of the presidential race). The results of the second stage of the study (content analysis of publications of the national mass media of Serbia, Croatia and Bosnia and Herzegovina) allowed us to compare the results of the two stages of the analysis. The authors conclude that Internet users of the Balkan states did not show significant interest in the political life of the Republic of Turkey and considered the country more as a place for tourism and recreation, while the national media of this region turned much more often to the political life of Turkey than to other topics.

Keywords: Balkans, Turkey, politics, big data, rank analysis, media geographical approach

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Authors' contribution. Research data collection, data analysis, manuscript writing — Arina A. Mulina; data analysis and manuscript editing — Tamara S. Yakova.

Article history: submitted July 7, 2024; revised September 12, 2024; accepted September 28, 2024.

For citation: Mulina, A.A., & Yakova, T.S. (2025). Presidential Elections in the in the Republic of Turkey in the Information Space of the Balkan Countries: Media Geographical Analysis. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(1), 161–171. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-161-171>

Введение

Взаимоотношения стран Балканского полуострова и Турецкой Республики основаны на тесных политических, экономических, социальных, географических и исторических связях (Арляпова, Пономарёва, 2023; Ali, 2022; Alpan, & Ozturk, 2022). Балканское направление внешней политики Турции часто становится предметом научных изысканий российских (Ананьев, 2014; Свистунова, 2020) и зарубежных (Bebler, 2017; Demirtas, 2015; Ozturk, 2023) исследователей.

За последние пять лет Турция активизировалась в балканском направлении, пользуясь двумя основными факторами: пандемией COVID-19 (Demirtas, 2022) и началом специальной военной операции России на Украине (Kudayarov, 2024). В 2019–2021 годах Турецкая Республика оказывала всестороннюю помощь балканским странам в решении различных проблем, связанных с распространением коронавируса, очевидно выступая в качестве альтернативы ключевому игроку на полуострове — Европейскому союзу, который испытывал проблемы с поставками вакцин и другой медицинской и финансовой помощи странам «на периферии» (Исламов, 2023). С февраля 2022 года у Турции появилась возможность обрести еще больший политический вес в регионе в связи с ожидаемым ослаблением влияния России.

Учитывая особенности отношений каждой из стран Балканского полуострова с Турцией, можно предположить, что президентские выборы 2023 года, которые могли привести к изменению вектора внешней политики государства, не остались незамеченными. В настоящий момент балканский вектор политики Турецкой Республики зависит от инициированных Р. Эрдоганом проектов в сфере экономики, энергетики и др. (Евсеев, Пивоваренко, Гаджиев, 2021; Huskic, & Firat Buyuk, 2022).

Цель статьи — выявить, каким образом освещались события президентских выборов в Турции в феврале-мае 2023 года в национальных СМИ Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины, обозначить особенности презентации упомянутых событий в контексте влияния Турции на региональную политику на Балканах, а также определить уровень заинтересованности балканской общественности в политических процессах Турции.

Материалы и методы

Для достижения поставленных целей использован медиагеографический подход к исследованию, суть которого подробно изложена в работах И.А. Николайчука, М.М. Янглева и Т.С. Яковой (2018; 2020; 2023). Он

позволяет комплексно рассмотреть вопрос потребления политических смыслов аудиториями разных стран мира в условиях медиатизации политики (Янглева, 2023). Проведенное исследование базируется на анализе больших данных, извлеченных из системы Google Trends в период с 01.06.2022 по 01.07.2023. Это позволяет зафиксировать изменения интересов интернет-пользователей Балканских стран в разные периоды избирательной кампании. Отметим, что сервис Google Trends — это возможность увидеть частоту обращений к тому или иному термину (в качестве которого может выступать слово или словосочетание) по отношению к общему количеству запросов по теме исследования. Медиагеографический анализ уже был апробирован авторами в контексте изучения проблемы конструирования национальной идентичности в разных странах на современном этапе (Богданович, 2021; Якова, Янглева, 2019).

Эмпирическую базу исследования составила статистика из поисковых систем Google и Яндекс, а также публикации национальных СМИ Боснии и Герцеговины (*Dnevni Avaz*, *Glas Srpske*), Сербии (*Politika*) и Хорватии (*Jutarnji List*) с февраля по май 2023 года. Для более глубокого анализа информационного освещения президентских выборов в Турции в СМИ Боснии и Герцеговины выбраны два издания: боснийское (*Dnevni Avaz*) и сербское (*Glas Srpske*). Контент-анализ проведен по материалам данных изданий (102 статьи¹).

Результаты и обсуждение

Исследование балканского интернет-пространства

Для формирования представления о том, насколько актуальна тема «Турция» на территории балканских государств, мы обратились к сервису Google Trends, который фиксирует запросы аудитории и группирует их в единые кластеры. Одна из задач исследования — выявление уровня интереса интернет-пользователей балканских стран к политической жизни Турции, для чего были проанализированы запросы по темам «Турция» и «Реджеп Тайип Эрдоган».

На приведенном графике видно, что общий интерес к теме «Турция» в балканских странах неоднороден. В трех исследуемых государствах пик (абсолютное значение 100) по теме «Турция» приходится на период с 5 по 11 февраля 2023 года. В это время в Турции произошло сильное землетрясение, ставшее причиной гибели десятков тысяч людей. В сентябре 2022 года, во время визита Эрдогана на Балканы, значительное повышение количества обращений к теме (пик) фиксируется только в Сербии. Точно такой же пик можно наблюдать в ноябре 2022 года, когда на главной туристической

¹ Отметим, что абсолютное число публикаций о Турции в каждом из указанных СМИ превышает количество отобранных материалов, однако анализировались только те материалы, которые непосредственно относились к теме исследования.

улице Стамбула произошел теракт. При сравнительном анализе данных по трем странам наиболее стабильным выглядит интерес к Турции среди интернет-пользователей Боснии и Герцеговины.

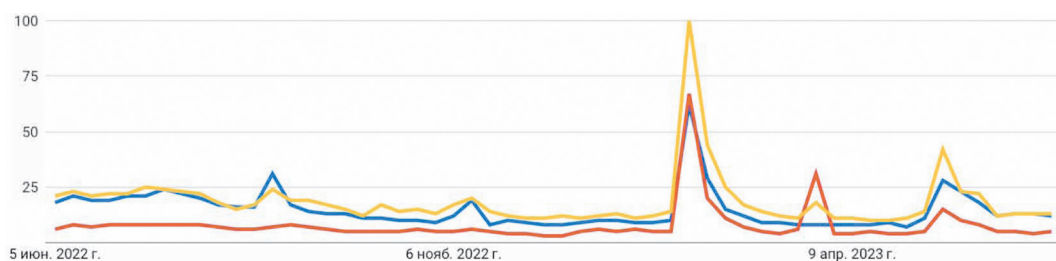

Рис. 1. Динамика относительной популярности по теме «Турция» на территории Боснии и Герцеговины (желтый), Сербии (синий) и Хорватии (красный) в период с 01.06.2022 по 01.07.2023

Источник: выполнено А.А. Мулиной и Т.С. Яковой.

Figure 1. Dynamics of relative popularity on the topic Turkey in Bosnia and Herzegovina (yellow), Serbia (blue) and Croatia (red) in the period from 06.01.2022 to 07.01.2023

Source: completed by Arina A. Mulina, & Tamara S. Yakova.

При анализе других запросов, связанных с Турцией, было выявлено расхождение интересов: граждане Хорватии в большей степени обращались к вопросам, касающимся землетрясения, что связано с особым расположением государства (Хорватия находится в сейсмоактивной зоне). Для граждан Сербии наиболее остро стоял вопрос летнего отдыха в Турции и рисков, связанных с ним на фоне землетрясения. Жители Боснии и Герцеговины обращались к двум вышеуказанным темам, а также к предстоящим президентским выборам с одинаково высоким уровнем интереса.

Запрос «Реджеп Тайип Эрдоган» (маркируется Google Trends как тема) фиксировался на территории трех исследуемых стран (рис. 2).

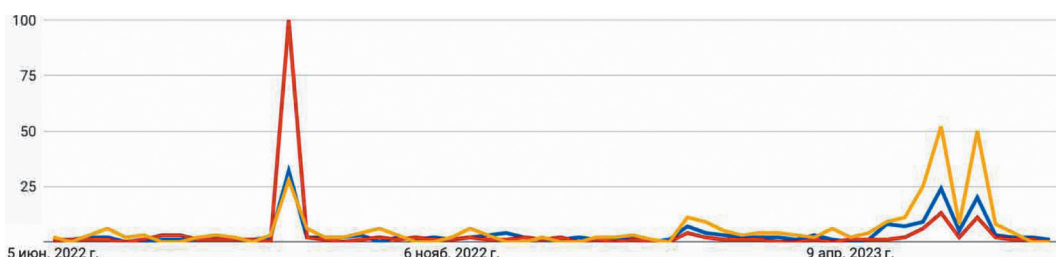

Рис. 2. Динамика относительной популярности по теме «Реджеп Тайип Эрдоган» на территории Боснии и Герцеговины (желтый), Сербии (синий) и Хорватии (красный) в период с 01.06.2022 по 01.07.2023

Источник: выполнено А.А. Мулиной и Т.С. Яковой.

Figure 2. Dynamics of relative popularity on the topic Recep Tayyip Erdogan in Bosnia and Herzegovina (yellow), Serbia (blue) and Croatia (red) in the period from 06.01.2022 to 07.01.2023

Source: completed by Arina A. Mulina, & Tamara S. Yakova.

Пик интереса приходится на 4–10 сентября 2022 года — время трехдневного визита Эрдогана на Балканы, который был связан с политическим кризисом в Боснии и Герцеговине. Во время упомянутого визита главами Турции и Хорватии был поднят вопрос о положении хорватского населения в Боснии и Герцеговине, именно с этим может быть связан резкий всплеск количества запросов по теме на территории Хорватии.

Во время землетрясения в феврале 2023 года количество запросов по теме «Реджеп Тайип Эрдоган» повысилось, хотя и несущественно, только в Боснии и Герцеговине. На территории Сербии и Хорватии фиксируется лишь незначительный их рост. Примечательно, что, как будет видно из приведенного ниже анализа средств массовой информации, в Хорватии тема президентских выборов освещалась с февраля 2023 года и рассматривалась в контексте произошедшего землетрясения. Тем не менее в интернет-пространстве связь между интересами пользователей к личности действующего президента Турции и землетрясению не выявлена.

Рассмотрим популярность темы «Реджеп Тайип Эрдоган» во время президентских выборов в мае 2023 года (рис. 2). Очевидно, что во время первого и второго туров внимание жителей балканских государств оставалось примерно на одном уровне.

Подводя итоги, можно сказать, что население Сербии и Хорватии практически не интересуется политической ситуацией в Турции. Интерес к президентским выборам проявляется только в Боснии и Герцеговине — государстве, на которое Турция имеет влияние в политическом отношении.

Результаты анализа публикаций национальных средств массовой информации Балканских стран

Анализ публикаций позволил выделить два противоположных кластера: негативное отношение к политической ситуации в Турции (Хорватия, Босния и Герцеговина) и нейтральное (Сербия). Наиболее яркая негативная оценка прослеживается в хорватском издании *Jutarnji List*, где Турция представлена как страна, которая расколота на два лагеря. Тема выборов появляется в хорватском СМИ раньше, чем в других странах. Так, журналисты связывают землетрясение февраля 2023 года с потенциальным проигрышем Р. Эрдогана.

На протяжении всей предвыборной гонки хорватские журналисты активно публикуют результаты различных опросов, из которых можно сделать практически однозначный вывод о проигрыше Р. Эрдогана. Более того, во многих статьях президент Турции представлен как «деспот», держащий власть в своих руках и ведущий страну к экономическому краху. Чаще всего хорватские журналисты называют Р. Эрдогана султаном.

Укажем, однако, что обилие негативно окрашенных материалов, в которых содержится повторяющаяся информация (так, например, ярлык

«султан» встречается практически в каждой статье наряду с «автократией», «фейковой демократией» и др.), вероятно, не отражает реального отношения Хорватии (особенно политических элит) к президентской гонке в Турции. Тем не менее анализ выбранных публикаций позволил заключить, что Эрдоган является удобным для европейских лидеров президентом, так как его нахождение у власти отодвигает на неопределенный срок переговоры по вступлению Турции в ЕС. Вопрос присоединения Турции к ЕС стоит особенно остро в контексте миграционного кризиса, так как ранее часть беженцев либо оставалась в Турции, либо экстрадировалась туда на основании договора между Турцией и ЕС.

Освещение президентских выборов в Турции в хорватских СМИ соответствует общеевропейской позиции относительно политической ситуации в Турецкой Республике. Хорватские журналисты не рассматривают данное событие в контексте балканской политики Турции.

В сербской газете *Politika* представлена нейтральная позиция по отношению к президентским выборам в Турции. Выборы 2023 года рассматриваются как «экзамен», который предстоит пройти Р. Эрдогану. «Консервативное» и «авторитарное» правление действующего президента представлено как нечто привычное в глазах турецкой общественности. В фокусе внимания журналистов оказываются факторы, которые явно сигнализируют об отсутствии симпатии среди сербского общества к обоим кандидатам.

Наиболее важный аспект внешней политики Р. Эрдогана, по мнению сербских журналистов, — отношения с Россией. Для Сербии Россия остается важным партнером (исторически — защитницей и ориентиром), и то, что Турция при Эрдогане не присоединяется к антироссийским санкциям, является положительным фактором для сербской общественности. Именно поэтому после окончания второго тура *Politika* опубликовала материал «Путин пообщался с Эрдоганом, еще раз поздравив его с победой на выборах».

В сербском СМИ победа Р. Эрдогана, как и все течение предвыборной гонки, рассматривалась с точки зрения роли Турции на международной арене. Наиболее важные аспекты — взаимоотношения внутри стран НАТО, российско-турецкие отношения, поворот Турции на Ближний Восток. Региональная (балканская) политика Турции практически не упоминалась, что может быть связано с нежеланием Сербии признавать в Анкаре регионального лидера.

Обратимся к результатам анализа публикаций в изданиях *Dnevni Avaz* (Босния) и *Glas Srpske* (Республика Сербская²) Боснии и Герцеговины. В *Glas Srpske* президентские выборы в Турции практически не освещались. В остальных проанализированных СМИ было отобрано от 29 до

² Республика Сербская — один из двух энтитетов, входящих в состав Боснии и Герцеговины.

31 публикации за исследуемый период, в то время как в упомянутом издании удалось выделить только 11 материалов. Большинство из них — это короткие сообщения о ходе выборов. В целом позиция издания *Glas Srpske* совпадает с тем, что мы наблюдали в сербской *Politika*, что соотносится с основной тенденцией во внешней политике Республики Сербской — ориентацией на Сербию. Показательным материалом, демонстрирующим отношение Республики Сербской к президентским выборам, является статья «Митич: Победа Эрдогана устраивает Баян-Луку и Белград», в которой представлено мнение эксперта относительно победы Р. Эрдогана на выборах. По словам сотрудника одного белградского университета, важно, что действующий президент Турции не изменит политику по отношению к Балканам, которая устраивает как Сербию, так и Республику Сербскую.

Обращаясь к публикациям в боснийском издании *Dnevni Avaz*, необходимо отметить, что, вопреки ожиданиям, освещение президентских выборов в Турции происходило с негативных позиций по отношению к действующему лидеру страны. Несмотря на тесную связь Р. Эрдогана с бывшим главой Боснии, а также в целом на политическое и духовное влияние, которое Турция оказывает на Боснию и Герцеговину как на мусульманскую страну, *Dnevni Avaz*, ранее выступавший рупором Партии демократического действия, подходит к выборам с проевропейских позиций. Именно в *Dnevni Avaz* мы сталкиваемся с большим количеством публикаций, посвященных противнику Р. Эрдогана.

Также в фокусе внимания боснийских журналистов оказалась и балканская политика Р. Эрдогана. Уделяется особое внимание голосованию среди турецких диаспор на Балканах, из результатов которых следует, что боснийские турки преимущественно голосуют за К. Кылычдароглу, а сербские — за Р. Эрдогана. Обширно освещается и поддержка действующего президента Турции со стороны представителей Боснии и Республики Сербской. Указывается, что несмотря на противоречия М. Додик и Б. Изетбегович солидарны в поддержке Р. Эрдогана в силу схожих «анти-западных» взглядов.

Заключение

Результаты исследования показали, что интернет-пользователи балканских стран мало интересуются политикой Турецкой Республики. Их внимание привлекают яркие политические события или природные катаклизмы. Интерес к политической жизни Турции больше всего из исследуемых стран проявляют жители Боснии и Герцеговины. Больше всего запросов по избирательным кампаниям и результатам выборов в Турецкой Республике выявлено в интернет-сегменте Боснии и Герцеговины.

Анализ публикаций национальных СМИ о президентских выборах в Турции в 2023 году показал, что региональная политика Турции на Балканах

практически не упоминалась в контексте предвыборной кампании. В сербских и хорватских массмедиа продвигался нарратив о том, что вне зависимости от исхода выборов балканское направление внешней политики Турции не подвергнется радикальным изменениям, так как Балканы продолжают находиться в зоне интересов государства. Единственной страной, которая рассматривает Турцию в качестве одного из влиятельных игроков на Балканском полуострове, является Босния и Герцеговина, однако и здесь интерес сосредоточен исключительно в боснийской части конфедерации, в то время как в Республике Сербской интерес к теме Турции и президентских выборов зафиксирован не был.

Анализ национальных массмедиа показал, что векторы освещения политики Турции в отношении Балкан коррелируются с динамикой роста и падения интереса интернет-пользователей к тому или иному аспекту этой темы в интернет-сегментах балканских стран.

Список литературы

- Ананьев А. Исламский фактор на Балканах: современные тенденции и векторы развития // Россия и мусульманский мир. 2014. № 6(264). С. 152–163.
- Арляпова Е.С., Пономарёва Е.Г. Турция на Западных Балканах сегодня: цифры и оценки // Мировая экономика и международные отношения. 2023. № 8(67). С. 110–120. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-8-110-120>
- Богданович А.А. Сербия. Хорватия // Силуэты наций. Взгляд медиолога / под ред. М.М. Янглева. М. : ИКАР, 2021. С. 163–178; 211–226.
- Евсеев В.В., Пивоваренко А.А., Гаджиев А.Г. Влияние политики Турции на страны Балканского региона // Геоэкономика энергетики. 2021. № 4(16). С. 70–94. https://doi.org/10.48137/2687-0703_2021_16_4_70
- Исламов Д.Р. Политика Турции на Балканах: фактор «ковидной дипломатии» // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2023. № 2. С. 34–41. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran220233441>
- Николайчук И.А., Янглева М.М., Якова Т.С. Национальная идентичность как морфоскульптура и фактор ментального общественного ландшафта в контексте национальной безопасности. Медиагеографический подход // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 12. С. 141–157.
- Николайчук И.А., Янглева М.М., Якова Т.С. Поиск новой российской идентичности: медиагеографические исследования ментального ландшафта // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. Т. 9. № 4. С. 642–659. <https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020>
- Николайчук И.А., Янглева М.М., Якова Т.С. Цифровое обществоведение. Медиа, метасмыслы, наука. М. : ИКАР, 2023.
- Свиштунова И.А. Балканская политика Турции: роль этноконфессиональных меньшинств // Современная Европа. 2020. № 4. С. 61–71. <https://doi.org/10.15211/soveurope420206171>
- Якова Т.С., Янглева М.М. Медиагеография. М. : ИКАР, 2019.
- Янглева М.М. Метасмысл «власть» в зеркале политической медиагеографии // Власть. 2023. Т. 31. № 3. С. 110–115. <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i3.9640>
- Ali M. Turkey's soft power policy towards the Balkans: challenges and perspectives // Journal of Liberty and International Affairs. 2022. Vol. 8. Issue 2. P. 255–265. <https://doi.org/10.47305/JLIA2282255a>

- Alpan B., Ozturk A.E. Turkish foreign policy in the Balkans amidst 'soft power' and 'deEuropeanisation' // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2022. Vol. 22. Issue 1. P. 45–63. <https://doi.org/10.1080/14683857.2022.2034370>
- Bebler A. Turkey's imperial legacy and the conflict potential in the Balkans // *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. 2017. Vol. 10. Issue 1. P. 52–63. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2017.106>
- Demirtas B. Reconstruction of the 'regional power' role during the pandemic: Turkey's COVID-19 diplomacy towards the Balkans // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2022. Vol. 22. Issue 1. P. 25–43. <https://doi.org/10.1080/14683857.2022.2034383>
- Demirtas B. Turkish Foreign Policy towards the Balkans: A Europeanized Foreign Policy in a DeEuropeanized National Context? // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2015. Vol. 17. Issue 2. P. 123–140. <https://doi.org/10.1080/19448953.2014.994283>
- Huskic A., Firat Buyuk H. Measuring Turkey's contemporary influence in Bosnia And Herzegovina: myth and reality // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2022. Vol. 22. Issue 1. P. 121–144. <https://doi.org/10.1080/14683857.2022.2034384>
- Kudayarov K. Turkiye "Thought factories" on Russia's SMO in Ukraine // *Russia and the Moslem World*. 2024. No. 1(323). P. 93–112.
- Ozturk A.E. Identity, Nostalgia and Religion: Making Sense of Turkey and the Balkan Relations in the Twenty-first Century // *International Journal of Religion*. 2023. Vol. 4. Issue 1. P. 49–65. <https://doi.org/10.33182/ijor.v4i1.2260>

References

- Ali, M. (2022). Turkey's soft power policy towards the Balkans: challenges and perspectives. *Journal of Liberty and International Affairs*, 8(2), 255–265. <https://doi.org/10.47305/JLIA2282255a>
- Alpan, B., & Ozturk, A.E. (2022). Turkish foreign policy in the Balkans amidst 'soft power' and 'de-Europeanisation'. *Southeast European and Black Sea Studies*, 22(1), 45–63. <https://doi.org/10.1080/14683857.2022.2034370>
- Ananyev, A. (2014). The Islamic Factor in the Balkans: current trends and development vectors. *Russia and the Muslim world*, (6), 152–163. (In Russ.)
- Arlyapova, E., Ponomareva, E. (2023). Turkiye in the Western Balkans Today: Numbers and Estimates. *World Economy and International Relations*, (8), 110–120. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-8-110-120>
- Bebler, A. (2017). Turkey's imperial legacy and the conflict potential in the Balkans. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 10(1), 52–63. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2017.106>; EDN: YNVTKH
- Bogdanovich, A. (2021). Serbia. Croatia. In M.M. Yanglayeva (Ed.) *Silhouettes of nations. The view of the mediologist*. Moscow: IKAR Publ. (In Russ.)
- Demirtas, B. (2022). Reconstruction of the 'regional power' role during the pandemic: Turkey's COVID-19 diplomacy towards the Balkans. *Southeast European and Black Sea Studies*, 22(1), 25–43. <https://doi.org/10.1080/14683857.2022.2034383>
- Demirtas, B. (2015). Turkish Foreign Policy towards the Balkans: A Europeanized Foreign Policy in a De-Europeanized National Context? *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, 17(2), 123–140. <https://doi.org/10.1080/19448953.2014.994283>
- Evseev, V., Pivovarenko, A., & Gadzhiev, A. (2021). The influence of Turkey's policy on the countries of the Balkan region. *Goeconomics of Energy*, (4), 70–94. (In Russ.) https://doi.org/10.48137/2687-0703_2021_16_4_70
- Huskic, A., & Firat Buyuk, H. (2022). Measuring Turkey's contemporary influence in Bosnia And Herzegovina: myth and reality. *Southeast European and Black Sea Studies*, 22(1), 121–144. <https://doi.org/10.1080/14683857.2022.2034384>

- Islamov, D. (2023). Turkey's policy in the Balkans: the factor of 'Covid diplomacy'. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, (2), 34–41. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/vestnikieran220233441>
- Kudayarov, K. (2024). Turkiye 'Thought factories' on Russia's SMO in Ukraine. *Russia and the Moslem World*, (1), 93–112.
- Nikolaychuk, I., Yanglyaeva, M., & Yakova, T. (2018). National identity as a morphosculpture and a factor of the mental social landscape in the context of national security. Media geographical approach. *Social and Humanitarian Knowledge*, (12), 141–157. (In Russ.)
- Nikolaychuk, I., Yanglyaeva, M., & Yakova, T. (2020). In Search for a New Russian Identity: Media-Geographical Studies of the Mental Landscape. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 9(4), 642–659. (In Russ.) <https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020>.
- Nikolaychuk, I., Yanglyaeva, M., & Yakova, T. (2023). *Digital Social Studies. Media, meta-meanings, science*. Moscow: IKAR Publ. (In Russ.)
- Ozturk, A.E. (2023). Identity, Nostalgia and Religion: Making Sense of Turkey and the Balkan Relations in the Twenty-first Century. *International Journal of Religion*, 4(1), 49–65. <https://doi.org/10.33182/ijor.v4i1.2260>
- Svistunova, I. (2020). Balkan policy of Turkey: the role of ethno-confessional minorities. *Modern Europe*, (4), 61–71. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/soveurope420206171>
- Yakova, T., & Yanglyaeva, M. (2019). *Mediageography*. Moscow: IKAR Publ. (In Russ.)
- Yanglyaeva, M. (2023). Meta-Sense of Power in the Mirror of Political Media Geography. *Vlast' (The Authority)*, 31(3), 110–115. (In Russ.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i3.9640>

Сведения об авторах:

Мулина Арина Алексеевна, аспирант кафедры зарубежной журналистики и литературы, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1. ORCID: 0009-0001-4894-8410. SPINE-code: 9363-3494. E-mail: bogdanovich-arina@mail.ru

Якова Тамара Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной журналистики и литературы, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1. ORCID: 0000-0002-5640-267X; SPINE-код: 9009-2212. E-mail: t-yakova@mail.ru

Bio notes:

Arina A. Mulina, Postgraduate Student of the Department of Foreign Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0009-0001-4894-8410. SPINE-code: 9363-3494. E-mail: bogdanovich-arina@mail.ru

Tamara S. Yakova, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-5640-267X; SPINE-code: 9009-2212. E-mail: t-yakova@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-1-172-185

EDN: UQRSYW

УДК 303.4

Научная статья / Research article

Сравнительный анализ концепта многополярности в политическом и научном дискурсах России и КНР

Н.А. Иванова^{1,2,3}, Д.П. Новиков¹, С. Фань¹

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

²Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

³Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России, Москва, Россия
 ivanova_na@pfur.ru

Аннотация. Один из возможных сценариев разрешения турбулентности в современной мировой политике — создание многополярного миропорядка. Россия и КНР — крупные державы, которые в международном медийном поле неоднократно заявляли о том, что многополярный мир должен прийти на смену однополярному. Цель статьи — исследовать концепт многополярности в политическом и научном дискурсах России и КНР, отраженный в глобальном медиапространстве. Метод сравнительного анализа эмпирических медийных источников помогает выявить, насколько стратегическое видение многополярного мира в двух странах совпадает в официальном и научном дискурсах. Новизна исследования — в теме, обнаружении совпадений и расхождений в подходе к пониманию концепта многополярности в Китае и в России, а также в составлении сравнительных таблиц. Результаты проведенного анализа демонстрируют, что официальные дискурсы двух стран отличаются на уровне риторики предыдущих поколений руководителей. Однако видится сближение подходов и совпадение стратегических инициатив в отношении многополярности при текущем руководстве. В научном дискурсе России наблюдается вариативность трактовок термина, в то время как в Китае поддерживается однозначное теоретическое осмысление многополярности, предложенное государством. В целом, сравнительный анализ концепта многополярности в официальном дискурсе и научном осмыслении России и КНР подтверждает, что понимание значения построения многополярного мира в КНР и России совпадают стратегически.

Ключевые слова: медиапространство, многополярный мир, миропорядок, региональная интеграция, анализ дискурса, интерпретация, российско-китайские отношения, мягкая сила

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Иванова Н.А., Новиков Д.П., Фань С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов. Разработка концепции и программы исследования, проведение исследования в части России, написание и редактирование текста — Н.А. Иванова; проведение исследования в части России, написание и редактирование текста — Д.П. Новиков; разработка концепции и программы исследования, проведение исследования в части Китая, написание текста — С. Фань.

История статьи: поступила в редакцию 7 декабря 2024 г.; отрецензирована 6 января 2025 г.; принята к публикации 18 января 2025 г.

Для цитирования: Иванова Н.А., Новиков Д.П., Фань С. Сравнительный анализ концепта многополярности в политическом и научном дискурсах России и КНР // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 1. С. 172–185. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-172-185>

Comparative Analysis of the Concept of Multipolarity in the Political and Scientific Discourses of Russia and China

Natalia A. Ivanova^{1,2,3}, Dmitry P. Novikov¹, Xuesong Fan¹

¹ SE University, Moscow, Russian Federation

² RUDN University, Moscow, Russian Federation

³ MGIMO University, Moscow, Russian Federation

 ivanova_na@pfur.ru

Abstract. One of the possible scenarios for resolving the turbulence in world politics that is being observed is a switch to a multipolar world order. Russia and China are major powers that have stated in the public affairs that a multipolar world order is a real option to a unipolar one. The article is exploring the concept of multipolarity in the political and scientific discourses of Russia and China, using the method of comparative analysis to identify how strategically the vision of a multipolar world in Russia and China coincides in official and scientific discourses. The novelty of the research lies in the study of the coincidence or divergence in the approach to understanding the concept of multipolarity in China and Russia. The results of the study demonstrate that the official discourses of the two countries differ at the level of rhetoric of previous generations of leaders. But both approaches to multipolarity converge under the current leadership. In Russian scientific discourse there is variability in interpretations of the term, while in China the theoretical understanding of multipolarity proposed at the official level is supported. In general, a comparative analysis of the concept of multipolarity in the official discourse and scientific understanding of Russia and China confirms that the strategic understanding of the approach of building a multipolar world in the China and Russia coincides.

Keywords: media environment, multipolar world, world order, regional integration, discourse analysis, interpretation, Russian-Chinese relations, soft power

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Authors' contribution. Development of the research concept and research program, development of the Russian part of the research, text writing and editing — Natalia A. Ivanova;

development of the Russian part of the research, text writing and editing — Dmitry P. Novikov; development of the research concept and research program, development of the Chinese part of the research, text writing — Xuesong Fan.

Article history: submitted December 7, 2024; revised January 6, 2025; accepted January 18, 2025.

For citation: Ivanova, N.A., Novikov, D.P., & Fan, X. (2025). Comparative Analysis of the Concept of Multipolarity in the Political and Scientific Discourses of Russia and China. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(1), 172–185. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-172-185>

Введение

В мировой политике события 2022 года вывели дискуссию о многополярном мире на принципиально новый уровень. Обострение противоречий между ведущими державами, децентрализация мировой системы свидетельствуют о намерениях ряда государств, не принимающих идею однополярного мира, создать многополярный миропорядок, признаваемый международным сообществом. В числе этих государств Россия и КНР, национальные интересы которых не могут быть полностью учтены в условиях однополярного мира. При этом пока не очевидно, какими должны быть архитектура и институты многополярного мира, возможно ли в принципе в XXI веке достичь глобальных легитимных договоренностей в отношении совокупного аппарата нового мироустройства.

Известно, что современная политика в результате медиатизации стала подчиняться законам функционирования массмедиа. В этой связи важно исследовать базовый элемент многополярного мира — понимание самого концепта в официальном и научном дискурсе тех государств, действия которых наиболее активны с точки зрения переустройства. Именно этот концепт становится отправной точкой для создания обновленной информационной картины в медийном поле, трансформации политического и медийного дискурсов.

Процессами формирования многополярного мира в контексте медиаполитики России и Китая в последние годы занимаются ученые разных научных школ (Изория, 2024; Crowley-Vigneau, Baykov, & Gao, 2024; Fan, 2021; Hansen, 2024; Li, 2018; Zhang, 2021), однако указанная проблематика остается малоизученной в теории медиакоммуникаций и журналистики. При этом следует особо отметить материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы», которую с 2010 года организует кафедра массовых коммуникаций РУДН.

Цель статьи — сопоставить понимание и трактовку концепта многополярности в политическом и научном дискурсах России и КНР.

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели использовался системный подход к исследованию международных политических процессов, а также медиагеографический метод потребления политических смыслов аудиториями на разных географических пространствах на фоне медиатизации политических процессов. Проведение исследования в части политического дискурса базировалось на контент-анализе основных опубликованных программных выступлений лидеров России и Китая с последующим сравнительным анализом. Эмпирическую базу исследования составили программные статьи и публичные выступления политических деятелей России и Китая разных периодов, а именно: Е. Примакова в 2011 году в «Российской газете»; В. Христенко в 2012 году в газете «Беларусь сегодня»; В. Путина на Мюнхенской конференции по безопасности в 2007 году, в газете «Известия» в 2011 году, на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» в 2022 году; Мао Цзэдуна¹ на выступлении в ЦК Компартии Китая в 1952 году, Дэн Сяопина², Си Цзиньпина на Центральном совещании по внешней политике в 2014 году³. В научном сегменте эмпирическую базу исследования составили работы по тематике многополярного мира ведущих российских политологов: А. Воскресенского, И. Истомина, Ф. Лукьянова, А. Фененко, А. Картунова, К. Семеновой, опубликованные в журналах «Вестник МГИМО-Университета», «Сравнительная политика», «Международная аналитика», «Россия в глобальной политике», на сайте Российского совета по международным делам (РСМД). Также изучены работы китайских исследователей Е Цычэн и Сунь Чжуанчжи, представленные в китайских научных журналах «Мировые знания» и «Исследования международной политики».

Поднимается исследовательский вопрос: «Насколько стратегически и тактически совпадает видение многополярного мира в России и КНР в официальном и научном дискурсах?»

Результаты и обсуждение

Движение к многополярности как к желаемому состоянию международной политики — одна из ключевых внешнеполитических установок как России, так и КНР. При этом с 1990-х годов Москва и Пекин не толь-

¹ 【青听·党史上的今天】2月22日 | 毛泽东提出“三个世界”划分 [Аудио для молодежи: этот день в истории партии. 22 февраля Мао Цзэдун предложил разделение «три мира»]. http://news.cyol.com/gb/articles/2021-02/22/content_pGvn6CYAY.html

² 邓小平文选第三卷》国际形势和经济问题（一九九〇年三月三日）[Дэн Сяопин: Избранные произведения. Т. 3. Международная ситуация и экономические вопросы (3 марта 1990 года)]. http://www.qstheory.cn/books/2019-07/31/c_1119485398_112.htm

³ 习近平出席中央外事工作会议并发表重要讲话 [Си Цзиньпин выступил на Центральном совещании по внешней политике и сделал важное заявление]. http://www.xinhuanet.com/politics/2014-11/29/c_1113457723.html

ко придерживались в этом вопросе схожих позиций, но и стремились подчеркнуть концептуальное и политическое единство двух стран в трактовке и способе достижения многополярности. В России ключевым апологетом идеи многополярного мира принято считать министра иностранных дел России (1996–1998) Е. Примакова, который в книге «Мысли вслух» отмечал, что после окончания холодной войны начала складываться многополярная мировая система, согласно которой мир понимается как арена различных акторов, которые могут через диалог в рамках международных формальных и неформальных организаций согласовывать свою внешнюю политику (Примаков, 2011, с. 157–158).

В 2000-е годы идея неконфронтационного достижения многополярности через интеграцию продолжала оставаться одной из ключевых внешнеполитических установок российского руководства. Однако по мере осложнения российско-западных отношений данный нарратив стал подвергаться существенному пересмотру – интеграция с Западом в большей степени понималась в Москве критически. Так, на Мюнхенской конференции по безопасности в 2007 году В.В. Путин выступил с резкой критикой однополярного американоцентричного миропорядка. Разочарование в российско-западном сближении отразилось в медийном российском официальном дискурсе, при этом получила развитие идея регионализации системы глобального управления и формирования региональных блоков. Практической реализацией этих идей стало создание межгосударственного объединения пяти стран в 2011 году – БРИКС: Бразилии, России, Индии, КНР, ЮАР. Формирование Таможенного союза с участием России, Беларуси и Казахстана (начиная с 2015 года – Евразийский экономический союз, в который также входят Армения и Кыргызстан) заставило российских исследователей говорить об элементах новой архитектуры многополярного мира (Истомин, 2016, с. 22). В программной статье В. Путина «Евразийский союз – путь к успеху и процветанию», опубликованной в 2011 году, указывалось: «Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной „связки“ между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом»⁴. При этом сам процесс регионализации должен был стать воплощением принципов, заложенных в идеях Е.М. Примакова. С момента основания взаимодействие в ЕАЭС базировалось на принципах равнопредставленности (в органах ЕАЭС равное число представителей каждой страны), баланса интересов, эффективности и прозрачности⁵; суверенного равенства государств-членов⁶,

⁴ Путин: Евразийский союз – путь к успеху и процветанию (er.ru) // Единая Россия. URL: <https://er.ru/activity/news/putin-evrazijskij-soyuz-put-k-uspehu-i-procvetaniyu?ysclid=ltid67ljfp109333345> (дата обращения: 26.12.2024).

⁵ Общая информация о ЕЭК // Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/about/> (дата обращения: 12.08.2023).

⁶ Евразийская экономическая интеграция. Цифры и факты. Годовой отчет (2015) // Евразийская экономическая комиссия. С. 51. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/paos/library/EEC_dig_facts1.pdf (дата обращения: 10.08.2023).

уважения принципов международного права, взаимовыгодного сотрудничества, равноправия, учета национальных интересов⁷.

Идеи региональной интеграции и диалога новых региональных центров в рамках ЕАЭС развивал В.Б. Христенко, находясь на позиции председателя Евразийской экономической комиссии (2012–2016) – управляющего органа Евразийского экономического союза. Он полагал, что катализатором процессов регионализации стал глобальный финансовый кризис 2008 года, в результате чего начался кризис глобализации, изменились основные мировые игроки, а «будущее мира» зависело «от эффективности процесса интеграции и взаимодействия региональных организаций»⁸. Именно региональные организации экономической интеграции, такие как ЕАЭС, МЕРКОСУР, Тихоокеанский альянс, Транстихоокеанское партнерство, Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство, ЕС, В.Б. Христенко обозначал как возможные центры нового облика мира: «Страны, если хотят быть услышанными, понятыми, хотят найти адекватный ответ на те риски, которые этот мир для них продуцирует, ищут те или иные формы объединения. Поэтому процесс регионализации сегодня является ведущим в мире»⁹.

В Концепции внешней политики Российской Федерации (принята в марте 2023 года) отразились все эти обозначенные президентом особенности российского видения многополярного мироустройства. Так, в ней, как и в более ранних концепциях, зафиксировано стремление России содействовать адаптации мироустройства к реалиям многополярного мира. Одной из форм реализации многополярного мира указано формирование региональных и трансрегиональных механизмов экономической интеграции и взаимодействия в различных сферах, создание разноформатных партнерств для решения общих проблем.

В КНР термин «многополярность» вошел во внешнеполитический дискурс в 1950–1960 годах. В отличие от российской политической традиции развитие этой концепции было с самого начала связано с критикой американско-советской биполярной системы. В феврале 1974 года Мао Цзэдун выдвинул концепцию «три мира», где «первый мир» – США и СССР, развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки – это «третий мир», а «второй» – развитые страны, которые находятся между

⁷ Евразийская экономическая интеграция. Цифры и факты. Годовой отчет (2015) // Евразийская экономическая комиссия. С. 17. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/paos/library/EEC_dig_facts1.pdf (дата обращения: 10.08.2023).

⁸ В поисках мира на региональном уровне // Коммерсантъ. 2013. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2220612> (дата обращения 10.08.2024).

⁹ Виктор Христенко: «Я не верю, что друзей можно купить» // Беларусь сегодня. 2012. URL: <https://www.sb.by/articles/viktor-khristenko.html> (дата обращения: 15.08.2024).

«первым и вторым мирами»¹⁰. Концепция «трех миров» стала теоретической основой последующих китайских идей о многополярности. Она также заложила концептуальные основы неприятия гегемонизма как части представлений о желаемой конфигурации международной системы. Главной концепцией внешней политики после прихода к власти Си Цзиньпина стала концепция «Сообщества единой судьбы человечества», которое должно быть построено на основе «международных отношений нового типа», где многополярность — одно из ключевых условий. «Содействие многополяризации мира и демократизации международных отношений» также является направлением продвижения концепции внешней политики Си Цзиньпина¹¹. В официальном дискурсе КНР отмечается, что коллективный подъем стран с формирующимися рынками является ярким проявлением «углубленного развития мировой многополярности».

Российский научный дискурс о многополярности — синтез реалистических, геополитических и либеральных идей. Д.А. Дегтярев отмечает, что Венская система международных отношений (1815–1918) уже строилась «на принципе многополярности, когда силы великих держав были примерно равны» (Degterev, 2019, с. 405). А.В. Фененко определяет многополярный мир как порядок баланса сил, в рамках которого ресурсы великих держав примерно равны друг другу¹². Данный подход в целом хорошо описывает реалистскую трактовку многополярности, в рамках которой влияние представления об этом явлении, унаследованное от XIX века, достаточно велико. Ф.А. Лукьянов определяет многополярность в более прикладном ключе, как возможность выстраивать эффективные схемы взаимодействия и развития «не против Запада, а в обход его, без его участия»¹³. Согласно региональному подходу к многополярности акторами мировой политики выступают не государства, а глобальные регионы (Лагутина, 2015, с. 134–135; Лагутина, 2022), или макрорегионы (Леонова, 2013, с. 60). Либеральный подход к многополярности предлагает фокусировать внимание на поиске конфигурации взаимодействия меж-

¹⁰ 【青听·党史上的今天】2月22日 | 毛泽东提出“三个世界”划分 [Аудио для молодежи: этот день в истории партии. 22 февраля Мао Цзэдун предложил разделение «три мира»]. http://news.cyol.com/gb/articles/2021-02/22/content_pGvn6CYAY.html

¹¹ 杨洁篪：坚定维护和践行多边主义 坚持推动构建人类命运共同体 [Ян Цзечи: Твердо поддерживать и практиковать мультилатерализм и придерживаться принципа построения Сообщества единой судьбы человечества]. <http://cpc.people.com.cn/n1/2021/0221/c64094-32033049.html>

¹² Фененко А. Что нужно для многополярности? // РСМД. 2018. URL: <https://russiancouncil.ru/amp/analytics-and-comments/analytics/chto-nuzhno-dlya-mnogopolyarnosti/> (дата обращения: 10.08.2024).

¹³ Лукьянов Ф.А. Справедливость — понятие не универсальное // Россия в глобальной политике. 2022. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/spravedlivost-ne-universalna/> (дата обращения: 10.08.2024).

ду игроками мировой политики. А.В. Картунов предлагает идею многосторонности, а в ее основе – международные режимы, многосторонние договоренности, первостепенный учет интересов более слабых государств¹⁴.

Таблица 1

Сравнительный анализ концепта многополярности в официальном политическом дискурсе

Риторика действующих лидеров стран	В. Путин (Россия): • опора на духовно-нравственные ценности цивилизаций; • несколько равноправных центров – «большие пространства», ценности; • многообразие мира и свобода политических действий; • принципы: взаимовыгодное сотрудничество, уважение, доверие, равноправие, справедливость; • возможные механизмы многополярности – объединения экономической интеграции, такие как ЕАЭС, ШОС, «Один пояс, один путь»¹⁵	Си Цзиньпин (КНР): • тенденция развития многополярного мира не изменится; • многополярность мира отвечает стремлению международного сообщества к справедливости и мультилатерализму, интересам многочисленных развивающихся стран, потребностям поддержания мира, развитию во всем мире; • многополярность мира способствует реформированию и совершенствованию системы глобального управления
Риторика прошлых политических деятелей	Экономическая и политическая интеграция (Примаков); региональные центры ¹⁶ ; интеграция интеграций ¹⁷	Противостояние биполярности и однополярности ¹⁸ ; КНР, США, СССР – полюса многополярности ¹⁹ ; отказ от разделения мира на сферы влияния великих держав ²⁰

Источник: составлено Н.А. Ивановой, Д.П. Новиковым и С. Фань.

¹⁴ Картунов А. Почему мир не становится многополярным // Россия в глобальной политике. 2018. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolynarnym/> (дата обращения: 25.12.2024).

¹⁵ На основе выступления на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай», октябрь 2022 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69695> (дата обращения: 15.08.2024).

¹⁶ В поисках мира на региональном уровне // Материалы круглого стола «Региональные экономические объединения: конкуренция интеграций или путь к глобальному миру», ПМЭФ-2013. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2220612> (дата обращения: 15.08.2024).

¹⁷ Материалы Летней школы ЕЭК-РСМД «Евразийская экономическая интеграция: приоритеты, перспективы, инструменты», 2015 год. <https://russiancouncil.ru/news/letnyaya-shkola-EEK-i-rsmd-evraziyskaya-ekonomicheskaya-inte/>

¹⁸ 青听·党史上的今天 2月22日 [Циньинь: Дата в истории партии 22 февраля | Мао Цзэдун предложил разделение на «три мира»]. http://news.cyol.com/gb/articles/2021-02/22/content_pGvn6CYAY.html

¹⁹ 邓小平文选第三卷》国际形势和经济问题（一九九〇年三月三日） [Дэн Сяопин: Избранные произведения. Т. 3. Международная ситуация и экономические вопросы (3 марта 1990 года)]. http://www.qstheory.cn/books/2019-07/31/c_1119485398_112.htm

²⁰ 《在联合国千年首脑会议上的讲话》（2000年9月6日） [Выступление на саммите тысячелетия ООН (6 сентября 2000 года)] // Важные документы после 15-го съезда Коммунистической партии Китая. 2000. Т. 2. С. 1353–1354.

Table 1

The comparative analysis of the concept of multipolarity in the official political discourse

Rhetoric of current leaders of countries	V. Putin (Russia): • reliance on the spiritual and moral values of civilizations; • several equal centers – ‘large spaces’; • diversity of the world and freedom of political action; • principles: mutually beneficial cooperation, respect, trust, equality, fairness;	Xi Jinping (China): • the trend of development of a multipolar world will not change; • the multipolarity of the world answers the desire of the international community for justice and multilateralism, the interests of numerous developing countries, peacekeeping needs, development around the world;
	• possible mechanisms of multipolarity – economic integration associations, such as the EAEU, SCO, One Belt, One Road²¹	• the multipolarity of the world promotes reform and improvement of the global governance system
Rhetoric of previous political leaders	Economic and political integration (Primakov); regional centers ²² ; integration of integratory centers ²³	Opposition to bipolarity and unipolarity ²⁴ ; China, USA, USSR – poles of multipolarity ²⁵ ; refusal to divide the world into spheres of influence of great powers ²⁶

Source: compiled by Natalia A. Ivanova, Dmitry P. Novikov, & Xuesong Fan.

Китайский научный дискурс о многополярности во многом дополняет официальный, поскольку появился несколько позже, в 1980–1990 годах. С началом эпохи «реформ и открытости» в КНР и колоссальными изменениями международной обстановки термин «многополярность» стали употреблять в китайском языке – «多极化 (доцзихуа)». Он складывается из трех иероглифов: «до» – «много», «цзи» – «полюс», «хуа» – «превращение», или как суффикс в русском языке «-изация». Концепт получил массовое распространение. Основные теоретические аспекты сформулировал профессор Института международных отношений Пекинского университета Е Цзычэн (Е Цзычэн, 2004, с. 9–10).

²¹ Based on a Speech at a Meeting of the Valdai International Discussion Club, October 2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69695>.

²² In Search of Peace at the Regional Level. *Proceedings of the Round Table Regional Economic Associations: Competition of Integrations or the Path to Global Peace*, SPEF-2013. <https://www.kommersant.ru/doc/2220612>

²³ Proceedings of the EEC-RIAC Summer School. *Eurasian Economic Integration: Priorities, Prospects, Instruments*, 2015. <https://russiancouncil.ru/news/letnyaya-shkola-eeek-i-rsmd-evraziyskaya-ekonomicheskaya-inte/>

²⁴ 青听·党史上的今天 2月22日 Qinyin: Date in Party history February 22 | Mao Zedong proposed the division into *three worlds*. http://news.cyol.com/gb/articles/2021-02/22/content_pGvn6CYAY.html

²⁵ 邓小平文选第三卷《国际形势和经济问题》（一九九〇年三月三日 Deng Xiaoping, (1990, March 3). *Selected Works. Vol. 3. International Situation and Economic Issues*. http://www.qstheory.cn/books/2019-07/31/c_1119485398_112.htm

²⁶ 《在联合国千年首脑会议上的讲话》（2000年9月6日）Speech at the UN Millennium Summit (September 6, 2000) // *Important Documents Since the 15th Congress of the Communist Party of China*, 2, 1353–1354.

Под понятием «полюс» понимаются относительно независимые центры силы или блоки государств, которые обладают сильными политическими, экономическими, военными, культурными, научными, технологическими ресурсами. США – стандартный полюс. Другие страны и центры силы имеют потенциалы стать полюсами, но еще не имеют значения как полюс. В содержание многополярности в основном включается противостояние американскому гегемонизму и унилатерализму. Научные круги КНР разделяют и одобряют подход к многополярности правительства страны (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительный анализ концепта многополярности
в научном осмыслении

Государство	Россия	КНР
Ключевые характеристики концепта многополярности / смыслы в научных исследованиях	• Критика однополярности²⁷. • Евразийство²⁸. • Порядок баланса сил (Фененко). • Региональные центры (Воскресенский, 2012, с. 34). • Многосторонность (Кортунов). • Сотрудничество в обход Запада (Лукьянов). • Множественность полярности не природоподобна (Трофимова, 2022, с. 11)	• «Полюса» – относительно независимые центры силы или блоки государств, которые обладают сильными политическими, экономическими, военными, культурными, научными, технологическими ресурсами (Е Цзычэн, 2004, с. 9–10). • Благоприятствует миру и мировой стабильности (Е Цзычэн, 2004, с. 9–10). • «Многополярность мира и демократизация международных отношений – тенденции эпохи»²⁹. • Российско-китайские отношения – образец международных отношений нового типа, вносят вклады в глобальное и региональное управление с помощью сотрудничества в рамках многосторонних структур (Сунь Чжуанчжи, 2023, с. 26)

Источник: составлено Н.А. Ивановой, Д.П. Новиковым и С. Фань по статьям российских и китайских ученых.

²⁷ Семенова К.С. Блог Лаборатории аналитики ИАМП. Евразийство Александра Дугина // РСМД. 2023. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/laiaamp/evraziystvo-aleksandra-dugina/?sphrase_id=103360081; Попов В.В. Роль России как Евразийской цивилизации в формировании нового миропорядка // РСМД. 2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-rossii-kak-evraziyskoy-tsivilizatsii-v-formirovanii-novogo-miroporyadka/> (дата обращения: 10.08.2024).

²⁸ Там же.

²⁹ 中俄树立新型国际关系典范 [Чжун Э шули синьсин гоцзи гуаньси дянъфань (Китай и Россия создают образец международных отношений нового типа)]. <http://world.people.com.cn/n1/2021/0322/c1002-32056656.html>

Table 2

The comparative analysis of the concept of multipolarity in the scholarly understanding

Country	Russia	China
Key characteristics of the concept of multipolarity / meanings in scientific research	• The critics of unipolarity³⁰. • Eurasianism³¹. • The order of balance of power (Fenenko). • Regional centers (Voskresensky, 2012, p. 34). • Multilateralism (Kortunov). • Cooperation bypassing the West (Lukyanov). • Multiplicity of polarity is not similar to nature (Trofimova, 2022, p. 11)	• 'Poles' – relatively independent centers of power or blocs of states that have strong political, economic, military, cultural, scientific, and technological resources (Ye Zicheng, 2004, p. 9–10). • Contributes to peace and global stability (Ye Zicheng, 2004, p. 9–10). • Multipolarity of the world and democratization of international relations are the trends of the era³². • Russia-China relations are an example of a new type of international relations, contributing to global and regional governance through cooperation within multilateral structures (Sun Zhuangzhi, 2023, p. 26)

Source: compiled by Natalia A. Ivanova, Dmitry P. Novikov, & Xuesong Fan on articles by Russian and Chinese scientists.

Заклучение

Результаты проведенного исследования демонстрируют, что официальные дискурсы двух стран отличаются на уровне риторики предыдущих поколений руководителей. Однако в настоящее время, при текущем руководстве, видится сближение подходов. Российский научный дискурс о многополярности, представленный в медиапространстве, отличается большей вариативностью трактовок и использованием идей, которые в Китае как правило отвергаются: великодержавная конкуренция как норма международной жизни, геополитические концепции как основа для трактовки международной жизни и др. В КНР поддерживают предложенное на официальном уровне теоретическое осмысление, где многополярность оценивается как единственный гармоничный сценарий миропорядка. При этом стратегически подход к многополярности совпадает. В этом смысле базовые ценности становятся «мягкой силой» многопо-

³⁰ Semenova, K.S. (2023). Blog of the Laboratory of Analytics of IAMP. Eurasianism of Alexander Dugin. *RIAC*. https://russiancouncil.ru/blogs/laamp/evraziystvo-aleksandra-dugina/?sphrase_id=103360081; Popov, V.V. (2018). The Role of Russia as a Eurasian Civilization in the Formation of a New World Order. *RIAC*. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-rossii-kak-evraziyskoy-tsvivilizatsii-v-formirovanii-novogo-miroporyadka/>

³¹ Ibid.

³² 中俄树立新型国际关系典范 Zhang, Guangzheng. (2021, March 22). *Russia and China have set a new type of international relations model*. http://www.qstheory.cn/qshyjx/202106/29/c_1127607998.htm

лярного миропорядка, что привлекательно для других государств. Таким образом, сравнительный анализ концепта многополярности в официальном дискурсе и научном осмыслении в медиапространстве России и КНР подтверждает, что стратегическое понимание и интерпретация многополярного мира в этих государствах во многом схожа.

Список литературы

- Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. Т. 2. № 8. С. 30–58.
- Изория М. Геополитическая борьба за многополярный мировой порядок // Кавказ и мир. 2024. № 28. С. 134–140. <https://doi.org/10.52340/isj.2024.28.15>
- Истомин И.А. Рефлексия международной системы в официальном дискурсе и научном осмыслении // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 5(50). С. 20–33. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-5-50-20-33>
- Лагутина М.Л. Мировая политическая система в контексте глобальной регионализации // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2015. № 2. С. 134–140.
- Лагутина М.Л. Региональное измерение сотрудничества стран БРИКС // Международная аналитика. 2022. Т. 13. № 1. С. 66–82. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-1-66-82>
- Леонова О.Г. Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира // Век глобализации. 2013. № 1. С. 59–66.
- Примаков Е.М. Мысли вслух. М.: Российская газета, 2011. 205 с.
- Сунь Чжунанчжи. Цзай доцзихуа цзиньчэн чжун гоуцзянь синьсин гоцзи гуаньси. 孙壮志. 在多极化进程中构建新型国际关系 [Построение международных отношений нового типа в процессе многополяризации] // Мировые знания. 2023. № 7. С. 24–26.
- Трофимова Г.Н. Многомерные координаты мировой многополярности: интрига смыслов // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы : материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Г.Н. Трофимовой. М. : РУДН, 2022. С. 9–13.
- Фань С. Существующие механизмы Шанхайской организации сотрудничества и их проблемы для борьбы с нетрадиционными вызовами безопасности // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2021. Т. 16. № 1. С. 107–126. <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2021-01-05>
- Цзычэн. Дуй Чжунго доцзихуа чжаньюэ дэ лишэ юй лилунь фаньсы. 叶自成. 对中国多极化战略的历史与理论反思 [Исторические и теоретические размышления о стратегии многополяризации Китая] // Исследования международной политики. 2004. № 1. С. 9–23.
- Crowley-Vigneau A., Baykov A., Gao A. Diplomats on BRICS: Drawbacks and benefits of cooperation without integration // Terra Economicus. 2024. Vol. 22. No. 2. P. 124–137. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-2-124-137>
- Degterev D.A. Multipolar World Order: Old Myths and New Realities // Vestnik RUDN. International Relations. 2019. Vol. 19. No. 3. P. 404–419. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-3-404-419>
- Hansen D. The Prospects of BRICS+, G20, and G77 and the Dangers of a Multipolar World // SSRN. 2024. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5043531>

- Li W. An inquiry into China's alignment with Russia // *MGIMO Review of International Relation*. 2018. No. 3(60). P. 48–58. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-3-60-48-58>
- Zhang X. Opportunities for further China-Russia rapprochement // *Russia in Global Affairs*. 2021. Vol. 19. No 3. P. 94–100. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2021-19-3-94-100>

References

- Crowley-Vigneau, A., Baykov, A., & Gao, A. (2024). Diplomats on BRICS: Drawbacks and benefits of cooperation without integration. *Terra Economicus*, 22(2), 124–137. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-2-124-137>
- Degtarev, D.A. (2019). Multipolar world order: Old myths and new realities. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19(3), 404–419. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-3-404-419>
- Fan, X. (2021). Existing Mechanisms of the Shanghai Cooperation Organization and Their Problems Dealing with Non-traditional Security Challenges. *International Organisations Research Journal*, (1), 107–126. (In Russ.) <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2021-01-05>
- Hansen, D. (2024, September 01). The Prospects of BRICS+, G20, and G77 and the Dangers of a Multipolar World. *SSRN*.
- Istomin, I.A. (2016). Reflection of the international system in official discourse and scientific interpretation. *MGIMO Review of International Relations*, (5), 20–33. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-5-50-20-33>
- Izoria, M. (2024). Geopolitical Struggle for a Multipolar World Order. *Caucasus & World*, (28), 134–140. (In Russ.) <https://doi.org/10.52340/isj.2024.28.15>
- Lagutina, M.L. (2022). Regional Dimensions of BRICS Cooperation. *Journal of International Analytics*, 13(1), 66–82. (In Russ.) <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-1-66-82>
- Lagutina, M.L. (2015). The world political system in the context of global regionalization. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, (2), 134–140. (In Russ.)
- Leonova, O.G. (2013). Global regionalization as a phenomenon of the development of the global world. *Age of Globalization*, (1), 59–66. (In Russ.)
- Li, W. (2018). An inquiry into China's alignment with Russia. *MGIMO Review of International Relation* (3), 48–58. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-3-60-48-58>
- Primakov, E.M. (2011). *Thoughts aloud*. Moscow: Rossiyskaya Gazeta Publ. (In Russ.)
- Sun, Zhuangzhi (2023). Zài duō jí huà jìn chéng zhōng gòu jiàn xīn xíng guó jì guān xi. 孙壮志. 在多极化进程中构建新型国际关系 [Building a new type of international relations in the process of multipolarization]. *World Knowledge*, (7), 24–26. (In Chin.)
- Trofimova, G.N. (2022). Multidimensional coordinates of world multipolarity: The intrigue of meanings. In G.N. Trofimova (Ed.), *Mass Media in a Multipolar World: Problems and Perspectives: Proceedings of the XIII All-Russian Scientific and Practical Conference* (pp. 1–10). Moscow: RUDN. (In Russ.)
- Voskresensky, A.D. (2012). Concepts of regionalization, regional subsystems, regional complexes, and regional transformations in modern international relations. *Comparative Politics*, 2(8), 30–58. (In Russ.)
- Ye, Zicheng. (2004). Dui Zhōngguó duō jí huà zhàn lüè de lì shǐ yǔ lǐ lùn fǎn sī. 叶自成. 对中国多极化战略的历史与理论反思 [Historical and theoretical reflections on China's strategy of multipolarization]. *International Politics Studies*, (1), 9–23. (In Chin.)
- Zhang, X. (2021). Opportunities for Further China-Russia Rapprochement. *Russia in Global Affairs*, 19(3), 94–100. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2021-19-3-94-100>

Сведения об авторах:

Иванова Наталья Анатольевна, кандидат политических наук, доцент Института медиа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; доцент кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; доцент кафедры государственного управления, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76. ORCID: 0000-0002-8061-893X. E-mail: ivanova_na@pfur.ru

Новиков Дмитрий Павлович, кандидат политических наук, доцент департамента международных отношений, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. ORCID: 0000-0003-3066-7044. E-mail: dp.novikov@hse.ru

Фань Сюэсун, кандидат политических наук, доцент департамента международных отношений, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. ORCID: 0000-0002-3318-2037. E-mail: xfan@hse.ru

Bio notes:

Natalia A. Ivanova, – PhD in Political Sciences, Associate Professor, Institute of Media, HSE University, 20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation; Associate Professor, Department of Mass Communication, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation; Associate Professor, Department of Public Governance, MGIMO University, 76 Vernadskogo Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-8061-893X. E-mail: ivanova_na@pfur.ru

Dmitry P. Novikov, PhD in Political Sciences, Associate Professor, School of International Affairs, HSE University, 20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-3066-7044. E-mail: dp.novikov@hse.ru

Xuesong Fan, PhD in Political Sciences, Associate Professor, School of International Affairs, HSE University, 20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-3318-2037. E-mail: xfan@hse.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-1-186-198

EDN: URUQPH

UDC 004.738.5:070

Научная статья / Research article

Enduring Cybersecurity and Transitional Justice Aftermath of West Papua and Papua's Internet Shutdown in 2019

Adelisca Pramesti¹, Hikmat Z. Almubaroq¹,
Aloysia V. Herawati², Bella A. Bulgarova^{3,4}

¹*The Republic of Indonesia Defense University, Jakarta, Indonesia*

²*University of Surabaya, Surabaya, Indonesia*

³*RUDN University, Moscow, Russian Federation*

⁴*Alnoor University, Mosul, Republic of Iraq*

✉ pramesti.adelisca@gmail.com

Abstract. The Internet shutdown in West Papua and Papua, in 2019 as an example of the Ministry of Communications and Informatics of the Republic of Indonesia failure to balance national security and digital freedoms. The Internet shutdown was suppress and control the flow of information has been criticized as an authoritarian strategy that undermines human rights and digital freedoms, further deepening mistrust between the state and citizens. The Ministry needs to refrain from abusing their powers and ensure that cybersecurity regulations do not violate civil liberties, as excessive restrictions weaken democratic values. Emphasized the Ministry's failure to comply with cybersecurity standards, which has led to human rights violations and manipulation of perceptions of national security, ultimately damaging Indonesia's reputation. Finally, the article highlights the value of long-term relationships in transitional justice, justifying the need for a human-centered approach to institutional transformation within the framework of national cybersecurity initiatives. This article highlights the importance of transparency, accountability, and the protection in preventing future abuses. This article calls for a reevaluation of cybersecurity practices for digital freedoms, emphasizing the necessity of transparent and inclusive policies that reflect democratic principles.

Keywords: media, human rights, digital freedom, Indonesia, communication, cybersecurity standards, mediasafety

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Authors' contribution. Development of the research concept, data collection and analysis, manuscript writing – Adelisca Pramesti; development of the research concept, research data collection and analysis – Hikmat Z. Almubaroq; data collection and analysis,

manuscript writing – Aloysia V. Herawati; data analysis, manuscript editing – Bella A. Bulgarova.

Article history: submitted August 31, 2024; revised October 19, 2024; accepted December 29, 2024.

For citation: Pramesti, A., Almubaroq, H.Z., Herawati, A.V., & Bulgarova, B.A. (2025). Enduring Cybersecurity and Transitional Justice: Aftermath of West Papua and Papua's Internet Shutdown in 2019. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(1), 186–198. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-186-198>

Обеспечение кибербезопасности и правосудия переходного периода после отключения интернета в Западном Папуа – Новой Гвинее в 2019 году

А. Прамешти¹, Х.З. Альмубарок¹,
А.В. Херавати², Б.А. Булгарова^{3,4}

¹ Университет обороны, Джакарта, Индонезия

² Университет Сурабая, Сурабая, Индонезия

³ Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

⁴ Университет Альнур, Мосул, Ирак

✉ pramesti.adelisca@gmail.com

Аннотация. Отключение интернета в Западном Папуа и Новой Гвинее рассматривается как пример неспособности министерства связи и информатизации Республики Индонезия сбалансировать национальную безопасность и цифровые свободы. Отключение интернета подверглось критике как авторитарная стратегия, которая подрывает права человека и цифровые свободы, создавая и углубляя недоверие между государством и гражданами. Государству (в данном случае министерству) необходимо воздержаться от злоупотребления своими полномочиями и гарантировать, что правила кибербезопасности не нарушают гражданские свободы, поскольку чрезмерные ограничения ослабляют демократические ценности. Показывается несоблюдение государством (министерством) стандартов кибербезопасности, что привело к нарушениям прав человека и манипулированию восприятием национальной безопасности, а в конечном итоге нанесло ущерб репутации Индонезии. Подчеркивается ценность долгосрочных отношений в переходном правосудии, обосновывается необходимость подхода, ориентированного на человека, институциональной трансформации в рамках национальных инициатив по кибербезопасности, важность прозрачности, подотчетности и защиты в предотвращении будущих злоупотреблений. Авторы призывают к переоценке практик кибербезопасности для цифровых свобод, указывая на необходимость прозрачной и инклюзивной политики, отражающей демократические принципы.

Ключевые слова: СМИ, права человека, цифровая свобода, Индонезия, коммуникация, стандарты кибербезопасности, медиабезопасность

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Разработка концепции исследования, сбор и анализ данных, написание рукописи — А. Прамешти; разработка концепции исследования, сбор и анализ материалов — Х.З. Альмубарок; сбор и анализ материала, написание рукописи — А.В. Херавати; анализ материала, редактирование рукописи — Б.А. Булгарова.

История статьи: поступила в редакцию 31 августа 2024 г.; отрецензирована 19 октября 2024 г.; принята к публикации 29 декабря 2024 г.

Для цитирования: *Pramesti A., Almubaroq H.Z., Herawati A.V., Bulgarova B.A.* Enduring cybersecurity and transitional justice: Aftermath of West Papua and Papua's Internet shutdown in 2019 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 1. С. 186–198. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-186-198>

Introduction

In the current situation, Indonesia still lacks knowledge about integrating closely between cybersecurity and transitional justice to eliminate conflict spreads. Thus, security system reform aims to change state institutions serve the public, and act with integrity. The importance of sustainable footpaths as stable turmoil reconciliation in society. Then proposition innovation is well prepared for the future. Cybersecurity should as a lesson for ensuring human rights protection. Security and defense affairs have been crucial national problems, and are part of the disturbance source of human rights welfare. These sectors impact national welfare, especially the national security and human security dimension.

First, the relationship with national security is serving as a service in government and people towards information-communication technology infrastructures (ICT) to be used or operationalized. Moreover, the existence of services would be in a policy and enactment as a law supremacy for handling digital public order. Second, the relationship with human security is usually connected with civil liberties needs, which means aiming to prevent and reduce digital harmfulness. In those approaches, cybersecurity could be a concern with micro prosperity, especially toward citizens having rights to embody access freedom, and empowerment from digital threats. Carries out from two dimensions, security and defense affairs are closely within the cybersecurity system. Those pivotal sectors impact the region and people's life sustainability development.

Cybersecurity would be a pivotal human-centric—and also prevent state-centric risk effects inside of overlapped policy and power used. According to the duo-edge sword preposition, brings dysfunctional problems to cybersecurity. In principally, the duo-edge sword preposition should be delicately integrated and consensus to other potential aspects, especially human-centric. As a democratic country, openness, fairness, and greater protection are benchmarks of a government system to achieve effective people's political will. The declaration of the United Nations Human Rights Council about cybersecurity in July 2012 committed to the availability of the same protection rights for people in offline and online environments (Liaropoulos, 2015, p. 19). Thus, cybersecurity is more

drive broadly handled by private, national, or global domains in the ability to responsibly, integrity, and humanity on ICT's infrastructure prosperity.

On the other hand, cybersecurity is used as an allegation of human rights abuses within malpractice. Internet shutdowns are a tool for generating an information void that authoritarian regimes can take advantage of by aggressively terminating (Thumfart, 2024, p. 3). The aftermath in West Papua and Papua in 2019 was evidence of the government's failure in cybersecurity operations. The government's disease today is a lack of awareness of to rebuilding of cybersecurity aspects. The source of conflict was misperception about disrespect and complicated because of persecution, terror, and discrimination against Papua students. Afterward, the escalating information about the incident was tightened. In response to the information tension, the Ministry of Communications and Informatics of the Republic of Indonesia terminated the Internet to prevent the spread of misinformation. The Ministry of Communications and Informatics of the Republic of Indonesia did not briefly present cybersecurity and transitional justice as national security strategies as a non-military aspect. This article proposes prominent principles and approaches in formulating structures managing to force modernization of national security in systemic policies prosperity.

Analysis Framework

The types of constitute analysis in this article are provided to describe the reflective malpractice in cybersecurity force in West Papua and Papua toward other countries. It also describes the gridlock of power abuse and surveillance, and it details overlapping institutional authority and accountability interests. In results and discussion, the section examines the enduring transnational justice connectivity post-conflict within institutional reform figures. In conclusion, this article has the recommendation to examine chapter highlights and persuasive scholars that could drive more cybersecurity as digital products should support and adhere engagement to national humanity's welfare development.

This article's aim has resulted in securitization incompetent framework for terminating the imperishable conflict. If this incompetent matter is never solved with swift steps, both civilian and military troops will always be victims targeted by government ego and ambition. The proliferation and termination of the counterinsurgency through an autonomous enactment only temporarily solved the problems. It is because of the aim of terminating only to cease spreading the escalating of the separatism movement. Those autonomous enactments could be giving frustrated separatism is broadly sporadic. This national security catastrophe should concern the securitization process as defense forces are competent, mostly reducing lingering weaponized tension and rapidly violence-abuses victims.

Materials and Methods

This article is based on research that uses a Systematic Literature Review (SLR) methodology, which is to discover empirical findings of pre-specified inclusion criteria and future studies to answer particular research questions (Snyder, 2019, p. 334–335). It aims to assemble, compare, and examine the documents and scientific articles. Those two steps belong to the empirical findings to be found and accordingly in The security sector, and Institutional and democracy. Accordingly, this article’s methodology aims findings renewable empirical research (table) highlights an inventory in conducting, and mainly provides four systematic literature reviews.

Table

Inventory of systematic literature review approach by author (2024)

Divisions	Authors	Discipline	Type of Literature Review	Key Contribution
Legal Studies	Putusan PTUN JAKARTA Nomor 230/G/TF/2019/PTUN.JKT	Beschikking (Written Determination)	Review papers and systematic review	1. Defines a lawsuit. 2. Provides guidelines for law review
Cybersecurity and Defense	Ryng et al. (2023)	National and international defense	Systematic review	1. Provides an overview of cybersecurity studies with cross-country comparisons. 2. Discusses common cybersecurity risk problems
Interdisciplinary Social Studies	Antony Lee (2020)	Social sciences and humanities	Systematic review and meta-analysis	1. Provides numerical evidence of problem research. 2. Examines challenges associated with the triumvirate research approach
Transitional Justice and Policy	Aulund, & Levorsen (2012)	Social sciences and humanities	Systematic review	1. Defines transitional justice. 2. Offers recommendations within MoU agreements and the TRC approach

Illustrated and developed by the researcher (2024)

This article uses a systemic literature review as the primary method. Gathering secondary data from government publications, such as legal-formal sources, policy papers, and official statements. Moreover, within gathering the data addendum, this article contributes to mitigating of malpractice of cybersecurity and could give a policy ambiguity towards human rights sovereignty. It could be emphasized to resolve counterinsurgency proliferation in the Papua conflict. Admittedly, security fundamentals must be representative of human-centric. This article proposes to save the integrity of cybersecurity by protecting national security. With a greater focus on merits analysis on legitimacy freedom and eliminating abusive power.

Results and Discussion

Identification of Reflective Malpractice in Cybersecurity

The concept of cybersecurity needs to be specifically centered on non-military dimensions. This article approaches cybersecurity through a historical lens, examining its definitions within the framework of national security. It positions cybersecurity as a component of sovereign and defense protection. It is argued that the definition of cybersecurity should be prioritized as a national security defense.

Cybersecurity is more complicated with differences in legal, facets, and legislative analyses. Complications are more ruined by only focusing on defining and solving cybersecurity issues within cyber threat actors, such as terrorists, criminals, hackers, and nation-states. It should reflect different varieties of cyber threats, such as critical infrastructure that could lead to life, economic damage, and intellectual property, which could as a nation's long-term competitiveness (Lowrie, 2015, p. 203–204).

Some significant research findings are that Indonesia used Law Number 11 of 2008 on Electronic Information and Transactions on the Internet Shutdown through The Ministry of Communication and Informatics and Presidential Office Staff. The government claimed that demonstrations and riot waves made emergency varieties of misinformation news spread, national security instability, and economic backlash in many districts and cities of West Papua and Papua (Hadi et al., 2021). The effects of that strategy will trigger explosive riots political mobilization, and economic disturbance. As a result, the Internet on ICT infrastructures could spread frustrated the disrupted society that had potentially built duo-edge swords within government over power control justified as an autonomous weapon, which is under-addressed in handling national security problems.

Identification of the Gridlock Between Abuse of Power and Surveillance

The Internet shutdown did not do democracy enforcement, including disadvantage protection in technological communication and significant growth. It is an especially filter-bubble narrative inside digital censorship laws toward filtering fake information to the next level but found in physical apparatus – abuse of power – violations in blackouts infrastructure (De Gregorio, & Stremlau, 2020; Shah, 2021). Many perceptions are still overwhelmed by an exponential scale of fake information distributions, “shared by uncritical publics” (Ireton, & Posetti, 2018, p. 15). The West Papua and Papua Internet Shutdown in 2019 has already started immobilizing national insecurity with cybersecurity malpractice, which terminated ICT infrastructure. On the other hand, the Internet shutdown precisely escalated people's overwhelming feelings of anger and distrust toward the government. Ministry of Communications and Informatics of the Republic of Indonesia, as a government representative responsible for terminating the ICT

infrastructure, was fatally handling policy and service. Tragically in this problem, malpractice was more complicated in the cybersecurity aspect too, in favor of recovery and growth of peacekeeping operations and also potential continuing national security and human security destruction.

First, the Ministry of Communications and Informatics of the Republic of Indonesia used cybersecurity as an autonomous weapon in chaotic situations during the Internet shutdown. Cybersecurity has been sabotaged and manipulated to cover political chaos and immobilization under national security matters. The government system through the Ministry of Communications and Informatics of the Republic of Indonesia wanted to prevent and mobilize disturbances instantly coming after the effects of civilians protesting waves. It could essentially lose accountability through sabotage and manipulated methods. Those methods can repress digital community and communicative interactions – ICT infrastructure, also it has illiberal interferences to covered protection under autonomous weapons to slash freedom of expression and privacy on the technologies side (Glasius, & Michaelsen, 2018; Wagner, 2018). These kinds of sabotage and manipulated effects not only spread chaos and mobilization of those disturbance national security matters by the Ministry of Communications and Informatics of the Republic of Indonesia but also limited the development of democracy access and processes as usual in authoritarian regimes.

Second, the government through the Ministry of Communications and Informatics of the Republic of Indonesia – or other ministries – was only focused, ambitious, and concerned without acknowledging diagnosis and solving within brilliant national security policy toward the counterinsurgency's reconciliation as transformational handled roots affairs. Conversely, the Ministry of Communications and Informatics of the Republic of Indonesia chose another option, the Internet shutdown, which brought a setback in government institutions to reduce democracy enforcement through restrained accessing Internet connectivity under authoritative and authorized peacekeeping ICT infrastructure distribution development.

Ministry of Communications and Informatics of the Republic of Indonesia did Internet shutdowns won't stop the flow of misinformation news or block resources, but only delay the control of information traffic based on deliberate government instructions. Eventually, it will widespread destruction to other national security sectors, and threats to intellectual property, which could affect our nation's long-term competitiveness. However, the malpractice of Internet shutdown as a new weapon model is creating digital mass killings within terminated ICT infrastructure under singular control. The Internet shutdown is usually adopted in authoritarian regimes to control and limit civilian security using ICT infrastructure – as a digital freedom – to demands of government cooptation which causes national human insecurity. Especially in this problem, the Ministry of Communications and Informatics of the Republic of Indonesia responsibility used a very uncommon standard – Internet shutdown – in the

democratic government system, but this happened as a common to repulse misinformation news.

Identification of Enduring Connectivity in Transitional Justice

Internet Shutdown affairs as a sense of cybersecurity emergency issues could be a weapon regime to curb a threat, meanwhile protecting cover contrary debate and democracy procedures (Ryng et al., 2022). The dual-use dilemma, cybersecurity as a weapon provides effectors to components – ICTs and society – for doing the killing, destruction, the delivery vehicles – drone warfare – the launcher to the destination or into range (Riebe, & Reuter, 2019). This overlapping nagging felt confusing in describing the purposes of impact, advantages, and hidden harm in a wide range. It means the items, knowledge, and technology have various beneficial, also harmful applications (Riebe, & Reuter, 2019). Regarding those cybersecurity ambiguity problems is a dual-use dilemma within the Internet Shutdowns affair as an autonomous weapon in West Papua and Papua.

The court's decision, documented in the *Decision of Administrative Court Jakarta* Number 230/G/TF/2019/PTUN.JKT that the access was cut off in 4 cities/regencies in Papua province (Jayapura City, Jayapura District, Mimika District, and Jayawijaya District) and 2 cities/regencies in West Papua province (Manokwari City and Sorong City), and as well, the access was cut on September 4, 2019, at 23.00 WIT until September 9, 2019, at 18.00/20.00 WIT. Instead, the government ended up as suspected of violating the 1959 State Emergency Law in The Jakarta Administrative Courts. That response to the national instability, which used Internet Shutdowns is an autonomous weapon to push back a misinformation news spread. It recalls many provoked debates in West Papua and Papua. It still curbs many questions, using a national cybersecurity infrastructure to solve counterinsurgency in West Papua and Papua to over misinformation news tension.

The aim of our government use a cybersecurity strategy to solve those problems, used Internet Shutdown within terminated ICT infrastructure was an instant core to not direct physical attack and damage towards West Papua and Papua. If those dual-use dilemmas in cybersecurity never get attention, it will continue to fear more decreased democracy – liberty and security – regimes. The transitional Justice pattern refers to how reforming, building, and developing efficiency and fairness in public institutions into institutional reform in post-conflict and transitional government to prevent future human rights violations and abuses (Aulund, 2012, p. 25–26). As it is very name suggests, the Transitional Justice pattern could solve the aftermath Internet Shutdown in West and Papua, and provide future national cybersecurity as national security prosperity.

The availability of strengthening the relationship between institutional and infrastructure to tighten up responsible research and innovation as national security anatomy development, especially cybersecurity aim. Cybersecurity and the Ministry of Communications and Informatics of the Republic of Indonesia

as other national cyber institutions can be reformed to define cybersecurity functions to prevent overlapping awareness. In essence to reckon post-conflict, restore justice, and reconciliation to stable national security in the future. Especially transitional justice existence now and future should be balanced between political and technical structures for finding and evaluating each other in the truth-seeking process. It should be a focus and help to mobilize public deliberation in the governance system to fulfill the needs and capacity building to endure cybersecurity to respect human rights policy esteem.

Institutional reform must be an agenda of attention after West Papua and Papua in 2019. It namely part of the institutional reform of institutions that have so far committed abuse to transform towards integrity, accountability, and trust towards full rights to give birth to and empower a sovereign society security (Davis, 2012). Therefore, the government system must be learned from West Papua and Papua as counterinsurgency regions. It means doing a bearing within promotes the empowerment of a human-centric approach, an essential commitment to preventing more people or states as a victim or perpetrators from mislead of overlapping interests.

Cybersecurity and human security occupies center priority rights, which means civilians must protected in trust and security during accessing devices and networks towards less differentiation of national security and security of the global Internet¹ (Pavlova, 2020). The importance of an integral component to implement it, must both government and regional partners – the private sector – must have adequate involvement in the mission in the long-term strategies, including a rapid response, so as not to fall too deep into malpractice and national security dysfunction. For instance, needs to urge specific narratives within the formation of a special internal team under the special supervision of the ombudsman, the National Human Rights Commission, and the private cybersecurity-telecommunication companies sector.

So, the overlapping caused by government power control and centralized Internet structure never happened again. Governments and associated institutions may successfully prevent overlapping protection and control power in institutions. Furthermore, could be properly used cybersecurity by following ethical and human rights guidelines to combat misinformation without an Internet Shutdown. Lastly, infringing on people's digital rights by adopting a more inclusive institutional approach grounded on humanity.

Therefore, the transitional justice process through institutional reform requires an effective conflict communication process in negotiations to run optimally. This is done using both parties to the conflict agreeing to carry out a peaceful resolution of the dispute. Determining that holding open negotiations between representatives that take place behind closed doors is more optimal than open negotiations that

¹ Association for Progressive Communications (2020). *APC policy explainer: A human rights-based approach to cybersecurity*. <https://www.apc.org/en/pubs/apc-policy-explainer-human-rights-based-approach-cybersecurity>

involve intervention from external parties outside the country and other pressure groups. Although conflict communication is a mechanism that can lead to successful conflict resolution between parties in conflict.

For this reason, it must be responded to positively because it is part of what is capable of initiating future-oriented movements to guide other parties towards the desired targets (Zartman, 2008), one of which is increasing trust in government again. However, for audiences to accept their narratives, the actors must hold authority or be seen as trustworthy to implement securitization involving both government officials and civil society actor's power engagement (Lee, 2020). So, parties in conflict must also play a responsive, responsible, and practical role so that the resolution in managing conflict communication management strategies can analyze the resolution process well in achieving the desired results and mutually agreed decisions. Remember, in a democratic society, anyone can act as a securitizing agent.

The implementation of the Internet shutdown in West Papua and Papua regions is a failure manifestation by the government after facing duo-edge swords between to protect from information news streams and order demonstration waves. Even though, duo-edge swords as a dilemma turmoil, the Internet shutdown into an autonomous weapon to reduce and prevent more new demonstration waves. Meanwhile, it also seems to intentionally attack ICT infrastructure, likely through digital violations in the destruction of ICT infrastructure within the limit accessing the Internet, slowing down the signal of Internet distributions, and using Indonesia Law Number 11 of 2008 on Electronic Information and Transactions as abusive power occasion. In this article, the author examines three chapters to encourage readers to explore and emphasize West Papua and Papua in 2019 as crucial affairs to restore advancing human rights and digital freedom comprehension to protect national security.

First, the malpractice of cybersecurity in Papua Internet shutdown must be the last overlapping on governance policy decision-making to handling local affairs. Ministry of Communications and Informatics of the Republic of Indonesia as a representative of the government or another government institution must not allow an authoritarian regime to control, abuse, repress, and institutional centralize on Internet flow. Second, the gridlock between power abuse and surveillance explains that the Ministry of Communications and Informatics of the Republic of Indonesia failed to acknowledge the meaning of cybersecurity principles. It showed that the Ministry of Communications and Informatics of the Republic of Indonesia did not undertake accountability and blunders, also spreading catastrophe by attacking people's rights before and after the Internet shutdown. It means had considered as sabotage and manipulation figures to national cybersecurity. Last but not least, enduring connectivity in transitional justice. In this chapter, the author carries out transitional justice on institutional reform to take seriously rebuilding human-centric and government-regional partner approach to the national cybersecurity mission as protect and respect freedom from digital violations, and vice-versa.

Conclusion

The purpose of the national government within security-cyber defense ministries and the private sector could be focused on cooperation engagement to rebuild again aftermath of West Papua and Papua catastrophe on connectivity in transitional justice within a human centric approach. Take example, it will be in enacting legislation, developing risk assessments and policies, imposing regulations and standards, establishing an industrial security operations center, improving critical system resilience, and responding effectively to cyberattacks and incidents. Eventually, people's needs within cybersecurity should be respected and reduce vulnerability to human-centric dimensions, such as freedom from torture, repression, and deprivation.

However, it should also be remembered that the consequences of the Internet shutdown in West Papua and Papua in 2019 did not provide a solution to the human insecurity conflict. In addition, the Ministry of Communication and Information must also carry out cybersecurity accountability as it should and must instill respect and obey human rights. Therefore, academics must explore contemporary conflict studies more curiously, especially cybersecurity, which is an inseparable component of technology in human rights affairs. Now, academics must specifically consider the paradox between the stability of security that is applied and the meaning of security that is seized. Most cybersecurity interventions have the potential to cause repressive conflicts, such as the deadlock between abuse of power and surveillance. This marks a multifaceted paradox in an unhealthy cybersecurity sector and raises the possibility uncontrolled surveillance by the government system that births an authoritarian regime will emerge.

References

- Aulund, M.L. (2012). *Transitional justice for Papua: Lessons to be learned from Indonesian experiences?* [Master's thesis in the Theory and Practice of Human Rights]. University of Oslo. <https://www.duo.uio.no/handle/10852/34051>
- Davis, L. (2009). *Transitional justice and security system reform*. Initiative for Peacebuilding Paper. International Centre for Transitional Justice. https://www.peacewomen.org/assets/file/Resources/NGO/recon_transjusticessr_ictj_2009.pdf
- De Gregorio, G., & Stremlau, N. (2020). Internet shutdowns and the limits of law. *International Journal of Communication*, 14, 4224–4243. <https://ssrn.com/abstract=3622928>
- Glasius, M., & Michaelsen, M. (2018). Illiberal and authoritarian practices in the digital sphere: Prologue. *International Journal of Communication*, 12, 3795–3813. <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/8899/2459>
- Hadi, I.S., Arfani, R.N., & Ikhwan, H. (2022). Dynamics of People, State, and Cyber Power in the Internet Shutdown Policy at Papua and West Papua in 2019. In *3rd International Media Conference 2021* (pp. 234–248). Atlantis Press. <https://doi.org/10.2991/assehr.k.220705.025>
- Ireton, C., & Posetti, J. (Eds.). (2018). *Journalism, fake news & disinformation: Handbook for journalism education and training*. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization.

- Lee, A. (2020). Online hoaxes, existential threat, and Internet shutdown: A case study of securitization dynamics in Indonesia. *Journal of Indonesian Social Sciences and Humanities*, 10(1), 17–34. <https://ejournal.brin.go.id/jissh/article/view/8650/6664>
- Liaropoulos, A. (2015). A human-centric approach to cybersecurity: Securing the human in the era of cyberphobia. *Journal of Information Warfare*, 14(4), 15–24.
- Lowrie, J. (2015). Cybersecurity: A primer of U.S. and international legal aspects. In T.A. Johnson (Ed.), *Cybersecurity: Protecting critical infrastructures from Cyber attack and cyber warfare* (pp. 199–251). CRC Press.
- Pavlova, P. (2020). Human Rights-based Approach to Cybersecurity: Addressing the Security Risks of Targeted Groups. *Peace Human Rights Governance*, 4(3), 391–418. <https://doi.org/10.14658/PUPJ-PHRG-2020-3-4>
- Riebe, T., & Reuter, C. (2019). Dual-Use and Dilemmas for Cybersecurity, Peace and Technology Assessment. In C. Reuter (Ed.), *Information Technology for Peace and Security* (pp. 165–183). Wiesbaden: Springer Vieweg. https://doi.org/10.1007/978-3-658-25652-4_8
- Ryng, J., Guicherd, G., Saman, J.A., Choudhury, P., & Kellett, A. (2022). Internet Shutdowns: A Human Rights Issue. *The RUSI Journal*, 167(4/5), 50–63. <https://doi.org/10.1080/03071847.2022.2156234>
- Shah, N. (2021). (Dis)information Blackouts: Politics and Practices of Internet Shutdowns. *International Journal of Communication*, 15, 2693–2709. <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/13977/3466>
- Snyder, H. (2019). Literature review as a research methodology: An overview and guidelines. *Journal of Business Research*, 104, 333–339. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2019.07.039>
- Thumfart, J. (2024). Digital Rights and the State of Exception. Internet Shutdowns from the Perspective of Just Securitization Theory. *Journal of Global Security Studies*, 9(1). <https://doi.org/10.1093/jogss/ogad024>
- Wagner, B. (2018). Understanding Internet Shutdowns: A Case Study from Pakistan. *International Journal of Communication*, 12(1), 22. <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/8545>
- Zartman, I.W. (2008). *Negotiation and conflict: Essays on theory and practice*. Routledge.

Bio notes:

Adelisca Pramesti, Master's Student in the Defense Management Program, Department of Defense Management, The Republic of Indonesia Defense University, 3 Salemba Raya, Central Jakarta, 10440, Indonesia. ORCID: 0009-0001-1588-8052. E-mail: pramesti.adelisca@gmail.com

Hikmat Zakky Almubaroq, Head of the Master's Program in Defense Management, Department of Defense Management, The Republic of Indonesia Defense University, 3 Salemba Raya, Central Jakarta, 10440, Indonesia. ORCID: 0000-0002-9644-9245. Email: zakky-auri94@gmail.com

Aloysia Vira Herawati, Researcher, Teacher Researcher in Pedagogy, Lecturer, Faculty of Law, University of Surabaya, Raya Kalirungkut Tenggilis, Surabaya, 60293, Indonesia. ORCID: 0000-0003-4375-5246. E-mail: vira@staff.ubaya.ac.id

Bella A. Bulgarova, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Mass Communication, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation; Professor, Department of Digital Media, College of Arts, Alnoor University, Mosul, 41012, Republic of Iraq. ORCID: 0000-0001-6005-2505; SPINE-code: 8571-8231. E-mail: bulgarova-ba@rudn.ru

Сведения об авторах:

Прамешти Аделиска, магистр программы «Управление обороной», департамент управления обороной, Университет обороны Республики Индонезия, Индонезия, 104403, Центральная Джакарта, ул. Салемба Рая. ORCID: 0009-0001-1588-8052. E-mail: pramesti.adelisca@gmail.com

Альмубарок Хикмат Закки, руководитель магистерской программы по управлению обороной, департамент управления обороной, Университет обороны Республики Индонезия, Индонезия, 104403, Центральная Джакарта, ул. Салемба Рая. ORCID: 0000-0002-9644-9245. E-mail: zakkyauri94@gmail.com

Херавати Алоуизия Вира, научный сотрудник, преподаватель-исследователь в области педагогики, юридический факультет, Университет Сурабая, Индонезия, 60293, Сурабая, Рая Калирунгкут Тенгилис. ORCID: 0000-0003-4375-5246. E-mail: vira@staff.ubaya.ac.id

Булгарова Белла Ахмедовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; профессор кафедры цифровых медиа, Колледж гуманитарных наук, Университет Альнур, Республика Ирак, 41012, Мосул. ORCID: 0000-0001-6005-2505; SPINE-код: 8571-8231. E-mail: bulgarova-ba@rudn.ru

МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ

MEDIA EDUCATION

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-1-199-212

EDN: UUDCIK

UDC 821.16.1:070

Research article / Научная статья

The Bechdel Test in Russian Fanfiction: The Portrayal of Women

Leila O. Algavi[✉], Irina I. Volkova^{id}, Alina V. Kharchenko^{id},
Mariam Jorjikia^{id}

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

[✉]algavi-lo@rudn.ru

Abstract. There are very few discussions about the necessity of a syllabus on the study of fanfiction in the professional training programs of Russian teachers and university professors. The educational potential of fan art is still underestimated, although the possibility of using fan works, especially fan fiction, in pedagogical activities was first put on the media education agenda more than ten years ago. Fic writers are creatively and communicatively active schoolchildren and students the very social group the efforts of teachers are targeted to. Fan writings can be considered as additional empirical material for the study of motivation and development of students' special skills. This article presents the results of an analysis of Russian language fanfics based on the film series: *Alien* (1979), *Aliens* (1986), *Alien 3* (1992), *Alien Resurrection* (1997), *Prometheus* (2012), and *Alien: Covenant* (2017). The hypothesis of the involvement of Russian-speaking fic writers in feminist notions of gender, as well as gender impartiality, was tested. The Bechdel Test, adapted by the authors, was used as a means of analysis. It is the first time the means were applied to such fanfiction research. The results partially disproved the hypothesis. The case was tested in the 2022–2023 academic year as part of a special course program for students of the evening Department of the Faculty of Philology at the RUDN University and was approved by the teachers as a valuable source of information about the worldview of modern youth.

Keywords: media, fan art, gender impartiality, women's theme, youth values, media education

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Authors' contribution. Development of the research concept, data analysis, manuscript writing – Leila O. Algavi; development of the research program, manuscript writing and

editing – Irina I. Volkova; data collection and analysis, manuscript writing – Alina V. Kharchenko; data collection and analysis – Mariam Jorjikia.

Article history: submitted July 1, 2024; revised September 12, 2024; accepted October 30, 2024.

For citation: Algavi, L.O., Volkova, I.I., Kharchenko, A.V., & Jorjikia, M. (2025). The Bechdel Test in Russian Fanfiction: The Portrayal of Women. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(1), 199–212. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-199-212>

Тест Бекдел в русскоязычном фанфикшене: изображение женщин

Л.О. Алгави[✉], И.И. Волкова^{id}, А.В. Харченко^{id},
М. Джорджикиа^{id}

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

✉algavi-lo@rudn.ru

Аннотация. Дискуссий о включении курса по изучению фанфиков в программы профессиональной подготовки преподавателей недостаточно. Образовательный потенциал фанатского творчества до сих пор недооценен, хотя возможность использования таких произведений, особенно фанфиков, в педагогической деятельности впервые была поставлена в медиаобразовательную повестку более десяти лет назад. Авторы фанфиков – это креативные и коммуникативно активные школьники и студенты, та социальная группа, на которую направлены усилия преподавателей и педагогов. Фанфикшен можно рассматривать как дополнительный эмпирический материал для изучения мотивации и развития специальных навыков у студентов. В данной статье представлены результаты анализа русскоязычных фанфиков, основанных на серии фильмов «Чужой» (1979), «Чужие» (1986), «Чужой 3» (1992), «Чужой: Воскрешение» (1997), «Прометей» (2012) и «Чужой: Завет» (2017). Была проверена гипотеза о причастности русскоязычных авторов фантастических фильмов к феминистским представлениям о гендере, а также о гендерной беспристрастности. В качестве средства анализа использован тест Бекдел, адаптированный авторами. Подобная методика впервые применена для исследования фанфиков. Результаты частично опровергли гипотезу. Кейс впервые был апробирован в 2022–2023 учебном году в рамках программы специального курса для студентов вечернего отделения филологического факультета (Российский университет дружбы народов) и одобрен преподавателями как ценный источник информации о мировоззрении современной молодежи.

Ключевые слова: медиа, фанатское творчество, гендерная беспристрастность, женская тема, ценности молодежи, медиаобразование

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Разработка концепции исследования, анализ материалов, написание текста – Л.О. Алгави; разработка программы исследования, написание и редактиро-

вание текста — И.И. Волкова; сбор и анализ данных, написание текста — А.В. Харченко; сбор и анализ данных — М. Джорджикиа.

История статьи: поступила в редакцию 1 июля 2024 г.; отрецензирована 12 сентября 2024 г.; принята к публикации 30 октября 2024 г.

Для цитирования: *Algavi L.O., Volkova I.I., Kharchenko A.V., Jorjikia M.* The Bechdel test in Russian fanfiction: the portrayal of women // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 1. С. 199–212. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-199-212>

Introduction

The women's theme in the context of media is studied in different aspects (Amiri, 2023; Jorjikia, 2013; Sevastyanova, & Khudnitskaya, 2023). At the same time, the problems of feminism remain relevant. A *Savanta Research Center* (United Kingdom) survey claimed that feminist ideologies and movements are actively supported by young people. A large number of young women and men believe that feminism is needed in the developed and developing world (Hansom, 2019).

The women's movements in Western countries and in Russia have developed differently, which is why attitudes toward feminism and ideas of gender equality differ. As Russian women got the same rights as their men a century ago, most adults in Russia are totally indifferent to feminist ideas. Such indifference on the part of adults has impacted the country's ratings. According to the *Gender Inequality Index*, compiled as part of a special series of UN reports in 2024, Russia ranks 43th among 170 countries in the World on this indicator of social development¹. *Women, Business and the Law 2024* presents an index covering 190 economies and structured around the life cycle of a working woman. In total, 35 questions are scored across eight indicators. Overall scores are then calculated by taking the average of each indicator, with 100 representing the highest possible score. Based on this approach, Russian Federation scores 73.1 out of 100.0². The overall score for Russian Federation is lower than the regional average observed across Europe and Central Asia (85.8). *Russian Public Opinion Research Center* (VCIOM) survey (2019) showed that only 31 % of adult Russian women and men support the feminist movement for achieving equality of political, economic, personal, and social rights. Younger generations are more likely to favor these ideas (44 % of the 18–24-year-olds vs 31 % across the sample in general). Thus, different generations of Russians have their system of values and different attitudes to this phenomenon. According to VCIOM, “Young young people have

¹ Rating of countries of the world by the Gender Inequality Index (21.01.2025). Humanitarian portal: research and forecasts. Center for Humanitarian Technologies, 2006–2025. <https://gtmarket.ru/ratings/gender-inequality-index>

² Women, Business, and the Law (WBL) index in Russia in 2024, by indicator (2025). Statista. <https://www.statista.com/statistics/1088340/russia-women-business-and-the-law-index-by-category/>

always been the subject of social changes because they are energetic, proactive, learn new things faster than others and as a rule adapts to changes more easily” (Gendernoe, 2019).

The authors proposed the following hypothesis: as Russian youth easily adapt to changing conditions of life, open to innovation and social change, they are likely to support feminism. To be sure of this statement, it was decided to test the hypothesis by analyzing youth fan writing: how much feminist principles of gender equality are manifested in it.

In the 1985 issue of *Dykes to Watch Out For* (1983–2008) by American cartoonist Alison Bechdel, one of the characters states that she only watches movies that meet three conditions:

- They have at least two female characters whose names are known;
- These characters appear together in the same scene and talk to each other;
- The conversation they are having is not on the subject of men.

And the last such movie she saw was Ridley Scott’s *Alien* (1979).

These rules were allegedly invented by a friend of A. Bechdel after reading Virginia Woolf’s essay *A Room of One’s Own* (1929), in which the writer stated that in most works of fiction female characters exist exclusively in relationship to male heroes: “I tried to remember any case in the course of my reading where two women are represented as friends. There is an attempt at it in *Diana of the Crossways*. They are confidantes, of course, in Racine and the Greek tragedies. They are now and then mothers and daughters. But almost without exception they are shown in their relation to men. It was strange to think that all the great women of fiction were, until Jane Austen’s day, not only seen by the other sex, but seen only in relation to the other sex. And how small a part of a woman’s life is that; and how little can a man know even of that when he observes it through the black or rosy spectacles which sex puts upon his nose” (Woolf, 1929).

Conceived as *a moralit* on gender bias in commercial movies the conditions became a means for critical conception of the position of women in fiction and became known as the Bechdel Test (Bechdel). The test is commonly used to analyze movie tropes (Abdullaeva, 2021), but when used systematically, it reveals perceptions of gender roles in media and culture (Garcia et al., 2014). The Bechdel test does not pretend to be reliable in a mathematical sense; it is rather an indicator of a state, an analysis tool as a first approximation.

Research using this test has shown a gender bias in social science studies (Scheiner-Fisher, & Russell III, 2012) and motivated the use of computational approaches to analyze gender roles in fiction (Lawrence, 2011). As American researcher Scott Selisker rightly points out, the Bechdel Test, “akin to film ratings that warn viewers about strong language, violence, or sexual content<...> the test advertises a horizon of expectation for the content of a film, but, unlike them, it explicitly grants that content a political valence. In passing a politically charged judgment on a wide variety of kinds of cultural texts – it has been applied to plays, novels, films, videogames, and comics – the Bechdel Test

offers an unusual combination of empirical data and political judgment whose consequences for literary scholarship have not been addressed” (Selisker, 2015, p. 505).

The current amount of fan fiction creates a database suitable for analyzing subconscious biases and cognitive limitations. One challenge for the authors of this article is whether Russian-speaking fiction writers’ perceptions of gender roles pass the Bechdel test. In other words, how deeply ingrained are Western feminist ideas about gender in the minds of Russian.

Materials and Methods

We decided to apply the Bechdel Test to fanfictions that are popular (created and read) among young people. As in the previous article, where the authors investigated the online creativity of young people, we proceeded from the assumption that any fictional text, regardless of its quality, reflects the worldview and worldview of the author, in particular, his ideas about the rules that conduct this world, society, and individuals (Algavi et al., 2021, p. 6).

Even though the conditions of the test are quite clear, we consider it necessary to make several clarifications concerning the criteria that must meet by the text under analysis.

The first condition is there must be at least two female characters in the fanfic. By character, in this case, we, following the definition of the Polish Slavist Jerzy Faryno, meant the so-called character-objects, “any person (including anthropomorphic creature) who acquires the status of an object of narration (in a literary text), <...> Not all anthropomorphic creatures or persons in the literary text are presented similarly. Some of them have the status of objects in the story world in question. They are, so to speak, character-objects”. Others are given only as depictions but do not appear themselves in the story world. These are ‘characters – images’. And some are merely mentioned, but they do not appear in the text as objects or even as images. These are ‘absent characters’. They would have to be distinguished from mentions of persons who, by the convention of this story world, cannot appear in it at all. ‘Absent characters’ are not excluded by the convention, but on the contrary, are considered acceptable. Therefore, their absence is noticeable and thus significant” (Faryno, 2004, p. 106). So, in our research, we took into consideration only characters-objects.

The second condition is that these female characters have an oral dialogue. That is, the prerequisite is a conversation between one character and another, an unanswered phrase in this case is not considered a dialogue. Nevertheless, its length and the importance of the topic do not matter.

The third condition is that they must not talk about men at all. Not only lovers or husbands but also sons, friends, brothers, colleagues, etc.

So, since the comic book was about the Alien movie, we decided to see if these three test rules applied to fan works based on the Alien movie series: *Alien*

(1979), *Alien* (1986), *Alien 3* (1992) and *Alien 4: Resurrection* (1997), *Prometheus* (2012) and *Alien: Covenant* (2017).

The search was performed according to the following criteria: all fanfics exclusively in the *Alien* fandom (*Alien*/film series, 1979–2017) with the status ‘completed’ posted on the platform Ficbook.net (Fanfiction Book, or FB), since the 2007 year. So, we found 143 fanfics we posted during this period. 125 of them with the highest number of likes were selected. A detailed analysis revealed that only 7 fanfics out of 125 met all three criteria of the test. Thus, we have 118 fanfictions that did not pass the Bechdel Test, and only 7 passed. The authors of three of the seven fanfics that passed the test were men, two were women, and the gender of the other two fic writers could not be ascertained. Ten fanfics out of 125 belong to one author (Doppelganger Twin), but only one meets all the criteria. Interestingly, this fan-writer, a woman, use a photograph of actor Lance Henriksen as her avatar, which, combined with the nickname Doppelganger Twin, suggests that she not only wants more anonymity but also wants readers (at least when they first meet her) to associate her with a man.

The most popular genre for this universe has been the so-called ‘gen’ (FB has its system for defining genres) – 68 fanfics out of 125 have a story not focusing on romantic or sexual relationships, actually absent in original movie plots. Though, this situation is not typical for fanfiction. In our case, the general tendency remained: 3 of 7 fanfics that met the criteria of the Bechdel Test represent the ‘gen’ genre, 2 represent ‘femmeslash’ (the plot is based on romantic and/or sexual relations between women), one corresponding to ‘het’ (romantic and/or sexual relations between a man and a woman) and one marked as ‘other kinds of relations’ (sexual and/or romantic relations which cannot be referred to slash (romantic and/or sexual relations between men), femmeslash or get). Such distribution by genres explains the age limit set by the authors: 5 fanfics are rated PG-13 (fanfics which may describe romantic relations and/or may contain hints of violence and other serious moments), 1 of them is rated R (fanfics with erotic scenes or violence without detailed graphic description) and 1 is rated G (fanfics which may be read by any audience)³.

We adjusted the technique of determining gender to identify which dialogues contained masculine and feminine references. First, we manually filtered out nouns denoting inanimate objects, such as ‘base’ and toponyms. In other words, we filtered out all feminine nouns indicating objects that are neither agent nor patient in the text. Second, we eliminated the ambiguity of names that can be used for both genders. If a name is used for one gender at least five times more often than for the other gender, we assign it to the gender with the highest frequency. Third, we added possessive feminine and masculine pronouns. In each dialogue, they were treated as references to male, female, both, or none, depending on the presence of common words and names associated with each gender.

³ For more information on genres and age ratings, visit <https://ficbook.net/>

In our study, we apply the above method to a specific subset of dialogues, seeking only to answer the question of whether dialogues between characters of the same sex contain references to the opposite sex.

In each fanfiction we defined a set of dialogues. We considered each dialogue as a tuple with the following components $\{g_1, g_2, m/f\}$, where g_1 and g_2 are the gender of the dialogue participants (M – male, F – female and N – undefined gender), and m/f – binary values equal to 0 if the dialogue includes mentioning the opposite gender, and 1 is not. For example, the dialogue between a pair of female characters who do not mention men can be written as $\{F, F, 1\}$.

Calculating the Bechdel score is a fairly simple way of assessing whether a media text passes the Bechdel test. We calculated the Bechdel score for female characters (B_F) of the fanfiction as the ratio of dialogues between female characters that do not contain any mention of men to the total number of dialogues in the fanfiction:

$$B_F = \frac{|D(F, F, 1)|}{|D|}.$$

A high Bechdel score indicates a better passage of the Bechdel test text, while a low score indicates a failure to pass it. If a text has a high Bechdel score, it may indicate that the female characters in the dialogues discuss more than just men, and the author shows them as versatile, erudite persons. A low score may indicate that the author neglects to reveal the female characters, showing them solely as ‘objects of service’ to the male characters with limited interests.

We calculated B_F score for 125 fanfics. Manual labeling of the Bechdel Test is often controversial because the test contains a set of implicit assumptions about what characters should be included and what constitutes dialogue.

Results and Discussion

Dr. A. Alexander и Dr. R. Heuser rightly noted: “The test has inspired much academic as well as popular discussion. It has also been the subject of digital and crowdsourcing-based projects” (Alexander, & Heuser, 2022). However, we have not been able to find any major scientific study that uses this test to analyse literature. Nevertheless, most researchers agree that the test has important practical value, including for education. For example, Dr. A. McMaster (Thorneloe University at Laurentian) considers “it a useful tool for teaching Classical texts, to help students link culture and literature together” (McMaster, 2015, p. 274). Researcher S. Alaniz-Álvarez (National Autonomous University of Mexico) recommended that preschool teachers comply with the criteria of the Bechdel test to advance the profession of women scientists. For example, displaying illustrations in the classroom that meet these requirements (Alaniz-Álvarez, 2017). It can be concluded that this test is interdisciplinary. It is valuable because it is applicable to various cultural products, taking into account social,

historical and (in our case) literary context. This test forms an unbiased approach to social phenomena.

Views and likes provide information about the popularity or unpopularity of fanfics. We compared the reported values of fanfics that passed the Bechdel test with those of fanfics that did not pass the test. The analysis showed that the second kind of fanfics (those that did not pass the test) have more likes, with a median difference of 173 likes. The statistical probability that a fanfic passes the Bechdel test is $p = 0.056$ (7 fanfics out of 125), while the probability that it fails the test is $p = 0.944$ (118 out of 125). The percentage of likes for fanfics that fail the test is 95% higher than for fanfics that pass the test. What this means: fanfics with a male gender connotation are more popular.

All of the fanfics in question based on the Alien fandom, which considerably narrowed down the possibility of variations in the description of the character's appearance and habitus. Since the universe based on this movie series appeared long ago, readers are mostly rather earnest to the author's attempts to make any significant changes concerning the physical features of a character and his or her race. More loyally, judging by the reviews, they treat variations in the characters' worldviews, behaviors, and features. For example, in many fictions, extraterrestrial life forms are anthropomorphized, becoming, in the view of the authors, almost complete analogs of humans (with the exception of appearance).

As a rule, most fanfiction authors are women. An interesting explanation for this was given by Camille Bacon-Smith, an American researcher, author of *Enterprising Women*, and fan of the Star Wars universe: "male fans of the show generally balk at the restriction and prefer to engage in activities such as costuming or crafts, for which payment is not a traditional reward. Women, who traditionally spend large portions of their lives working in relative isolation for little or no pay, bring a different set of motivations to their writing and art. They want to talk to other women, to express themselves in the science fiction form that until recently has all but excluded them" (Bacon-Smith, 1986).

However, in the case of the Russian-speaking Alien franchise fandom, we do not observe a huge disproportion in the number of female and male authors: 40 to 33, respectively. What's more, male authors were much more prolific than female ones: of the 125 fanfictions we have selected, 64 (51 %) are written by them, but considering that male authors are fewer in number than female ones, the average number of fanfics per male author is about 2, while per female 'writer', it is 1.5.

Another specific of Russian-speaking fanfiction on the Alien/Aliens universe is the predominance of works of the 'genre' category with no or insignificant romantic or sexual relationships in their plots. In Russian-speaking fanfiction, in general, slash works (works about romantic and/or sexual relations between men), written generally by female authors, dominate here, as well as in non-Russian-speaking fanfiction. Lately, though, 'genre' is gaining popularity consistently in other fandoms (Populyarnye, 2023). In our case, the distribution of focus according to the author's gender is as follows (table 1).

Table 1

Categorization by gender of the author	
Author's gender	Number of fanfics
Female	61
Get	20
Gen	29
Other types of relationships	3
Slash	6
Femslash	3
Male	64
Get	8
Gen	38
Other types of relationships	1
Slash	13
Femslash	4
Overall	125

As for the issue of gender impartiality in Russian-language Alien/Anti-Aliens fanfictions, we find another interesting trait. If we remember the original works, i.e., the films *Alien* (1979), *Aliens* (1986), *Alien 3* (1992), *Alien: Resurrection* (1997), and the later prequels *Prometheus* (2012), *Alien: Covenant* (2017), we find that in all the original parts the protagonist is a woman, who struggles for life, and in the end, the only one of the whole team survives. In our case, however, only 81 of the 125 fanfics have female characters, and only half of the 81 have more than one female character, making them potentially eligible for the Bechdel Test. At the same time, the number of female and male fanfics potentially suitable for the test was almost equally divided (23 vs 17, respectively). The total number of female characters in male and female fanfics was also almost evenly distributed (table 2).

Table 2

Number of female characters in male and female fanfics	
Author's gender	Total number of female characters
Female	77
Male	78
Overall	155

However, we found the greatest number of female characters – 11 – in the fanfiction *Stranger Among Aliens* by male author nikv19 in the gen category. The maximum number of female characters is 5 (Angelica2001's *Alien* fanfiction in the “genre” category with a rating of NC-17).

In both male and female fanfics, female characters are not silent. Naturally, female characters are slightly more talkative in female fanfics than in male ones, and female characters communicate with each other more than in male ones

(42 vs 15, respectively). However, when it comes to Bechdel’s score, we see the following picture (table 3): in female fanfics, two female characters talk about men more often than in male fanfics.

Table 3

Feminine and masculine fanfics on the Bechdel scale			
Author’s gender	Number of dialogs involving female characters	Number of dialogs between female characters	Bechdel Score
Women’s	273.00	56.00	42.00
Men’s	158.00	17.00	15.00
The overall result	431	73	57

Thus, a fanfic containing a dialogue between two female characters is more likely to pass the Bechdel Test for male writers than for female ones. Hence, we can assume that the female writers do not well understand what else two women can talk about, except for men.

How much does a fanfic’s popularity depend on its gender impartiality? Only 31 of the 143 *Alien/Suspense* fanfics received 100 or more likes. Only 6 of those 31 fanfics passed Bechdel’s test. Furthermore, only 17 of the 31 have female characters, 9 have female characters engaging in dialogue, and only six fanfics have two female characters talking to each other. From this, we conclude that gender impartiality does not affect fanfics’ popularity among readers at all.

What do most popular fanfics have in common?

First, 21 of 31 fanfics are slash or het. It means that readers have a request for stories with romantic and/or sexual relationships between characters.

Secondly, 28 of 31 fanfictions have a high age rating from R to NC-21. Slashes written by males receiving the highest number of likes. It suggests that the readers favor male homosexual fantasies over female fantasies about ‘how men do it’. In other words, young people apparently prefer to get information and experiences firsthand.

It is worth mentioning that most of the popular slashes were posted between 2011 and 2016, late fanfics that got into the list of 100+ likes mostly belong to the ‘gen’ and ‘het’ categories, which indicates a decrease in interest in homosexual themes among Russian-speaking fiction writers in the *Alien/Suspense* fandom, also confirmed by the yearly statistics (table 4).

Table 4

The Year	Decrease in interest in homosexual themes				
	Number of fanfics by category				
	Het	Gen	Slash	Femslash	Other types of relationships
2011	1		2		
2012	1	4		2	
2013	4	9	5		
2014	4	12	4	1	
2015	5	12	2	1	1

Table 4, ending

The Year	Number of fanfics by category				
	Het	Gen	Slash	Femslash	Other types of relationships
2016	3	7	2	1	
2017		4	1	2	1
2018	5	9	3		1
2019	3	6			
2020	1	1			1
2021	1	2			
2022		1			
Overall	28	67	19	7	4

As we can see, not a single slash and femslash *Alien* fanfic has been posted since 2019, and between 2017 and 2018, after the release of *Alien: Covenant* although there has been a surge in creative activity in the fandom (26 completed fanfics), only 4 slashes and 2 femslashes were published on the Fanfiction Book site then. Just as curiously, the number of the high age rating fanfics has been decreasing over the years (table 5): starting in 2019, only 3 out of 9 were published, representing only 38 % of the total. While in previous years, every second fanfic written had an age rating of R to NC-21, where R, as it was already mentioned, refers to fanfics that contain erotic scenes or violence without detailed graphic descriptions, NC-17 refers to fanfics intended only for adult readers over the age of 17, NC-21 refers to fanfics intended only for adults over the age of 21. Texts rated NC-17 and NC-21 contain detailed descriptions of erotic and sexual scenes, violence, coarse or crude language and other adult content. Authors, in addition to homosexual themes, are tired of erotica and pornography.

Of further note, we observe the same trends in other Russian-language fandoms.

Table 5

Dynamics of reduction of works with high age rating

The Year	Age rating					Overall
	G	PG-13	R	NC-17	NC-21	
2011				1	2	3
2012	2	2	3			7
2013	5	5	4	4		18
2014	4	5	5	5	2	21
2015	2	6	7	6		21
2016		3	4	6		13
2017	1	2	4		1	8
2018	1	4	7	5	1	18
2019		6	1		2	9
2020		1	1	1		3
2021		2	1			3
2022	1					1
Overall	16	36	37	28	8	125

Conclusion

This study does not pretend to fill the gaps of pedagogical science; it only introduces diversity into the methods of upbringing and education of adolescents. This study demonstrates the value dominants and subconscious attitudes of contemporary Russian youth. Directly or indirectly expressed in amateur writing integrated into the media platforms, they let us understand the priorities and spiritual needs of this part of the population. At the same time, exogenous and endogenous factors in the development of the Russian social sphere have disorganized the awareness of family roles by young people (Y-matrix), which is also reflected, directly or indirectly, in the considered amateur works.

A thorough, comprehensive study of various types of online content intended for the youth audience will not only reveal its information needs but also create a working targeted system of educational and educational actions by changing conditions. The study of fictional writers' creativity by the pedagogical community can adjust educational efforts to form family values in traditional Russian society. The results of analyzing fan texts can be used by teachers to develop students' creativity, inclination to literary creativity and reading, and design thinking. The very fact of teachers' familiarity with the problems of fanfiction contributes to the establishment of trusting relations with the younger generation.

Fanfics published on social media platforms, and therefore carrying the potential for viral spread, help to understand the priorities and spiritual needs of young people, and therefore assess the risks and neutralize them. A thorough, comprehensive study of various types of such content intended for and created by a youth audience will allow not only to identify information requests but also to create a working targeted system of educational and educational actions in accordance with changing conditions. The study of the work of ficwriters by the pedagogical community should correct educational efforts to form family values traditional to Russian society and remove or mitigate the contradictions in the worldview of the younger generation, which is formed during the period of global cognitive wars. This is a strategic task of the educational system of modern Russian society.

References

- Abdullaeva, N.M. (2021). The Bechdel Test and Gender Equality in the Film Industry: The issues of an oversimplified analysis in assessing the representation of women in cinema. *ABV Gender and Diversity Competence* [Electronic resource]. <https://blogs.fu-berlin.de/abv-gender-diversity/2021/12/13/the-bechdel-test-and-gender-equality-in-the-film-industry/>
- Alaniz-Álvarez, S.A. (2017). Desafíos para la enseñanza de la ciencia en preescolar. *Foro Consultivo Internacional. Enseñanza de las Ciencias en Preescolar con Enfoque de Género*, 39–42. <https://lcve.mincyt.gob.ar/Documentos/Ensenianza-de-las-Ciencias-en-Preescolar-con-Enfoque-de-Genero.pdf>

- Alexander, A., & Heuser, R. (2022). Rewiring the Bechdel Test: Experiments in Computational Feminism. *Cambridge Digital Humanities* [Electronic resource]. <https://www.cdh.cam.ac.uk/events/35093/>
- Algavi, L.O., Volkova, I.I., Kadyrova, S.N., & Rastorgueva, N.E. (2021). Youth literary networks as a key to understanding generation Z. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, (3), 3–21. (In Russ.) <https://www.doi.org/10.30547/vestnik.journ.3>. 2021.321
- Amiri, S. (2023). Media Influence on Women's Lifestyle: A Pathological Analysis. *Psychology of Woman Journal*, 4(4), 117–123. <https://doi.org/10.61838/kman.pwj.4.4.14>
- Bacon-Smith, C. (1986, November 16). Spock Among the Women. *New York Times*. <https://www.nytimes.com/1986/11/16/books/spock-among-the-women.html>
- Faryno, J. (2004). *Introduction to Literary Studies: Textbook*. Saint Petersburg: Herzen University. (In Russ.)
- Garcia, D., Weber, I., & Garimella, V. (2014). Gender Asymmetries in Reality and Fiction: The Bechdel Test of Social Media. *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*, 8(1), 131–140. <https://www.doi.org/10.1609/icwsm.v8i1.14522>
- Gender Inequality Index (2022). *United Nations Development Programme* [Electronic resource]. <https://gtmarket.ru/ratings/gender-inequality-index>
- Gendernoe ravenstvo v Rossii: ideal ili lozhnaya cel? [Gender equality in Russia: ideal or false goal?] (2019). *VCIOM (Russian Public Opinion Research Center)* [Electronic resource]. (In Russ.) <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gendernoe-ravenstvo-v-rossii-ideal-ili-lozhnaya-cel->
- Hansom, J. (2019). What do Millennials think about feminism and gender equality? And who do they look up to? *Savanta: data & market research* [Electronic resource]. <https://savanta.com/knowledge-centre/view/what-do-millennials-think-about-feminism-and-gender-equality-and-who-do-they-look-up-to/>
- Jorjikia, M. (2013). Rossijskaya specifika formirovaniya imidzha zhenshchiny politika [The Russian specifics of shaping the image of a female politician]. *Kazan Science*, (2), 116–118. (In Russ.)
- Lawrence, F.K. (2011). SPARQLing Conversation: Automating The Bechdel Wallace Test. In C. Hargood, D.E. Millard (Eds.), *Proceedings of ACM Hypertext Narrative and Hypertext Workshop* (pp. 13–16). Eindhoven: ACM Hypertext Publ.
- McMaster, A. (2015). About a Boy: The Bechdel Test and Teaching Classical Literature. *New England Classical Journal*, 42(4), 268–276. <https://crossworks.holycross.edu/necj/vol42/iss4/5>
- Populyarnye fanfiki i oridzhinaly [Popular Fanfics and Origins] (2023). *Ficbook* [Electronic resource]. Access is restricted in Russia. (In Russ.) <https://ficbook.net/popular>
- Scheiner-Fisher, C., & Russell III, W.B. (2012). Using Historical Films to Promote Gender Equity in the History Curriculum. *The Social Studies*, 103(6), 221–225. <https://www.doi.org/10.1080/00377996.2011.616239>
- Selisker, S. (2015). The Bechdel Test and the Social Form of Character Networks. *New Literary History*, 46(3), 505–523. <https://www.doi.org/10.17613/M6HH4G>
- Sevastyanova, S.K., & Khudnitskaya, E.E. (2023). 'Female topic' in Russian 'Great mirror' collection. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 67, 186–201. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-67-186-201>
- Wolf, V. (1929). *A Room of One's Own*. Project Gutenberg Australia [Electronic resource]. <http://gutenberg.net.au/ebooks02/0200791h.html#ch2>

Bio notes:

Leila O. Algavi, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and History of Journalism, Faculty of Philology, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St,

Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-5335-8506; SPIN-code: 1165-8610. E-mail: algavi-lo@rudn.ru

Irina I. Volkova, Grand PhD in Philology, Professor of the Department of Mass Communication, Faculty of Philology, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-2693-1204; SPIN-code: 4272-3231. E-mail: volkova-ii@rudn.ru

Alina V. Kharchenko, Lecturer, Department of Mass Communication, Faculty of Philology, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0009-0001-8105-892X; SPIN-code: 2475-3139. E-mail: alva.kharchenko@gmail.com

Mariam Jorjikia, PhD in Philology, Department of Mass Communication, Faculty of Philology, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0009-0002-5024-935X; SPIN-code: 7220-9410. E-mail: m.jorjikia@gmail.com

Сведения об авторах:

Алгави Лейла Омаровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0001-5335-8506; SPIN-код: 1165-8610. E-mail: algavi-lo@rudn.ru

Волкова Ирина Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-2693-1204; SPIN-код: 4272-3231. E-mail: volkova-ii@rudn.ru

Харченко Алина Вадимовна, преподаватель кафедры массовых коммуникаций, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0009-0001-8105-892X; SPIN-код: 2475-3139. E-mail: alva.kharchenko@gmail.com

Джорджикиа Мариам, кандидат филологических наук, кафедра массовых коммуникаций, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0009-0002-5024-935X; SPIN-код: 7220-9410. E-mail: m.jorjikia@gmail.com

INTERVIEW ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-1-213-218

EDN: UURFHB

UDC 791:070

Mediatized Popular Culture in Contemporary India: Multipolar and Multilayered Reflections in Everyday Life: Interview with Prof. Usha Raman

Article history: submitted October 18, 2024; revised November 17, 2024; accepted December 25, 2024.

For citation: Shilina, M.G. (2025). Mediatized Popular Culture in Contemporary India: Multipolar and Multilayered Reflections in Everyday Life: Interview with Prof. Usha Raman. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(1), 213–218. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-213-218>

Медиатизированная популярная культура современной Индии: многополярность и многослойность рефлексии в ежедневной жизни: интервью с профессором Ушей Раман

История статьи: поступила в редакцию 18 октября 2024 г.; отрецензирована 17 ноября 2024 г.; принята к публикации 25 декабря 2024 г.

Для цитирования: *Shilina M.G.* Mediatized popular culture in contemporary India: multipolar and multilayered reflections in everyday life: interview with Prof. Usha Raman // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 1. С. 213–218. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-213-218>

Usha Raman is Professor, Department of Communication, University of Hyderabad. Her academic interests span journalism pedagogy, cultural studies of science, health communication, children's media, feminist media studies, and digital

© Shilina M.G., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

cultures. Before joining the University, she headed the communications department at LV Prasad Eye Institute. In addition to several journal articles and book chapters, she writes regularly for the popular media on issues related to health, gender and education and edits a monthly magazine for school teachers, called Teacher Plus. Usha received her doctorate in mass communication from the University of Georgia, Athens, Georgia, USA, in 1996. She has been a visiting fellow at the University of Sydney (Australia), MIT (MIT Media Lab, MIT, Cambridge, MA, USA) and University of Bremen (Centre for Media, Culture and Information, ZeMKI, Germany). Most recently, her work has focused on civic engagement and digital social networks, and feminist digital methodologies. She is co-founder of the IDRC funded initiative FemLabCo, which explores the future of women's work. Among the grants won by Prof. Raman, is "Organizing Digitally: Opportunities for Collectivization among Female Workers in the Global South," IDRC. She is currently serving as the Vice President of the International Association for Media and Communication Research (2020–2024).

– Professor Raman, what is the specificity of popular culture in contemporary India?

– India has a large and extremely diverse range of cultures, with over two dozen official languages and many hundreds more dialects. This makes it impossible to speak about a single strand of popular culture – there are possibly several subcultures that draw from extremely specific geographies, and others that share a language while spanning many regions. Cinema and the performing arts (folk and popular theatre, music, and dance) exist in almost all of the major Indian languages, but all language groups have their forms of popular culture and increasingly, these are finding space on internet platforms. Popular culture folds within it contemporary issues, reflecting shifts in social norms and lifestyles, while also drawing from and speaking to political concerns and issues.

– What are the roots of mediatized popular culture? Are mythological frames in Indian mass media presented?

– Popular culture in India draws from multiple sources, and of course religion and mythology are major influences on music, cinema and other popular forms. However, there are also strands of popular culture that draw from secular aspects of life, as well as nature and social relationships. Early forms of mediatized culture mimicked folk forms (storytelling forms filmed for television and cinema), but as modern media acquired popularity and reach, new forms of popular culture emerged, drawing from literature and translated into formats for cinema, and later television and radio. One of the most popular shows on television in the early 1990s was a serialized mythological epic, *Ramayana*, which was recently re-made and distributed through a streaming service. Mythology has also inspired recent blockbuster films from both Bollywood (Hindi cinema) and Tollywood (Telugu cinema), adapted to the superhero genre and often mixed in with historical narratives. These stories and themes have also now found their way into videogames, as in the extremely popular Telugu film franchise *Baahubali*.

– *Are there any specific Indian types of mediatization of popular culture?*

– What one is seeing in recent times is the emergence of mediatized forms of what one might call ‘vernacular’ popular culture that had been hitherto marginalized. The availability of digital social media platforms for easy dissemination, and the possibility of low-cost content creation by individuals in their own languages, has led to a vibrant and diverse cultural eco-system. Media scholars have noted the popularity of Bhojpuri music and cinema, for instance – this is a language spoken by a large minority in Central and Northern India – which suggests that popular media creation has undergone a level of democratization. A similar trend has been observed among other migrant groups that are dispersed across the country, but who have been able to enjoy popular media in their own languages, shared on YouTube and other channels, and often circulated through WhatsApp networks. Other marginalised communities (of different caste and religious identities), too, have pushed against the mainstream to find their own media audiences for various cultural outputs, from drama to music to comedy. An interesting aspect of mediatization in Indian culture is its influence on other areas of social life, such as weddings and other social rituals. Wedding ceremonies are often modeled on film themes, and Bollywood music is an almost regular fixture in these festivities. The ‘Bollywoodisation’ of weddings has also traveled to the Indian diaspora, and is one of the more obvious examples of mediatization of everyday life. Political discourse too often borrows from mediatized popular culture, something seen very clearly during election campaigns.

– *Traditional Indian society is of complex structure. How are these realities reflected in modern Indian society? In popular culture? In the media?*

– As I mentioned above, the contemporary media landscape is populated by a tremendous variety of cultural products, reflecting the complexity of Indian society and culture. However, it must be mentioned that mainstream or dominant popular culture – particularly mainstream cinema and its associated – still reflects a certain dominant view of society, with relatively low representation of marginalized identities. There have been critiques of stereotypical and often negative representations of minorities in these mainstream cultural products, with scholars arguing that these serve to reinforce their marginal status in society. Digital platforms have allowed a wider and more diverse range of creators to speak to these ‘absences’ and fill the entertainment gap for audiences from minority groups.

– *You are a prominent researcher of gender issues. How do you describe mediatization of this problem?*

– There is a rich and long scholarship around gender representation in popular culture, as well as on consumption of popular culture by women and other marginalized groups. Issues raised and studied include misogyny in the media, the pervasiveness of gender stereotypes, as well as the lack of participation of women and other sexual minorities in production and management roles in the creative industries. Feminist scholars have also looked at how young women

form role models through consumption of popular media, and at the impact of feminist films on changing social norms. There is a growing community of film makers who are creating ‘feminist cinema’ that attempts to break these stereotypes – one very successful recent film in this genre is *Lapata Ladies*. There is also a growing body of feminist media that uses pop culture as a way of raising crucial gender issues, from security to access to leisure and public infrastructure. These media outlets use platforms like Instagram and YouTube to produce short content that challenges dominant gender norms.

– *In Russia, and worldwide, people like Indian films, first of all, melodrama. Researchers are discussing ‘new waves’, for example ecological films. Is this agenda on the top in cinema? In mass media? How is it reflected in popular culture?*

– I’d say that ecological issues do appear in cinema from time to time but there is as yet no strong movement in this regard. A few independent film makers have been making and screening films on environmental issues in special festivals, and some have achieved a degree of popular success. The recent acclaimed documentaries *The Elephant Whisperers* and *All That Breathes* both deal with the natural world. Several visual artists have been focusing on environmental issues through work shared on social media, from cartoonists like Rohan Chakravarty to artists like Orijit Sen who combine humour with sharp critique. Performers – standup comics and musicians – too have used their art to highlight environmental issues, and some of these campaigns have made good use of social media, with short music videos and reels.

– *Mediatization became ‘deep’ and even transgressive in the digital era. What is your point of view on digitalisation of Indian media in the context of popular culture?*

– I think it is very difficult to think about popular culture today without locating it firmly within the digital landscape. Of course, there are live forms of popular culture that attract large audiences, but one might argue that their popularity is formed by and mediated through digital networks of influence. The primary form of popular culture in much of India is still cinema – delivered through the large screen in multiplexes and malls, or on streaming platforms (again, digital). The digitalization of cinema itself – with large scale special effects, simultaneous release in multiple languages across the globe – is what sustains its dominance. Streaming audio has made it possible for millions of young creators to showcase their work and even find commercial success without the need for human intermediaries. In India, the low cost of data and the growing access to a mobile device has also ensured that media have become a part of the everyday, that entertainment (and thus popular culture) embeds itself in everyday practice, in everyday life.

– *You have a huge global research experience in such innovative research schools as ZEMKI in Bremen. The leader of this school Professor Andreas Hepp describes the current situation with AI as a sort of ‘hype’. What about AI in India and Indian media? What do you think about this as a researcher?*

– This is a big question that we are still trying to understand. I agree that at this point we are caught up in the hype with not enough real understanding about the possible impacts of AI on the media industry, and by extension, on media creation and consumption. We're seeing this in some small ways in recommender systems and content curation. We're also seeing AI being used in some creator tasks – such as captioning. The more serious questions at this point have to do with the use of deep fakes, and we have already seen this in political campaigning as well as in more toxic ways, to target people (often women) with malicious fake videos. There is much to understand, therefore much to research, but I think the more urgent issue is that of digital media literacy and the cultivation of a healthy skepticism among media consumers. I'm already seeing how the rudimentary AI tools we now have (like ChatGPT) are influencing the way students approach their work, often undervaluing their own ability to create and depending on these tools instead. My biggest concern is that many of these young people will not understand the real joy of grappling with tough intellectual puzzles, or struggling with the creative process – because it is so easy to just prompt the AI to solve it for them!

– *I completely agree with you! The way of a researcher is really exciting. What are your professional plans?*

– As a researcher, and as a critical scholar, I would only say we have to pay attention to the social and cultural dimensions of technological shifts, and use our understanding to help people deal with these changes – through education and literacy programmes. It would be great if policy makers paid more attention to the findings of social science and humanities research!

I am looking forward to retiring from my position at the University at the end of this year, and possibly spending more time thinking, reading, and writing about the things that interest me!

– *We wish you success in all your endeavors and waiting for your new scientific discoveries!*

*Interviewed by Marina G. Shilina /
Интервью провела М.Г. Шилина*

Bio notes:

Marina G. Shilina, Grand PhD in Philology, Professor of the Department of Advertising, Public Relations and Design, Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Pereulok, Moscow, 117997, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-9608-352X; SPIN-code: 4953-4002. E-mail: marina.shilina@gmail.com

Usha Raman, Professor, Department of Communication, University of Hyderabad, Professor CR, Rao Road, Gachibowli, Hyderabad, Telangana, 500046, India. ORCID: 0000-0002-9023-9853. E-mail: usharaman@uohyd.ac.in

Сведения об авторах:

Шилина Марина Григорьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Российская Федерация, 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36. ORCID: 0000-0002-9608-352X; SPINE-код: 4953-4002. E-mail: marina.shilina@gmail.com

Уша Раман, профессор департамента коммуникаций, университет Хайдарабада (Индия); профессор СР, Индия, 500046, Телангана, Хайдарабад, Гачибоули, Рао Роуд. ORCID: 0000-0002-9023-9853. E-mail: usharaman@uohyd.ac.in

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-1-219-224

EDN: UVBYQY

УДК 82.01

Обзорная статья / Review

Крымская шмелевиана как часть литературной географии полуострова

Е.А. Коршунова¹ , Е.А. Щепалина²

¹ Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

² Самарская духовная семинария, Самара, Россия

 zhenyakorshunova@gmail.com

Аннотация. Предлагается обзор материалов научного семинара «Крымская шмелевиана как часть литературной географии полуострова», организованного кафедрой русской и зарубежной литературы филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы 26–28 июня 2024 г. в Алуште. Его тематика связана с проблемой «отражения» локальных текстов (московского, петербургского) в зарубежных проекциях (берлинских, парижских).

Ключевые слова: роман, рассказ, «крымский» текст, И.С. Шмелёв, парижский текст, поэтика

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Разработка идеи, сбор и анализ данных, написание и редактирование рукописи – Е.А. Коршунова, Е.А. Щепалина.

История статьи: поступила в редакцию 14 декабря 2024 г.; отрецензирована 20 января 2025 г.; принята к публикации 25 января 2025 г.

Благодарности. Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 23-28-00665, <https://rscf.ru/project/23-28-00665/>; Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского.

Авторы благодарят кафедру русской и зарубежной литературы за организацию ассамблеи «Крымская шмелевиана как часть литературной географии полуострова».

Для цитирования: Коршунова Е.А., Щепалина Е.А. Крымская шмелевиана как часть литературной географии полуострова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 1. С. 219–224. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-219-224>

© Коршунова Е.А., Щепалина Е.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Crimean Shmeleviana as Part of the Literary Geography of the Peninsula

Evgeniya A. Korshunova¹, Ekaterina A. Shchepalina²

¹*RUDN University, Moscow, Russian Federation*

²*Samara Theological Seminary, Samara, Russian Federation*

✉ zhenyakorshunova@gmail.com

Abstract. The article presents a review of the materials of the scientific seminar *Crimean Shmeleviana as part of the literary geography of the Peninsula*, organized by the Department of Russian and Foreign Literature of the Philological Faculty of the RUDN University on June 26–28, 2024 in Alushta. Its subject matter is related to the problem of ‘reflections’ of local texts (Moscow, Petersburg) in foreign projections (Berlin, Parisian).

Keywords: novel, story, Crimean text, I.S. Shmelev, Paris text, literary geography, poetics

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Author’s contribution. Development of the idea, data collection & analysis, manuscript writing and editing – Evgeniya A. Korshunova, Ekaterina A. Shchepalina.

Article history: submitted December 14, 2024; revised January 20, 2025; accepted January 25, 2025.

Acknowledgments. The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-00665, <https://rscf.ru/project/23-28-00665/>; Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky.

The authors thank the Department of Russian and Foreign Literature for organizing the assembly *Crimean Shmeleviana as part of the literary geography of the Peninsula*.

For citation: Korshunova, E.A., & Shchepalina, E.A. (2025). Crimean Shmeleviana as Part of the Literary Geography of the Peninsula. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(1), 219–224. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-219-224>

Введение

Ассамблея «Крымская шмелевиана как часть литературной географии полуострова», организованная Российским университетом дружбы народов имени Патриса Лумумбы и Алуштинской центральной библиотекой имени С.Н. Ценского, проходила в солнечной Алуште 26–28 июня 2024 года. Наиболее важным событием встречи стал научный семинар с одноименным названием, который состоялся 27 июня в библиотеке города. Его цель – не только системно рассмотреть поэтику крымского текста в творчестве И.С. Шмелёва, но и обозначить образно-географическую обратимость локальных текстов. Так, крымский текст генетически восходит к петербургскому, во многом усваивая его идеи, но, если говорить о литературе эмиграции, родственен и тексту московскому. Недаром С.Н. Дурьин именно в Крыму пишет цикл стихов о старой Москве, а И.С. Шме-

лѐв в «Няне из Москвы» исторически и национально русским считает не только московское, но и крымское пространство. Париж, наоборот, в чем-то уподоблен миражному Петербургу. Таким образом, рассматривая локальные тексты в их взаимосвязи, исследователь определяет функции и место крымского текста в творчестве И.С. Шмелёва и его современников.

Основная часть

Центральный доклад, обсуждению которого так или иначе были посвящены и другие научные сообщения, представил доктор филологических наук, профессор Государственного института кино и телевидения Александр Павлович Люсый: «Ривьера в чемоданах: *Emigrantica* и метаморфозы локальных текстов русской литературы», посвященный «отражениям» крымского и петербургского текстов в литературе эмиграции. С точки зрения докладчика, чисто географический культурный «сдвиг» возможен с минимальным драматизмом. В случае вынужденной эмиграции художник не может не испытывать в той или иной степени негативных переживаний в форме «стресса», или «шока». Примером такого «культурного шока» служит случай с легендарным генерал-губернатором Новороссии герцогом Ришельё, который оценил Южный берег Крыма «краше французской Ривьеры». Примерно через сто лет эта метафора в силу исторических перипетий отправится обратно — из Крыма во Францию. И.С. Шмелёв почти буквально воспроизвел это выражение в переписке с Иваном Ильиным. Такая образно-географическая обратимость рассматривается в контексте текстологической концепции русской литературы как суммы локальных текстов. Русские литературы, находясь в эмиграции, воспроизводя «русский Берлин» и «русский Париж», или «Ривьеру», все же оставались представителями петербургского или крымского пространства.

Сюжету путешествия крымского текста в творчестве И.С. Шмелёва посвящен доклад ведущего научного сотрудника Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, доцента кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета РУДН имени Патриса Лумумбы Е.А. Коршуновой — «Крымская шмелевиана как текст: наброски авторского ландшафта». В крымских рассказах и в эпопее «Солнце мертвых» И.С. Шмелёв выстраивает свой целостный вариант восприятия Крыма. Он демифологизирует образ крымского пространства, преодолевает и развенчивает таврический миф, которому противопоставляет миф киммерийский. В последнем структурообразующим становится танатологический комплекс, определяющий и конфликт, и мотивную структуру. В эпопее формируется особое отношение к Крыму, к Алуште, которая стала родным пространством, с ним он, как и с Москвой, связывает понятие родины, противопоставляя фантомный Париж, так напоминающий миражный Петербург. Смысл эпопеи — не только в открытии исторической правды и трагических голосов крымской земли, но и в изображении

путешествия русского человека в пространстве культуры — теме, заданной трагическим XX веком. Мотив рассеяния и бездомного существования продолжен в «Няне из Москвы». И.С. Шмелёв углубляет образы женщин-хранительниц (няни Дарьи Синицыной и Катички) в частности и московскую тему в целом, отправляя героев в путешествие по всему белому свету. Образ Москвы вписан в широкий географический контекст. Как уже отмечалось в исследовательской литературе, географическое пространство, представленное в «Няне из Москвы», для творчества И.С. Шмелёва и русского романа беспрецедентно. Нарочито подчеркивается глобальность перемещений: «Мы в Париж поехали <...> скрозь все земли» (Шмелев, 2000, с. 234). Важно отметить, что писатель, разделяет пространство как бы на два мира: Россию с ее центром Москвой и «тот свет», под которым подразумеваются страны, где побывали герои. Особняком стоит текст крымский. Именно в Крыму, в Ялте, Глафира Алексеевна и барин наконец подводят итоги своей жизни, встречаясь с болезнью и смертью. Мотив покаяния, пасхального воскрешения души и примирения — центральный, хоть и окрашен трагическим переживанием истины. Семейная трагедия разрастается до масштабов общенародной. Именно в Крыму, который переходил из одних рук в другие, до предела обнажаются все противоречия: политические, нравственные, культурные. В докладе показано, как семиосфера московского текста становится родственной смысловому ядру и идее текста крымского, противопоставленного парижскому и берлинскому.

«Образы природы в эпопее И.С. Шмелёва „Солнце мертвых“» — доклад доцента Гуманитарного института филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в Северодвинске Е.Ю. Шестаковой. Образы природы выступают как ведущая ценностно-смысловая и сюжетно-образная доминанта эпопеи И.С. Шмелёва «Солнце мертвых». Личностный характер повествования позволяет раскрыть широкую картину авторского восприятия окружающего пейзажа, состоящую из образов-чувств — звуковых, обонятельных, осязательных, визуальных. Одна из ключевых тем произведения — жизнь и смерть — получает наиболее полное развитие в образах-мотивах камня, гор, моря, солнца, сада, животных, птиц. С крымской природой связан лейтмотив красоты. Художественная концепция И.С. Шмелёва раскрывается как соединение реалистического и символично-метафорического плана пейзажных образов, а также амбивалентности их семантического наполнения. В картину крымской природы привносятся образы «мертвого солнца», «мертвого города», «пустого неба», «пустого песка», «каменной улыбки» гор, разлаженного «чудесного оркестра», темы разрушения и гибели дома, России. Образ сада соотносится с мотивами идиллии и «утраченного рая», темой детства. Показано, что важное место в художественной структуре эпопеи занимают приемы сопоставления (люди-муравьи, люди-букашки, люди-лягушечки) и противопоставления (дети — голуби / взрослые — стервят-

ники, звери; Париж — Россия; Россия прошлого — Россия настоящего). Текст насыщен реминисценциями из произведений русской классической литературы XIX — начала XX века (А.П. Чехов, Ф.М. Достоевский).

Доклад кандидата филологических наук, доцента кафедры классического и зарубежного языкознания Самарской духовной семинарии, исполнителя научного проекта отдела сопровождения научных проектов РХГА имени Ф.М. Достоевского Е.А. Щепалиной назывался **«„Знатного гостя жди до Пасхи“: о духовных смыслах крымского мира А.А. Ахматовой»** и был посвящен ценностно-содержательной стороне крымского текста поэтессы, который противопоставлен петербургскому и связан с процессом взросления и личностного становления «дикой девочки», воображающей себя царицей Фиолента. Автор раскрывает значение Крыма для поэтессы — это и родовое место, сопряженное с историей семьи Горенко, с героической обороной Севастополя, в котором принимал участие дед Анны Андреевны, и место «языческого детства», целительное место свободы и силы. Однако наиболее интересным и малоизученным аспектом в крымском мире А.А. Ахматовой, как указывает докладчик, являются пасхальные образы и символы, открывающие новый взгляд на крымский текст. В поэме биографическое, беззаботно-языческое расширяется до евангельского: за образом Жениха стоит Христос, а напряженный процесс его ожидания, вышивания плащаницы сестрой лирической героини сопоставим с голгофскими страданиями, кульминацией которых становится гибель Жениха. Евангельская притча о десяти девах, вспоминаемая церковью в Страстной вторник, дает возможность понять глубину ахматовского текста: пасхальная радость смешивается с апокалиптическим настроением — человек XX века оказывается на пороге Первой мировой войны, будущей революции и других масштабных катаклизмов: хватит ли каждому елея, чтобы возжечь свои светильники, когда это будет необходимо?

В докладе доцента Института педагогики и психологии образования МГПУ В.А. Соткова **«Образ сестры милосердия в рассказе И.С. Шмелёва „Кровавый грех“»** представлен нетрадиционный образ праведника. Цель исследования — выявление особенностей функционирования этого образа в художественной системе рассказа. Впервые через рассмотрение образа сестры милосердия, контекстуальных переключек с «Летом Господним», «Страхом», изучения его символической нагрузки осмысливается философское своеобразие «Кровавого греха». В результате обоснована принципиально значимая сюжетно-семантическая роль этого и других образов: поезда как символа уходящей России, колокольного звона как смысловой детали, революционеров-каторжан. В сообщении раскрывается разница между романтизацией революции и ее фактическими результатами, которые не принимаются главной героиней. Особо следует отметить автобиографичность образа сестры милосердия, в сознание которой И.С. Шмелёв вкладывает свои мысли. В рассказе она выполняет

сюжетообразующую функцию, она не только главная героиня, но и рассказчик, через призму сознания которой видятся все события, чьим «словом» описывается происходящее: колокольный звон, поезд, Пасха. Автор установил, что прообразом семьи товарного машиниста в рассказе «Кровавый грех» стала семья последнего российского императора Николая II. Событие убийства приобретает обобщенно-символический характер, олицетворяет уничтожение всего доброго в людях, самой русской души, осквернения светлого праздника Пасхи.

Список литературы:

- Шмелёв И.С. Переписка двух Иванов : в 3 томах // Т. 1. Переписка двух Иванов. 1927–1934 ; [сост., вступ. ст., коммент. Ю.Т. Лисицы]. М. : Русская книга, 2000. 560 с.
- Шмелёв И.С. Собрание сочинений : в 5 томах // Т. 3. Рождество в Москве : Роман. Рассказы; [подгот. текста, вступ. ст. Е.А. Осьмининой ; ред. В.П. Шагалова]. М. : Русская книга : Известия, 2004. 352 с.

References

- Shmelev, I.S. (2000). Correspondence of two Ivans in 3 volumes. In Yu.T. Lisica (Ed.), *T. 1. Correspondence of two Ivans. 1927–1934*. Moscow: Russkaya kniga Publ. (In Russ.)
- Shmelev, I.S. (2004). Collection op. In 5 vols. In E.A. Os'minina, V.P. Shagalova (Eds.), *Vol. 3. Christmas in Moscow: Novel. Stories*. Moscow: Russkaya kniga: Izvestiya Publ.

Сведения об авторах:

Коршунова Евгения Александровна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0001-9887-0351; SPIN-код: 4153-9589. E-mail: zhenya-korshunova@gmail.com

Щепалина Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры классического и зарубежного языкознания, Самарская духовная семинария, Российская Федерация, 443110, Самара, ул. Радонежская, д. 2. ORCID: 0009-0003-6459-1081; SPIN-код: 1843-6196. E-mail: katerina-shhepalina@yandex.ru

Bio notes:

Evgeniya A. Korshunova, Grand PhD in Philology, Leading Researcher at the Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad, Associate Professor at the Department of Foreign and Russian literature, Faculty of Philology, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-9887-0351; SPIN-code: 4153-9589. E-mail: zhenyakorshunova@gmail.com

Ekaterina A. Shchepalina, PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Classical and Foreign Linguistics, Samara Theological Seminary, 2 Radonezhskaya St, Samara, 443110, Russian Federation. ORCID: 0009-0003-6459-1081; SPIN-code: 1843-6196. E-mail: katerina-shhepalina@yandex.ru